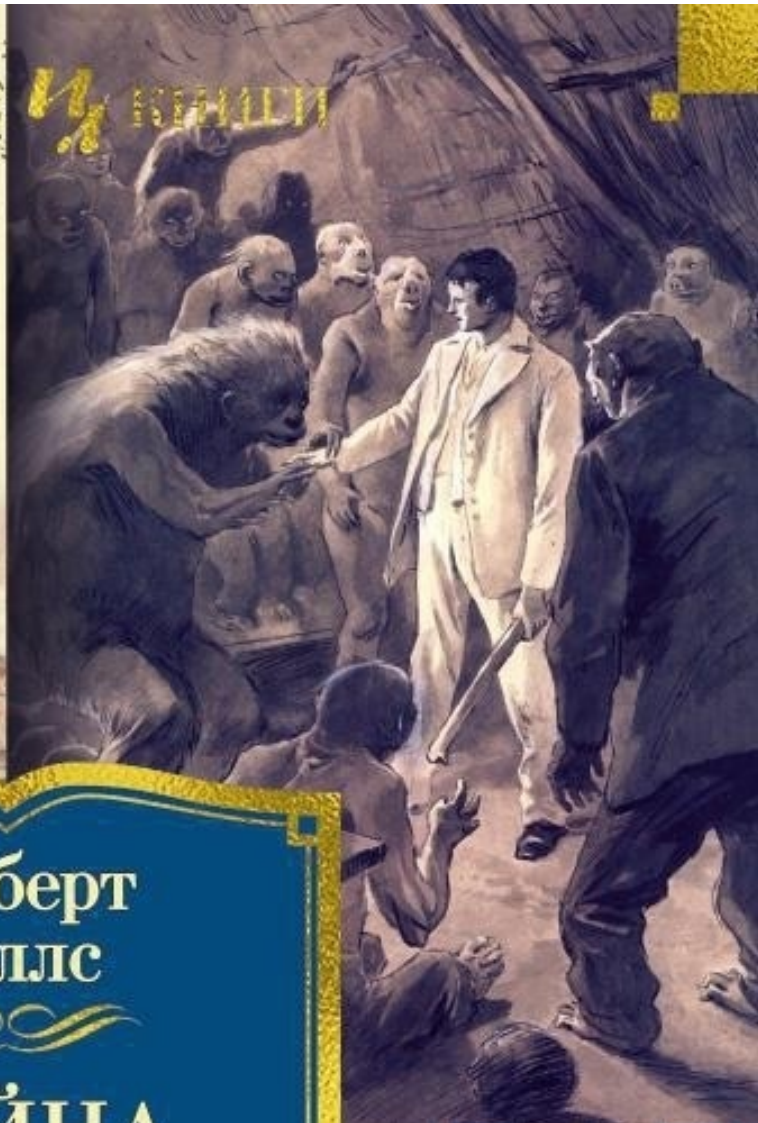
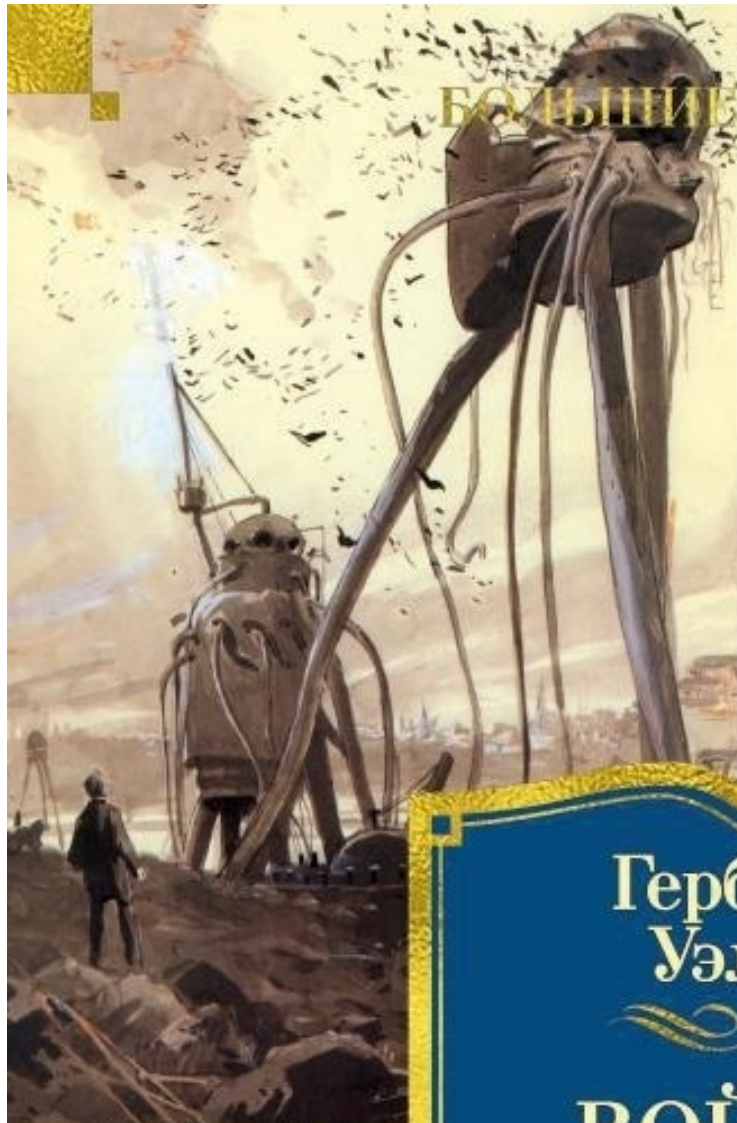

БОЛЬШИЕ ИЛИ КИШИ

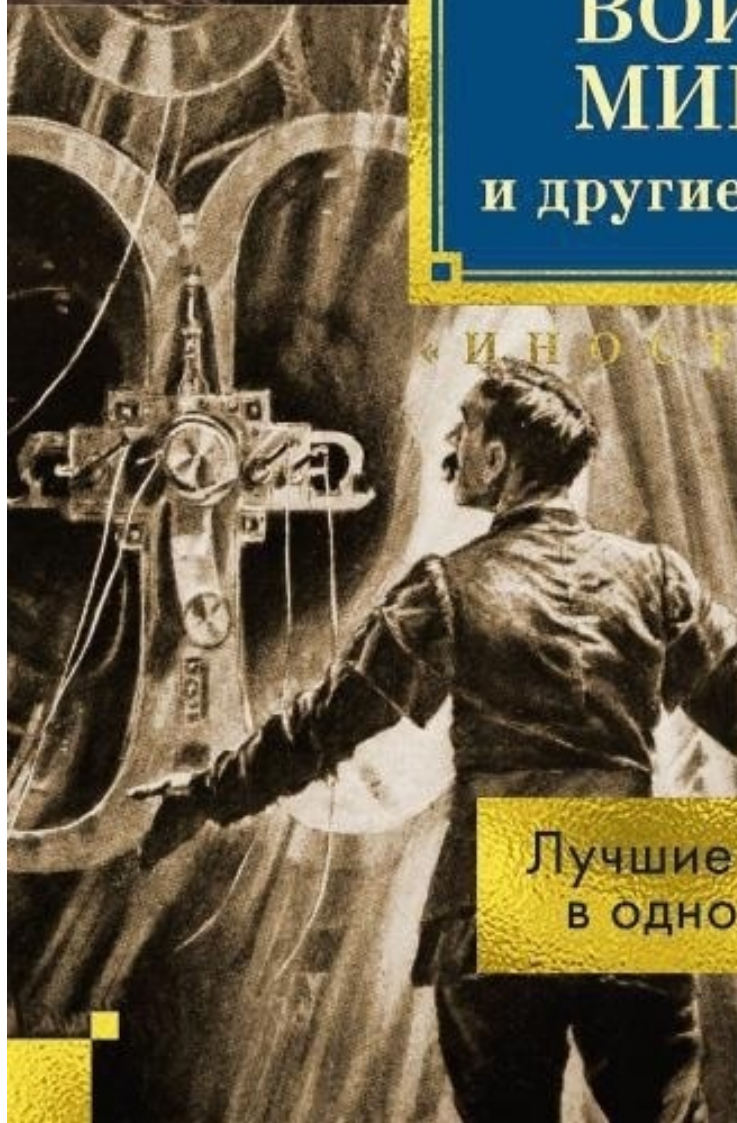

Герберт
Уэллс

ВОЙНА
МИРОВ

и другие романы

«ИНОСТРАНКА»

Лучшие романы
в одном томе

Иностранная литература. Большие книги

Герберт Джордж Уэллс

«Война миров» и другие романы

«Азбука-Аттикус»

1895-1899

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэллс Г.

«Война миров» и другие романы / Г. Уэллс — «Азбука-Аттикус»,
1895-1899 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-23755-1

В сборник произведений английского писателя Герберта Уэллса вошли его лучшие научно-фантастические романы, которые стали своего рода визитной карточкой автора и классикой «литературы предупреждения»: «Машина Времени» (1895) – мрачное повествование о жизни человечества образца 802701 года, «Остров доктора Моро» (1896) и «Человек-невидимка» (1897) – истории о поразительных экспериментах, совершаемых гениальными и безумными учеными, которые дерзновенно преступают законы природы, юридические запреты и нравственные нормы, и «Война миров» (1897) – одна из первых книг на популярную в позднейшей литературе и кинематографе тему инопланетной агрессии, угрожающей существованию человечества. «Когда Спящий проснется» (1898–1899) и «Первые люди на Луне» (1901) – образцы социальной фантастики Уэллса, в которых проигрываются различные негативные модели общественного устройства (будь то лунное иерархическое общество-«муравейник», управляемое Великим Лунарием, или установленный Белым Советом тоталитарный режим на Земле конца XXI века) и возможности их изменения.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-23755-1

© Уэллс Г., 1895-1899

© Азбука-Аттикус, 1895-1899

Содержание

Машина Времени	7
I	8
II	12
III	15
IV	19
V	22
VI	25
VII	29
VIII	33
IX	39
X	42
XI	46
XII	50
XIII	54
XIV	56
XV	59
XVI	60
Эпилог	63
Остров доктора Моро	64
Предисловие	65
I	66
II	68
III	70
IV	73
V	75
VI	77
VII	80
VIII	83
IX	85
X	90
XI	92
XII	95
XIII	100
XIV	103
XV	109
XVI	112
XVII	119
XVIII	122
XIX	125
XX	129
XXI	132
XXII	138
Человек-невидимка	140
Глава I	141
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Герберт Уэллс

«Война миров» и другие романы

© Е. Н. Бирукова (наследник), перевод, 2023

© М. А. Зенкевич (наследники), перевод, 2023

© К. А. Морозова (наследники), перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

Машина Времени

Посвящается Уильяму Эрнесту Хенли

Перевод К. Морозовой

I Вступление

Путешественник по Времени (будем называть его так) рассказывал нам невероятные вещи. Его серые глаза искрились и сияли, лицо, обычно бледное, покраснело и оживилось. В камине ярко пылал огонь, и мягкий свет газовых рожков в виде серебряных лилий переливался в наших бокалах. Стулья собственного его изобретения были так удобны, словно ласкались к нам; в комнате царила та блаженная послеобеденная атмосфера, когда мысль, свободная от строгой определенности, легко скользит с предмета на предмет. Вот что он нам сказал, отмечая самое важное движениями тонкого указательного пальца, в то время как мы лениво сидели на стульях, удивляясь его изобретательности и тому, что он серьезно относится к своему новому парадоксу (как мы это называли):

– Прошу вас слушать меня внимательно. Мне придется опровергнуть несколько общепринятых представлений. Например, геометрия, которой вас обучали в школах, построена на недоразумении...

– Не думаете ли вы, что это слишком широкий вопрос, чтобы с него начинать? – сказал рыжеволосый Филби, большой спорщик.

– Я и не предполагаю, что вы согласитесь со мной, не имея на это достаточно разумных оснований. Но вам придется согласиться со мной, я вас заставлю. Вы, без сомнения, знаете, что математическая линия, линия *без* толщины, воображаема и реально не существует. Учили вас этому? Вы знаете, что не существует также и математической плоскости. Все это чистые абстракции.

– Совершенно верно, – подтвердил Психолог.

– Но ведь точно так же не имеет реального существования и куб, обладающий только длиной, шириной и высотой...

– С этим я не могу согласиться, – заявил Филби. – Без сомнения, твердые тела существуют. А все существующие предметы...

– Так думает большинство людей. Но подождите минуту. Может ли существовать *вне-временной* куб?

– Не понимаю вас, – сказал Филби.

– Можно ли признать действительно существующим кубом то, что не существует ни единого мгновения?

Филби задумался.

– А из этого следует, – продолжал Путешественник по Времени, – что каждое реальное тело должно обладать *четырьмя* измерениями: оно должно иметь длину, ширину, высоту и продолжительность существования. Но вследствие природной ограниченности нашего ума мы не замечаем этого факта. И все же существуют четыре измерения, из которых три мы называем пространственными, а четвертое – временным. Правда, существует тенденция противопоставлять три первых измерения последнему, но только потому, что наше сознание от начала нашей жизни и до ее конца движется рывками лишь в одном-единственном направлении этого последнего измерения.

– Это, – произнес Очень Молодой Человек, делая отчаянные усилия раскурить от лампы свою сигару, – это... право, яснее ясного.

– Замечательно. Однако это совершенно упускают из виду, – продолжал Путешественник по Времени, и голос его слегка повеселел. – Время и есть то, что подразумевается под Четвертым Измерением, хотя некоторые трактующие о Четвертом Измерении не знают, о чем говорят. Это просто иная точка зрения на Время. *Единственное различие между Временем и любым из трех пространственных измерений заключается в том, что наше сознание дви-*

жется по нему. Некоторые глупцы неправильно понимают эту мысль. Все вы, конечно, знаете, в чем заключаются их возражения против Четвертого Измерения?

– Я не знаю, – заявил Провинциальный Мэр.

– Все очень просто. Пространство, как понимают его наши математики, имеет три измерения, которые называются длиной, шириной и высотой, и оно определяется относительно трех плоскостей, расположенных под прямым углом друг к другу. Однако некоторые философские умы задавали себе вопрос: почему же могут существовать только *три* измерения? Почему не может существовать еще одно направление под прямым углом к трем остальным? Они пытались даже создать геометрию четырех измерений. Всего около месяца тому назад профессор Саймон Ньюком излагал эту проблему перед Нью-Йоркским математическим обществом. Вы знаете, что на плоской поверхности, обладающей только двумя измерениями, можно представить чертеж трехмерного тела. Предполагается, что точно так же при помощи трехмерных моделей можно представить предмет в четырех измерениях, если овладеть перспективой этого предмета. Понимаете?

– Кажется, да, – пробормотал Провинциальный Мэр. Нахмутив брови, он углубился в себя и шевелил губами, как человек, повторяющий какие-то магические слова. – Да, мне кажется, я теперь понял, – произнес он спустя несколько минут, и его лицо просияло.

– Ну, я мог бы рассказать вам, как мне пришлось заниматься одно время геометрией четырех измерений. Некоторые из моих выводов довольно любопытны. Например, вот портрет человека, когда ему было восемь лет, другой – когда ему было пятнадцать, третий – семнадцать, четвертый – двадцать три года и так далее. Все это, очевидно, трехмерные представления его четырехмерного существования, которое является вполне определенной и неизменной величиной.

Ученые, – продолжал Путешественник по Времени, помолчав для того, чтобы мы лучше усвоили сказанное, – отлично знают, что Время – только особый вид Пространства. Вот перед вами самая обычная диаграмма, кривая погоды. Линия, по которой я веду пальцем, показывает колебания барометра. Вчера он стоял вот на такой высоте, к вечеру упал, сегодня утром снова поднялся и полз понемногу вверх, пока не дошел вот до этого места. Без сомнения, ртуть не нанесла этой линии ни в одном из общепринятых пространственных измерений. Но так же несомненно, что ее колебания абсолютно точно определяются нашей линией, и отсюда мы должны заключить, что такая линия была проведена в Четвертом Измерении – во Времени.

– Но, – сказал Доктор, пристально глядя на уголь в камине, – если Время действительно только Четвертое Измерение Пространства, то почему же всегда, вплоть до наших дней, на него смотрели как на нечто отличное? И почему мы не можем двигаться во Времени точно так же, как движемся во всех остальных измерениях Пространства?

Путешественник по Времени улыбнулся.

– А вы так уверены в том, что мы можем свободно двигаться в Пространстве? Правда, мы можем довольно свободно пойти вправо и влево, назад и вперед, и люди всегда делали это. Я допускаю, что мы свободно движемся в двух измерениях. Ну а как насчет движения вверх? Сила тяготения ограничивает нас в этом.

– Не совсем, – заметил Доктор. – Существуют же аэростаты.

– Но до аэростатов, кроме неуклюжих прыжков и лазанья по неровностям земной поверхности, у человека не было иной возможности вертикального движения.

– Все же мы можем двигаться немного вверх и вниз, – сказал Доктор.

– Легче, значительно легче вниз, чем вверх!

– Но двигаться во Времени совершенно немислимо, вы никуда не уйдете от настоящего момента.

– Мой дорогой друг, тут-то вы и ошибаетесь. В этом-то и ошибался весь мир. Мы постоянно уходим от настоящего момента. Наша духовная жизнь, нематериальная и не имеющая

измерений, движется с равномерной быстротой от колыбели к могиле по Четвертому Измерению Пространства – Времени. Совершенно так же, как если бы мы, начав свое существование в пятидесяти милях над земной поверхностью, равномерно падали бы вниз.

– Однако главное затруднение, – вмешался Психолог, – заключается в том, что можно свободно двигаться во всех направлениях Пространства, но нельзя так же свободно двигаться во Времени.

– В этом-то и заключается зерно моего великого открытия. Вы совершаете ошибку, говоря, что нельзя двигаться во Времени. Если я, например, очень ярко вспоминаю какое-либо событие, то возвращаюсь ко времени его совершения и как бы мысленно отсутствую. Я на миг делаю прыжок в прошлое. Конечно, мы не имеем возможности остаться в прошлом на какую бы то ни было частицу Времени, подобно тому как дикарь или животное не могут повиснуть в воздухе на расстоянии хотя бы шести футов от земли. В этом отношении цивилизованный человек имеет преимущество перед дикарем. Он, вопреки силе тяготения, может подняться вверх на воздушном шаре. Почему же нельзя надеяться, что в конце концов он сумеет также остановить или ускорить свое движение по Времени или даже повернуть в противоположную сторону?

– Это совершенно невозможно... – начал было Филби.

– Почему нет? – спросил Путешественник по Времени.

– Это противоречит разуму, – ответил Филби.

– Какому разуму? – сказал Путешественник по Времени.

– Конечно, вы можете доказывать, что черное – белое, – сказал Филби, – но вы никогда не убедите меня в этом.

– Возможно, – сказал Путешественник по Времени. – Но все же попытайтесь взглянуть на этот вопрос с точки зрения геометрии четырех измерений. С давних пор у меня была смутная мечта создать машину...

– Чтобы путешествовать по Времени? – прервал его Очень Молодой Человек.

– Чтобы двигаться свободно в любом направлении Пространства и Времени по желанию того, кто управляет ею.

Филби только рассмеялся и ничего не сказал.

– И я подтвердил возможность этого на опыте, – сказал Путешественник по Времени.

– Это было бы удивительно удобно для историка, – заметил Психолог. – Можно было бы отправиться в прошлое и проверить, например, известное описание битвы при Гастингсе!

– А вы не побоялись бы, что на вас нападут обе стороны? – сказал Доктор. – Наши предки не очень-то любили анахронизмы.

– Можно было бы изучить греческий язык из уст самого Гомера или Платона, – сказал Очень Молодой Человек.

– И вы, конечно, провалились бы на экзамене. Немецкие ученые так удивительно усовершенствовались древнегреческий язык!

– В таком случае лучше уж отправиться в будущее! – воскликнул Очень Молодой Человек. – Подумайте только! Можно было бы поместить все свои деньги в банк под проценты – и вперед!

– А там окажется, – перебил я, – что общество будущего основано на строго коммунистических началах.

– Это самая экстравагантная теория!.. – воскликнул Психолог.

– Да, так казалось и мне, но я не говорил об этом до тех пор...

– Пока не могли подтвердить это опытом! – подхватил я. – И вы можете доказать...

– Требую опыта! – закричал Филби, которому надоели рассуждения.

– Покажите же нам свой опыт, – сказал Психолог, – хотя, конечно, все это чепуха.

Путешественник по Времени, улыбаясь, обвел нас взглядом. Затем все с той же усмешкой засунул руки в карманы и медленно вышел из комнаты. Мы услышали шарканье его туфель по длинному коридору, который вел в лабораторию.

Психолог посмотрел на нас.

– Интересно, зачем он туда пошел?

– Наверно, это какой-нибудь фокус, – сказал Доктор.

Филби принялся рассказывать о фокуснике, которого он видел в Барселеме, но тут Путешественник по Времени вернулся, и рассказ Филби остался неоконченным.

II Машина Времени

Путешественник по Времени держал в руке искусно сделанный блестящий металлический предмет немного больше маленьких настольных часов. Он был сделан из слоновой кости и какого-то прозрачного, как хрусталь, вещества. Теперь я постараюсь быть очень точным в своем рассказе, так как за этим последовали совершенно невероятные события. Хозяин придвинул один из маленьких восьмиугольных столиков, расставленных по комнате, к самому камину так, что две его ножки очутились на каминном коврикe. На этот столик он поставил свой аппарат. Затем придвинул стул и сел на него. Кроме аппарата, на столе стояла еще небольшая лампа под абажуром, от которой падал яркий свет. В комнате теперь горело еще около дюжины свечей: две в бронзовых подсвечниках на камине, остальные в канделябрах, – так что вся она была освещена. Я сел в низкое кресло поближе к огню и выдвинул его вперед так, что оказался почти между камином и Путешественником по Времени. Филби уселся позади и смотрел через его плечо. Доктор и Провинциальный Мэр наблюдали с правой стороны, а Психолог – слева. Очень Молодой Человек стоял позади Психолога. Все мы насторожились. Мне кажется невероятным, чтобы при таких условиях нас можно было обмануть каким-нибудь фокусом, даже самым хитрым и искусно выполненным.

Путешественник по Времени посмотрел на нас, затем на свой аппарат.

– Ну? – сказал Психолог.

– Этот маленький механизм – только модель, – сказал Путешественник по Времени, облокотившись на стол и сплетя пальцы над аппаратом. – По ней я делаю машину для путешествия по Времени. Вы замечаете, какой у нее необычный вид? Например, вот у этой пластинки очень смутная поверхность, как будто бы она в некотором роде не совсем реальна.

Он указал пальцем на одну из частей модели.

– Вот здесь находится маленький белый рычажок, а здесь другой.

Доктор встал со стула и принялся рассматривать модель.

– Чудесно сделано, – сказал он.

– На это ушло два года, – ответил Путешественник по Времени. Затем, после того как мы все по примеру Доктора осмотрели модель, он добавил: – А теперь обратите внимание на следующее: если нажать на этот рычажок, машина начинает скользить в будущее, а второй рычажок вызывает обратное движение. Вот седло, в которое должен сесть Путешественник по Времени. Сейчас я нажму рычаг – и машина двинется. Она исчезнет, умчится в будущее и скроется из наших глаз. Осмотрите ее хорошенько. Осмотрите также стол и убедитесь, что тут нет никакого фокуса. Я вовсе не желаю потерять свою модель и получить за это только репутацию шарлатана.

Наступило минутное молчание. Психолог как будто хотел что-то сказать мне, но передумал. Путешественник по Времени протянул палец по направлению к рычагу.

– Нет, – сказал он вдруг. – Пусть кто-нибудь даст мне руку. – Обернувшись к Психологу, он взял его за локоть и попросил вытянуть указательный палец.

Таким образом, Психолог сам отправил модель Машины Времени в ее бесконечное путешествие. Мы все видели, как рычаг повернулся. Я глубоко убежден, что здесь не было обмана. Произошло колебание воздуха, и пламя лампы задрожало. Одна из свечей, стоявших на камине, погасла. Маленькая машина закачалась, сделалась неясной, на мгновение она представилась нам как тень, как призрак, как вихрь поблескивавшего хрусталя и слоновой кости – и затем исчезла, пропала. На столе осталась только лампа.

С минуту мы все молчали. Затем Филби пробормотал проклятие.

Психолог, оправившись от изумления, заглянул под стол. Путешественник по Времени весело рассмеялся.

– Ну! – сказал он, намекая на сомнения Психолога.

Затем, встав, он взял с камина жестянку с табаком и преспокойно принялся набивать трубку.

Мы посмотрели друг на друга.

– Слушайте, – сказал Доктор, – неужели вы это серьезно? Неужели вы действительно верите, что ваша машина отправилась путешествовать по Времени?

– Без сомнения, – ответил он, наклонился к камину и сунул в огонь клочок бумаги. Затем, закулив трубку, посмотрел на Психолога. (Психолог, стараясь скрыть свое смущение, достал сигару и, позабыв обрезать кончик, тщетно пытался закурить.) – Скажу более, – продолжал наш хозяин, – у меня почти окончена большая машина... Там. – Он указал в сторону своей лаборатории. – Когда она будет готова, я предполагаю сам совершить путешествие.

– Вы говорите, что эта машина отправилась в будущее? – спросил Филби.

– В будущее или в прошлое – наверняка не знаю.

– Постойте, – сказал Психолог с воодушевлением. – Она должна была отправиться в прошлое, если вообще можно допустить, что она куда-нибудь отправилась.

– Почему? – спросил Путешественник по Времени.

– Потому что если бы она не двигалась в Пространстве и отправилась в будущее, то все время оставалась бы с нами: ведь и мы путешествуем туда же!

– А если бы она отправилась в прошлое, – добавил я, – то мы видели бы ее еще в прошлый четверг, когда были здесь, и в позапрошлый четверг и так далее!

– Серьезные возражения! – заметил Провинциальный Мэр и с видом полного беспристрастия повернулся к Путешественнику по Времени.

– Все нет, – сказал тот и, обращаясь к Психологу, добавил: – Вы сами легко можете им это объяснить. Это вне восприятия, неуловимо чувством.

– Конечно, – ответил Психолог, – обращаясь к нам. – С психологической точки зрения это очень просто. Я должен был бы подумать раньше. Это подтверждает ваш парадокс. Мы действительно не можем видеть, не можем воспринять движение этой машины, как не можем видеть спицу быстро вертящегося колеса или пулю, летящую в воздухе. И если машина движется в будущее со скоростью в пятьдесят или сто раз большей, чем мы сами, если она проходит хотя бы минуту времени, пока мы проходим секунду, то восприятие ее равняется, безусловно, только одной пятидесятой или одной сотой обычного восприятия. Это совершенно ясно. – Он провел рукой по тому месту, где стоял аппарат. – Понимаете? – сказал он, смеясь.

Целую минуту мы не сводили взгляда с пустого стола. Затем Путешественник по Времени спросил, что мы обо всем этом думаем.

– Все это кажется сегодня вполне правдоподобным, – ответил Доктор, – но подождем до завтра. Утро вечера мудренее.

– Не хотите ли взглянуть на саму Машину Времени? – спросил Путешественник по Времени.

И, взяв лампу, он повел нас по длинному холодному коридору в свою лабораторию. Ясно помню мерцающий свет лампы, его темную крупную голову впереди, наши пляшущие тени на стенах. Мы шли за ним, удивленные и недоверчивые, и увидели в лаборатории, так сказать, увеличенную копию маленького механизма, исчезнувшего на наших глазах. Некоторые части машины были сделаны из никеля, другие из слоновой кости; были и детали, несомненно вырезанные или выпиленные из горного хрусталя. В общем, машина была готова. Только на скамье, рядом с чертежами, лежало несколько прозрачных, причудливо изогнутых стержней. Они, по видимому, не были окончены. Я взял в руку один из них, чтобы получше рассмотреть. Мне показалось, что он был сделан из кварца.

– Послушайте, – сказал Доктор, – неужели это действительно серьезно? Или это фокус вроде того привидения, которое вы показывали нам на прошлое Рождество?

– На этой машине, – сказал Путешественник по Времени, держа лампу высоко над головой, – я собираюсь исследовать Время. Понимаете? Никогда еще я не говорил более серьезно, чем сейчас.

Никто из нас хорошенько не знал, как отнестись к этим его словам. Выглянув из-за плеча Доктора, я встретился взглядом с Филби, он многозначительно подмигнул мне.

III

Путешественник по Времени возвращается

Мне кажется, в то время никто из нас серьезно не верил в Машину Времени. Дело в том, что Путешественник по Времени принадлежал к числу людей, которые слишком умны, чтобы им можно было слепо верить. Всегда казалось, что он себе на уме, никогда не было уверенности в том, что его обычная откровенность не таит какой-нибудь задней мысли или хитроумной уловки. Если бы ту же самую модель показал нам Филби, объяснив сущность дела теми же словами, мы проявили бы значительно больше доверия. Мы понимали бы, что им движет: всякий колбасник мог бы понять Филби. Но характер Путешественника по Времени был слишком причудлив, и мы инстинктивно не доверяли ему. Открытия и выводы, которые доставили бы славу человеку менее умному, у него казались лишь хитрыми трюками. Достигая своих целей слишком легко, он совершал большую ошибку. Серьезные, умные люди, с уважением относившиеся к нему, никогда не были уверены в том, что он не одурачит их просто ради шутки, и всегда чувствовали, что их репутация в его руках подобна тончайшему фарфору в руках ребенка. Вот почему, как мне кажется, ни один из нас всю следующую неделю, от четверга до четверга, ни словом не обмолвился о путешествии по Времени, хотя, без сомнения, оно заинтересовало всех: кажущаяся правдоподобность и вместе с тем практическая невероятность такого путешествия, забавные анахронизмы и полный хаос, который оно вызвало бы, – все это очень занимало нас. Что касается меня лично, то я особенно заинтересовался опытом с моделью. Помню, я поспорил об этом с Доктором, встретившись с ним в пятницу в Линнеевском обществе. Он говорил, что видел нечто подобное в Тюбингене, и придавал большое значение тому, что одна из свечей во время опыта погасла. Но как все это было проделано, он не мог объяснить.

В следующий четверг я снова поехал в Ричмонд, так как постоянно бывал у Путешественника по Времени, и, немного запоздав, застал в гостиной четверых или пятерых знакомых. Доктор стоял перед камином с листком бумаги в одной руке и с часами в другой. Я огляделся: Путешественника по Времени не было.

– Половина восьмого, – сказал Доктор. – Мне кажется, пора садиться за стол.

– Но где же хозяин? – спросил я.

– Ага, вы только что пришли? Знаете, это становится странным. Его, по-видимому, что-то задержало. В этой записке он просит нас сесть за стол в семь часов, если он не вернется, и обещает потом объяснить, в чем дело.

– Досадно, если обед будет испорчен, – сказал Редактор одной известной газеты.

Доктор позвонил.

Из прежних гостей, кроме меня и Доктора, был только один Психолог. Зато появились новые: Бленк, уже упомянутый нами Редактор, один журналист и еще какой-то тихий, застенчивый бородатый человек, которого я не знал и который, насколько я мог заметить, за весь вечер не проронил ни слова. За обедом высказывались всевозможные догадки о том, где сейчас хозяин. Я шутливо намекнул, что он путешествует по Времени. Редактор захотел узнать, что это значит, и Психолог принялся длинно и неинтересно рассказывать об «остроумном парадоксе и фокусе», очевидцами которого мы были неделю назад. В самой середине его рассказа дверь в коридор медленно и бесшумно отворилась. Я сидел напротив нее и первый заметил это.

– А! – воскликнул я. – Наконец-то!

Дверь распахнулась настежь, и мы увидели Путешественника по Времени.

У меня вырвался крик изумления.

– Господи, что с вами? – воскликнул Доктор.

Все сидевшие за столом повернулись к двери.

Вид у него был действительно странный. Его сюртук был весь в грязи, на рукавах проступали какие-то зеленые пятна; волосы были всклокочены и показались мне поседевшими от пыли или оттого, что они за это время выцвели. Лицо его было мертвенно-бледно, на подбородке виднелся темный, едва затянувшийся рубец, глаза дико блуждали, как у человека, перенесшего тяжкие страдания. С минуту он постоял в дверях, как будто ослепленный светом. Затем, прихрамывая, вошел в комнату. Так хромают бродяги, когда натрут ноги. Мы все выжидающе смотрели на него.

Не произнеся ни слова, он заковылял к столу и протянул руку к бутылке. Редактор налил шампанского и пододвинул ему бокал. Он осушил бокал залпом, и ему, казалось, стало лучше: он обвел взглядом стол, и на лице его мелькнуло подобие обычной улыбки.

– Что с вами случилось? – спросил Доктор.

Путешественник по Времени, казалось, не слышал вопроса.

– Не беспокойтесь, – сказал он запинаясь. – Все в порядке.

Он замолчал и снова протянул бокал, затем выпил его, как и прежде, залпом.

– Вот хорошо, – сказал он.

Глаза его заблестели, на щеках показался слабый румянец. Он взглянул на нас с одобрением и два раза прошелся из угла в угол теплой и уютной комнаты. Потом заговорил, запинаясь и как будто с трудом подыскивая слова:

– Я пойду приму ванну и переоденусь, а затем вернусь и все вам расскажу... Оставьте мне только кусочек баранины. Я смертельно хочу мяса.

Он взглянул на Редактора, который редко бывал в его доме, и поздоровался с ним. Редактор что-то спросил у него.

– Дайте мне только одну минутку, и я вам отвечу, – сказал Путешественник по Времени. – Смотрите, в каком я виде. Но через минуту все будет в порядке.

Он поставил бокал на стол и направился к двери. Я снова обратил внимание на его хромоту и на глухой звук его шагов. Привстав со стула как раз в то мгновение, когда он выходил из комнаты, я поглядел на его ноги. На них не было ничего, кроме изорванных и окровавленных носков. Дверь закрылась. Я хотел его догнать, но вспомнил, как он ненавидит лишнюю суету. Несколько минут я не мог собраться с мыслями.

– «Странное Поведение Знаменитого Ученого», – услышал я голос Редактора, который по привычке мыслил в форме газетных заголовков. Эти слова вернули меня к ярко освещенному обеденному столу.

– В чем дело? – спросил Журналист. – Что он, разыгрывает из себя бродягу, что ли? Ничего не понимаю.

Я встретился взглядом с Психологом и на его лице прочел отражение собственных мыслей. Я подумал о путешествии по Времени и о самом Путешественнике, ковылявшем теперь наверх по лестнице. Кажется, никто, кроме меня, не заметил его хромоты.

Первым опомнился Доктор. Он позвонил – Путешественник по Времени не любил, чтобы прислуга находилась в комнате во время обеда, – и велел подать следующее блюдо. Проворчав что-то себе под нос, Редактор принялся орудовать ножом и вилкой, и Молчаливый Гость последовал его примеру. Все снова принялись за еду. Некоторое время разговор состоял из одних удивленных восклицаний, перемежавшихся молчанием. Любопытство Редактора достигло предела.

– Не пополняет ли наш общий друг свои скромные доходы нищенством? – начал он снова. – Или с ним случилось то же самое, что с Навуходоносором?

– Я убежден, что это имеет какое-то отношение к Машине Времени, – сказал я и стал продолжать рассказ о нашей предыдущей встрече с того места, где остановился Психолог. Новые гости слушали с явным недоверием. Редактор принялся возражать.

– Хорошенькое путешествие по Времени! – воскликнул он. – Подумайте только! Не может же человек покрыться пылью только потому, что запутался в своем парадоксе! – Найдя эту мысль забавной, он принялся острить: – Неужели в Будущем нет платяных щеток?

Журналист тоже ни за что не хотел нам верить и присоединился к Редактору, легко нанизывая одну на другую насмешки и несообразности. Оба они были журналистами нового типа – веселые разбитные молодые люди.

– «Наш Специальный Корреспондент из Послезавтрашнего Дня Сообщает!» – сказал – или скорее выкрикнул – Журналист в то мгновение, когда Путешественник по Времени появился снова. Он был теперь в своем обычном костюме, и, кроме блуждающего взгляда, во внешности его не осталось никаких следов недавней перемены, которая меня так поразила.

– Вообразите, – весело сказал Редактор, – эти шутники утверждают, что вы побывали в середине будущей недели!.. Не расскажете ли вы нам что-нибудь о малыше Розбери? Какой желаете гонорар?

Не произнеся ни слова, Путешественник по Времени подошел к оставленному для него месту. Он улыбался своей обычной спокойной улыбкой.

– Где моя баранина? – спросил он. – Какое наслаждение снова воткнуть вилку в кусок мяса!

– Выкладывайте! – закричал Редактор.

– К черту! – воскликнул Путешественник по Времени. – Я умираю с голоду. Не скажу ни слова, пока не подкреплюсь. Благодарю вас. И будьте любезны, передайте соль.

– Одно только слово, – проговорил я. – Вы путешествовали по Времени?

– Да, – ответил Путешественник по Времени с набитым ртом и кивнул.

– Готов заплатить по шиллингу за строчку, – сказал Редактор.

Путешественник по Времени пододвинул к Молчаливому Человеку свой бокал и постучал по нему пальцем; Молчаливый Человек, пристально смотревший на него, нервно вздрогнул и налил вина.

Обед показался мне бесконечно долгим. Я с трудом удерживался от вопросов, и, думаю, то же самое было со всеми остальными. Журналист пытался поднять настроение, рассказывая анекдоты о Хетти Поттер. Но Путешественник по Времени был поглощен обедом и ел с аппетитом настоящего бродяги. Доктор курил сигару и, прищурившись, незаметно наблюдал за ним. Молчаливый Человек, казалось, был застенчивей обыкновенного и нервно пил шампанское. Наконец Путешественник по Времени отодвинул тарелку и оглядел нас.

– Я должен извиниться перед вами, – сказал он. – Простите! Я умирал с голоду. Со мной случилось удивительнейшее происшествие.

Он протянул руку за сигарой и обрезал ее конец.

– Перейдемте в курительную. Это слишком длинная история, чтобы рассказывать ее за столом, уставленным грязными тарелками.

И, позвонив прислуге, он отвел нас в соседнюю комнату.

– Рассказывали вы Бленку, Дэшу и Чоузу о Машине? – спросил он меня, откидываясь на спинку удобного кресла и указывая на троих новых гостей.

– Но ведь это просто парадокс, – сказал Редактор.

– Сегодня я не в силах спорить. Рассказать могу, но спорить не в состоянии. Если хотите, я расскажу вам о том, что со мной случилось, но прошу не прерывать меня. Я чувствую непреодолимую потребность рассказать вам все. Знаю, что едва ли не весь мой рассказ покажется вам вымыслом. Пусть так! Но все-таки это правда – от первого до последнего слова... Сегодня в четыре часа дня я был в своей лаборатории, и с тех пор... за три часа прожил восемь дней... Восемь дней, каких не переживал еще ни один человек! Я измучен, но не лягу спать до тех пор, пока не расскажу вам все. Тогда только я смогу заснуть. Но не прерывайте меня. Согласны?

– Согласен, – сказал Редактор.

И все мы повторили хором:

– Согласны!

И Путешественник по Времени начал свой рассказ, который я привожу здесь. Сначала он сидел, откинувшись на спинку кресла, и казался крайне утомленным, но потом понемногу оживился. Пересказывая его историю, я слишком глубоко чувствую полнейшее бессилие пера и чернил и, главное, собственную свою неспособность передать все эти характерные особенности. Вероятно, вы прочтете его со вниманием, но не увидите бледного искреннего лица рассказчика, освещенного ярким светом лампы, и не услышите звука его голоса. Вы не сможете представить себе, как по ходу рассказа изменялось выражение этого лица. Большинство из нас сидело в тени: в курительной комнате не были зажжены свечи, а лампа освещала только лицо Журналиста и ноги Молчаливого Человека, да и то лишь до колен.

Сначала мы молча переглядывались, но вскоре забыли обо всем и смотрели только на Путешественника по Времени.

IV

Путешествие по Времени

– В прошлый четверг я объяснял уже некоторым из вас принцип действия моей Машины Времени и показывал ее, еще не законченную, в своей мастерской. Там она находится и сейчас, правда немного потрепанная путешествием. Один из костяных стержней надломлен, и бронзовая полоса погнута, но все остальные части в исправности. Я рассчитывал закончить ее еще в пятницу, но, собрав все, заметил, что одна из никелевых деталей на целый дюйм короче, чем нужно. Пришлось снова ее переделывать. Вот почему моя Машина была закончена только сегодня. В десять часов утра первая в мире Машина Времени была готова к путешествию. В последний раз я осмотрел все, испробовал винты и, снова смазав кварцевую ось, сел в седло. Думаю, что самоубийца, который подносит револьвер к виску, испытывает такое же странное чувство, какое охватило меня, когда одной рукой я взялся за пусковой рычаг, а другой – за тормоз. Я быстро повернул первый и почти тотчас же второй. Мне показалось, что я покачнулся, испытав, будто в кошмаре, ощущение падения. Но, оглядевшись, я увидел свою лабораторию такой же, как и за минуту до этого. Произошло ли что-нибудь? На мгновение у меня мелькнула мысль, что все мои теории ошибочны. Я посмотрел на часы. Минуту назад, как мне казалось, часы показывали начало одиннадцатого, теперь же – около половины четвертого!

Я вздохнул и, сжав зубы, обеими руками повернул пусковой рычаг. Лаборатория стала туманной и неясной. Вошла миссис Уотчет и, по-видимому не замечая меня, двинулась к двери в сад. Для того чтобы пересечь комнату, ей понадобилось, вероятно, около минуты, но мне показалось, что она пронеслась с быстротой ракеты. Я повернул рычаг до отказа. Сразу наступила темнота, как будто потушили лампу, но в следующее же мгновение вновь стало светло. Я неясно различал лабораторию, которая становилась все более и более туманной. Вдруг наступила ночь, затем снова день, снова ночь и так далее, все быстрее. У меня шумело в ушах, и странное ощущение падения стало сильнее.

Боюсь, что не сумею передать вам своеобразных ощущений от путешествия по Времени. Чтобы понять меня, их надо испытать самому. Они очень неприятны. Как будто мчишься куда-то, беспомощный, с головокружительной быстротой. Предчувствие ужасного, неизбежного падения не покидает тебя. Пока я мчался таким образом, ночи сменялись днями, подобно взмахам черных крыльев. Скоро смутные очертания моей лаборатории исчезли, и я увидел солнце, каждую минуту делавшее скачок по небу от востока до запада, и каждую минуту наступал новый день. Я решил, что лаборатория разрушена и я очутился под открытым небом. У меня было впечатление, что здесь что-то строится, но я мчался слишком быстро, чтобы воспринимать подробности. Самая медленная из улиток двигалась для меня слишком быстро. Мгновенная смена темноты и света была нестерпима для глаз. В секунды потемнения я видел луну, которая быстро пробегала по небу, меняя свои фазы от новолуния до полнолуния, видел слабое мерцание кружившихся звезд. Я продолжал мчаться так со все возрастающей скоростью, день и ночь слились наконец в сплошную серую пелену; небо окрасилось в ту удивительную синеву, приобрело тот чудесный оттенок, который появляется в ранние сумерки; метавшееся солнце превратилось в огненную полосу, дугой сверкавшую от востока до запада, а луна – в такую же полосу слабо струившегося света; я уже не мог видеть звезд и только изредка замечал то тут, то там светлые круги, опоясавшие небесную синеву.

Вокруг меня все было смутно и туманно. Я все еще находился на склоне холма, на котором и сейчас стоит этот дом, и вершина его поднималась надо мной, серая и расплывчатая. Я видел, как деревья вырастали и изменяли форму, подобно клубам дыма: то желтея, то зеленея, они росли, увеличивались и исчезали. Я видел, как огромные великолепные здания появлялись и таяли, словно сновидения. Вся поверхность земли изменялась на моих глазах. Маленькие

стрелки на циферблатах, показывавшие скорость Машины, вертелись все быстрее и быстрее. Скоро я заметил, что полоса, в которую превратилось солнце, колеблется то к северу, то к югу – от летнего солнцестояния к зимнему, – показывая, что я пролетал более года в минуту, и каждую минуту снег покрывал землю и сменялся яркой весенней зеленью.

Первые неприятные ощущения полета стали уже не такими острыми. Меня вдруг охватило какое-то иступление. Я заметил странное качание Машины, но не мог понять причины этого. В голове моей был какой-то хаос, и я в припадке безумия летел в будущее. Я не думал об остановке, забыл обо всем, кроме своих новых ощущений. Но вскоре эти ощущения сменились любопытством, смешанным со страхом. «Какое удивительное развитие человечества, какие чудесные достижения прогресса по сравнению с нашей зачаточной цивилизацией, – думал я, – могут открыться передо мной, если я взгляну поближе на смутный, мелькающий мир, несущийся и меняющийся перед моими глазами!» Я видел, как вокруг меня вздымались огромные сооружения чудесной архитектуры, гораздо более величественные, чем здания нашего времени, но они казались как бы сотканными из мерцающего тумана. Я видел, как склон этого холма покрылся пышной зеленью и она оставалась на нем круглый год – летом и зимой. Даже сквозь дымку, окутавшую меня, зрелище показалось мне удивительно прекрасным. И я почувствовал желание остановиться.

Риск заключался в том, что пространство, необходимое для моего тела или моей Машины, могло оказаться уже занятым. Пока я с огромной скоростью мчался по Времени, это не имело значения: я находился, так сказать, в разжиженном состоянии, подобно пару, скользил между встречавшимися предметами. Но остановка означала, что я должен молекула за молекулой втиснуться в то, что оказалось бы на моем пути: атомы моего тела должны были войти в такое близкое соприкосновение с атомами этого препятствия, что между теми и другими могла произойти бурная химическая реакция – возможно, мощный взрыв, после которого я вместе с моим аппаратом оказался бы по ту сторону всех возможных измерений, в Неизвестности. Эта возможность не раз приходила мне на ум, пока я делал Машину, но тогда я считал, что это неизбежный риск, на который необходимо идти. Теперь же, когда опасность казалась неминуемой, я уже не смотрел на нее так беззаботно. Дело в том, что новизна окружающего, утомительные колебания и дрожание Машины, а главное, непрерывное ощущение падения – все это незаметно действовало на мои нервы. Я говорил себе, что уже больше не смогу никогда остановиться, и вдруг, досадуя на самого себя, решил это сделать. Как глупец, я нетерпеливо рванул тормоз. Машина в то же мгновение перевернулась, и я стремглав полетел в пространство.

В ушах у меня словно загремел гром. На мгновение я был оглушен. Потом с трудом сел и осмотрелся. Вокруг меня со свистом падал белый град, а я сидел на мягком дерне перед опрокинутой Машиной. Все вокруг по-прежнему казалось серым, но вскоре я почувствовал, что шум в ушах прошел, и еще раз осмотрелся: я находился, по-видимому, в саду, на лужайке, обсаженной рододендронами, лиловые и алые цветы падали на землю под ударами града. Отскакивая от земли, градины летели над моей Машиной, таяли и сырым покровом стлались по земле. В одно мгновение я промок до костей.

«Нечего сказать, хорошенькое гостеприимство, – сказал я, – так встречать человека, который промчался сквозь бесчисленное множество лет».

Решив, что мокнуть дольше было бы глупо, я встал и осмотрелся. Сквозь туман за рододендронами я смутно различил колоссальную фигуру, высеченную, по-видимому, из какого-то белого камня. Больше ничего видно не было.

Трудно передать мои ощущения. Когда град стал падать реже, я подробно разглядел белую фигуру. Она была очень велика – высокий серебристый тополь достигал только до ее половины. Высечена она была из белого мрамора и походила на сфинкса, но крылья его не прилегали к телу, а были распростерты, словно он собирался взлететь. Пьедестал показался

мне сделанным из бронзы и был густо покрыт медной зеленью. Лицо Сфинкса было обращено прямо ко мне, его незрячие глаза, казалось, смотрели на меня, и по губам скользила улыбка. Он был сильно потрепан непогодами, словно изъеден болезнью. Я стоял и глядел на него, быть может, полминуты, а может, и полчаса. Казалось, он то приближался, то отступал, смотря по тому, гуще или реже падал град. Наконец я отвел от него глаза и увидел, что завеса града провалилась, небо прояснилось и скоро должно появиться солнце.

Я снова взглянул на белую фигуру Сфинкса и вдруг понял все безрассудство своего путешествия. Что увижу я, когда совершенно рассеется этот туман? Разве люди не могли за это время измениться до неузнаваемости? Что, если они стали еще более жестокими? Что, если они совершенно утратили свой человеческий облик и превратились во что-то нечеловеческое, мерзкое и неодолимо сильное? А может быть, я увижу какое-нибудь дикое животное, еще более ужасное и отвратительное, чем первобытные ящеры, в силу своего человекоподобия, – мерзкую тварь, которую следовало бы тотчас же уничтожить?

Я взглянул кругом и увидел вдали какие-то очертания – огромные дома с затейливыми перилами и высокими колоннами, они отчетливо выступали на фоне лесистого холма, который сквозь утихавшую грозу смутно вырисовывался передо мною. Панический страх вдруг овладел мной. Как безумный я бросился к Машине Времени и попробовал снова запустить ее. Солнечные лучи пробились тем временем сквозь облака. Серая завеса расплылась и исчезла. Надо мной в густой синеве летнего неба растаяло несколько последних облаков. Ясно и отчетливо показались огромные здания, блесквшие после обмывшей их грозы и украшенные белыми грудями нерастаявших градин. Я чувствовал себя совершенно беззащитным в этом неведомом мире. Вероятно, то же самое ощущает птичка, видя, как парит ястреб, собирающийся на нее броситься. Мой страх граничил с безумием. Я собрался с силами, сжал зубы, руками и ногами уперся в Машину, чтобы перевернуть ее. Она поддалась моим отчаянным усилиям и наконец перевернулась, сильно ударив меня по подбородку. Одной рукой держась за сиденье, другой – за рычаг, я стоял, тяжело дыша, готовый снова взобраться на нее.

Но вместе с возможностью отступления ко мне снова вернулось мужество. С любопытством, к которому примешивалось все меньше страха, я взглянул на этот мир далекого будущего. Под аркой в стене ближайшего дома я увидел несколько фигур в красивых свободных одеждах. Они меня тоже увидели: их лица были обращены ко мне.

Затем я услышал приближавшиеся голоса. Из-за кустов позади Белого Сфинкса показались головы и плечи бежавших людей. Один из них выскочил на тропинку, что вела к лужайке, где я стоял рядом со своей Машинкой. Это было маленькое существо – не более четырех футов ростом, одетое в пурпуровую тунику, перехваченную у талии кожаным ремнем. На ногах у него были не то сандалии, не то котурны. Ноги до колен были обнажены, голова не покрыта. Обратив внимание на эту легкую одежду, я впервые почувствовал, какой теплый был там воздух.

Подбежавший человек показался мне удивительно прекрасным, грациозным, но чрезвычайно хрупким существом. Его залитое румянцем лицо напомнило мне лица больных чахоткой – ту чахоточную красоту, о которой так часто приходится слышать. При виде его я внезапно почувствовал доверие. Я отдернул руку от Машины.

V В Золотом Веке

Через мгновение мы уже стояли лицом к лицу – я и это хрупкое существо далекого будущего. Он смело подошел ко мне и приветливо улыбнулся. Это полное отсутствие страха чрезвычайно поразило меня. Он повернулся к двум другим, которые подошли вслед за ним, и заговорил с ними на странном, очень нежном и певучем языке.

Тем временем подросли другие, и скоро вокруг меня образовалась группа из восьми или десяти очень изящных созданий. Один из них обратился ко мне с каким-то вопросом. Не знаю почему, но мне пришло вдруг в голову, что мой голос должен показаться им слишком грубым и резким. Поэтому я только покачал головой и указал на свои уши. Тот, кто обратился ко мне, сделал шаг вперед, остановился в нерешительности и дотронулся до моей руки. Я почувствовал еще несколько таких же нежных прикосновений на плечах и на спине. Они хотели убедиться, что я действительно существую. В их движениях не было решительно ничего внушающего опасение. Наоборот, в этих милых маленьких существах было что-то вызывающее доверие, какая-то грациозная мягкость, какая-то детская непринужденность. К тому же они были такие хрупкие, что казалось, можно совсем легко в случае нужды разбросать их, как кегли, – целую дюжину одним толчком. Однако, заметив, что маленькие руки принялись ощупывать Машину Времени, я сделал предостерегающее движение. Я вдруг вспомнил то, о чем совершенно забыл, – что она может внезапно исчезнуть, вывинтил, нагнувшись над стержнями, рычажки, приводящие Машину в движение, и положил их в карман. Затем снова повернулся к этим людям, раздумывая, как бы мне с ними объясниться.

Я пристально разглядывал их изящные фигурки, напоминавшие дрезденские фарфоровые статуэтки. Их короткие волосы одинаково курчавились, на лице не было видно ни малейшего признака растительности, уши были удивительно маленькие. Рот крошечный, с ярко-пунцовыми, довольно тонкими губами, подбородок остроконечный. Глаза большие и кроткие, но – не считите это за тщеславие! – в них недоставало выражения того интереса ко мне, какого я был вправе ожидать.

Они больше не делали попыток объясниться со мной и стояли, улыбаясь и переговариваясь друг с другом нежными, воркующими голосами. Я первым начал разговор. Указал рукой на Машину Времени, потом на самого себя. После этого, поколебавшись, как лучше выразить понятие о Времени, указал на солнце. Тотчас же одно изящное существо, одетое в клетчатую пурпурно-белую одежду, повторило мой жест и, неслыханно поразив меня, издало звук, подражая грому.

На мгновение я удивился, хотя смысл жеста был вполне ясен. Мне вдруг пришла мысль: а не имею ли я дело просто-напросто с дураками? Вы едва ли поймете, как это поразило меня. Я всегда держался того мнения, что люди эпохи восемьсот второй тысячи лет, куда я залетел, судя по счетчику моей Машины, уйдут невообразимо дальше нас в науке, искусстве и во всем остальном. И вдруг один из них задает мне вопрос, показывающий, что его умственный уровень не выше уровня нашего пятилетнего ребенка: он всерьез спрашивает меня, не упал ли я с солнца во время грозы. И потом, эта их яркая одежда, хрупкое, изящное сложение и нежные черты лица. Я почувствовал разочарование и на мгновение подумал, что напрасно трудился над своей Машинной Времени.

Я кивком указал на солнце и так искусно изобразил гром, что все они отскочили от меня на шаг или два и присели от страха. Но тотчас снова ободрились, и один, смеясь, подошел ко мне с гирляндой чудесных и совершенно неизвестных мне цветов. Он обвил гирляндой мою шею под мелодичные одобрительные возгласы остальных. Все принялись рвать цветы и, смеясь, обвивать меня ими, пока наконец я не стал задыхаться от благоухания. Вы, никогда не

видевшие ничего подобного, вряд ли можете представить себе, какие чудесные и нежные цветы создала культура невообразимого числа лет. Кто-то, видимо, подал мысль выставить меня в таком виде в ближайшем здании, и они повели меня к высокому серому, покрытому трещинами каменному дворцу, мимо Сфинкса из белого мрамора, который, казалось, все время с легкой усмешкой смотрел на мое изумление. Идя с ними, я едва удержался от смеха при воспоминании о том, как самоуверенно предсказывал вам несколько дней назад серьезность и глубину ума будущих поколений.

Здание, куда меня вели, имело огромный портал, да и все оно было колоссальных размеров. Я с интересом рассматривал огромную, все возрастающую толпу этих маленьких существ и зиявший вход, темный и таинственный. Общее впечатление от окружающего было таково, как будто весь мир покрыт густой порослью красивых кустов и цветов, словно давно запущенный, но все еще прекрасный сад. Я видел высокие стебли и нежные головки странных белых цветов. Они были около фута в диаметре, имели прозрачный восковой оттенок и росли дико среди разнообразных кустарников; в то время я не мог хорошенько рассмотреть их. Моя Машина Времени осталась без присмотра среди рододендронов.

Свод был украшен чудесной резьбой, но я, конечно, не успел ее как следует рассмотреть, хотя, когда я проходил под ним, мне показалось, что он сделан в древнефиникийском стиле, и меня поразило, что резьба сильно попорчена и стерта.

Под взрывы мелодичного смеха и веселые разговоры меня встретило на пороге несколько существ, одетых в еще более светлые одежды, и я вошел внутрь в своем неподходящем темном одеянии девятнадцатого века. Я не мог не чувствовать, что вид у меня довольно забавный, – я был весь увешан гирляндами цветов и окружен волнуемой толпой людей, облаченных в светлые, нежных расцветок одежды, сверкавших белизной обнаженных рук и смеявшихся и мелодично ворковавших.

Большая дверь вела в огромный, завешенный коричневой тканью зал. Потолок его был в тени, а через окна с яркими цветными стеклами, а местами совсем незастекленные, лился мягкий, приятный свет. Пол состоял из какого-то очень твердого белого металла – это были не плитки и не пластинки, а целые глыбы, но шаги бесчисленных поколений даже в этом металле выбили местами глубокие колеи. Поперек зала стояло множество низких столов, сделанных из полированного камня, высотой не больше фута, – на них лежали груды плодов. В некоторых я узнал что-то вроде огромной малины, другие были похожи на апельсины, но большая часть была мне совершенно неизвестна.

Между столами было разбросано множество мягких подушек. Мои спутники расселись на них и знаками указали мне мое место. С милой непринужденностью они принялись есть плоды, беря их руками и бросая шелуху и огрызки в круглые отверстия по бокам столов. Я не заставил себя долго просить, так как чувствовал сильный голод и жажду. Поев, я принялся осматривать зал.

Меня особенно поразило его запустелый вид. Цветные оконные стекла, представлявшие собой простые геометрические фигуры, во многих местах были разбиты, а тяжелые занавеси покрылись густым слоем пыли. Мне также бросилось в глаза, что угол мраморного стола, за которым я сидел, отбит. Несмотря на это, зал был удивительно живописен. В нем находилось, может быть, около двухсот человек, и большинство из них с любопытством теснилось вокруг меня. Их глаза весело блестели, а белые зубы изящно грызли плоды. Все они были одеты в очень мягкие, но прочные шелковистые ткани.

Фрукты были их единственной пищей. Эти люди далекого будущего были строгими вегетарианцами, и на время я принужден был сделаться таким же травоядным, несмотря на потребность в мясе. Впоследствии я узнал, что лошади, рогатый скот, овцы, собаки в это время уже вымерли, как вымерли когда-то ихтиозавры. Однако плоды были восхитительны, в особенности один плод (который, по-видимому, созрел во время моего пребывания там), с мучнистой

мякотью, заключенной в трехгранную скорлупу. Он стал моей главной пищей. Я был поражен удивительными плодами и чудесными цветами, но не знал, откуда они берутся: только позднее я начал это понимать.

Таков был мой первый обед в далеком будущем. Немного насытившись, я решил сделать попытку научиться языку этих новых для меня людей. Само собой разумеется, это было необходимо. Плоды показались мне подходящим предметом для начала, и, взяв один из них, я попробовал объясниться при помощи вопросительных звуков и жестов. Мне стоило немалого труда заставить меня понять. Сначала все мои слова и жесты вызывали изумленные взгляды и бесконечные взрывы смеха, но вдруг одно белокурое существо, казалось, поняло мое намерение и несколько раз повторило какое-то слово. Все принялись болтать и перешептываться друг с другом, а потом наперебой начали весело обучать меня своему языку. Но мои первые попытки повторить их изящные короткие слова вызывали у них новые взрывы неподдельного веселья. Несмотря на то что я брал у них уроки, я все-таки чувствовал себя как школьный учитель в кругу детей. Скоро я заучил десятка два существительных, а затем дошел до указательных местоимений и даже до глагола «есть». Но это была трудная работа, быстро наскучившая маленьким существам, и я почувствовал, что они уже избегают моих вопросов. По необходимости пришлось брать уроки понемногу и только тогда, когда мои новые знакомые сами этого хотели. А это бывало не часто – я никогда еще не встречал таких беспечных и быстро утомляющихся людей.

VI Закат человечества

Всего более поразило меня в этом новом мире почти полное отсутствие любознательности у людей. Они, как дети, подбегали ко мне с криками изумления и, быстро оглядев меня, уходили в поисках какой-нибудь новой игрушки. Когда все поели и я перестал их расспрашивать, то впервые заметил, что в зале уже нет почти никого из тех людей, которые окружали меня вначале. И, как это ни странно, я сам быстро почувствовал равнодушие к этому маленькому народу. Утолив голод, я вышел через портал на яркий солнечный свет. Мне всюду попадалось на пути множество этих маленьких людей будущего. Они недолго следовали за мной, смеясь и переговариваясь, а потом, перестав смеяться, предоставляли меня самому себе.

Когда я вышел из зала, в воздухе уже разлилась вечерняя тишина и все вокруг было окрашено теплыми лучами заходящего солнца. Сначала окружающее казалось мне удивительно странным. Все здесь так не походило на тот мир, который я знал, – все, вплоть до цветов. Огромное здание, из которого я вышел, стояло на склоне речной долины, но Темза по меньшей мере на милю изменила свое теперешнее русло. Я решил добраться до вершины холма, лежавшего от меня на расстоянии примерно полутора миль, чтобы с его высоты поглядеть на нашу планету в восемьсот две тысячи семьсот первом году нашей эры – именно эту дату показывала стрелка на циферблате моей Машины.

По дороге я искал хоть какое-нибудь объяснение тому гибнущему великолепию, в состоянии которого я нашел мир, так как это великолепие, несомненно, гibly. Немного выше на холме я увидел огромные груды гранита, скрепленные полосами алюминия, гигантский лабиринт отвесных стен и кучи расколовшихся на мелкие куски камней, между которыми густо росли удивительно красивые растения. Возможно, что это была крапива, но ее листья были окрашены в чудесный коричневый цвет и не были жгучими, как у нашей крапивы. Вблизи были руины какого-то огромного здания, непонятно для чего предназначенного. Здесь мне пришлось впоследствии сделать одно странное открытие, но об этом я вам расскажу потом.

Я присел на уступе холма, чтобы немного отдохнуть, и, оглядевшись вокруг, заметил, что нигде не видно маленьких домов. По-видимому, частный дом и частное хозяйство окончательно исчезли. То тут, то там среди зелени виднелись огромные здания, похожие на дворцы, но нигде не было тех домиков и коттеджей, которые так характерны для современного английского пейзажа.

«Коммунизм», – сказал я сам себе.

А следом за этой мыслью возникла другая.

Я взглянул на маленьких людей, которые следовали за мной, и вдруг заметил, что на всех одежда всевозможных светлых цветов, но одинакового покроя, у всех те же самые безбородые лица, та же девичья округленность конечностей. Может показаться странным, что я не заметил этого раньше, но все вокруг меня было так необычно. Теперь это бросилось мне в глаза. Мужчины и женщины будущего не отличались друг от друга ни костюмом, ни телосложением, ни манерами – одним словом, ничем, что теперь отличает один пол от другого. И дети, казалось, были просто миниатюрными копиями своих родителей. Поэтому я решил, что дети этой эпохи отличаются удивительно ранним развитием, по крайней мере в физическом отношении, и это мое мнение подтвердилось впоследствии множеством доказательств.

При виде довольства и обеспеченности, в которой жили эти люди, сходство полов стало мне вполне понятно. Сила мужчины и нежность женщины, семья и разделение труда являются только жестокой необходимостью века, управляемого физической силой. Но там, где народонаселение многочисленно и достигло равновесия, где насилие – редкое явление, рождение многих детей нежелательно для государства и нет никакой необходимости в существовании семьи.

А вместе с тем и разделение полов, вызванное жизнью и потребностью воспитания детей, неизбежно исчезает. Первые признаки этого явления наблюдаются и в наше время, а в том далеком будущем оно уже было вполне закончено. Таковы были мои тогдашние выводы. Позднее я имел возможность убедиться, насколько они были далеки от действительности.

Размышляя так, я невольно обратил внимание на хорошенькую маленькую постройку, похожую на колодец, прикрытый куполом. У меня мелькнула мысль: как странно, что до сих пор существуют колодцы, но затем я снова погрузился в раздумья. До самой вершины холма больше не было никаких зданий, и, продолжая идти, я скоро очутился один, так как остальные за мной не поспевали. С чувством свободы, ожидая необыкновенных приключений, я направился к вершине холма.

Дойдя до вершины, я увидел скамью из какого-то желтого металла; в некоторых местах она была разъедена чем-то вроде красноватой ржавчины и утопала в мягком мхе; ручки ее были отлиты в виде голов грифонов. Я сел и принялся смотреть на широкий простор, освещенный лучами догорающего заката. Картина была небывалой красоты. Солнце только что скрылось за горизонтом; запад горел золотом, по которому горизонтально тянулись легкие пурпурные и алые полосы. Внизу расстилалась долина, по которой, подобно полосе сверкающей стали, дугой изогнулась Темза. Огромные старые дворцы, о которых я уже говорил, были разбросаны среди разнообразной зелени; некоторые уже превратились в руины, другие были еще обитаемы. Тут и там в этом огромном, похожем на сад мире виднелись белые или серебристые изваяния; кое-где поднимались кверху купола и остроконечные обелиски. Нигде не было изгородей, не было даже следов собственности и никаких признаков земледелия: вся земля превратилась в один цветущий сад.

Наблюдая все это, я старался объяснить себе то, что видел, и сделал вот какие выводы из своих наблюдений. (Позже я убедился, что они были односторонними и содержали лишь половину правды.)

Мне казалось, что я вижу человечество в эпоху увядания. Красноватая полоса на западе заставила меня подумать о закате человечества. Я впервые увидел те неожиданные последствия, к которым привели общественные отношения нашего времени. Теперь я прихожу к убеждению, что это были вполне логические последствия. Сила есть только результат необходимости; обеспеченное существование ведет к слабости. Стремление к улучшению условий жизни – истинный прогресс цивилизации, делающий наше существование все более обеспеченным, – неизбежно привело к своему конечному результату. Объединенное человечество поколение за поколением торжествовало победы над природой. То, что в наши дни кажется несбыточными мечтами, превратилось в искусно задуманные и осуществленные проекты. И вот какова оказалась жатва!

В конце концов, охрана здоровья человечества и земледелие находятся в наше время еще в зачаточном состоянии. Наука объявила войну лишь малой части человеческих болезней, но она неизменно и упорно продолжает свою работу. Земледельцы и садоводы то тут, то там уничтожают сорняки и выращивают лишь немногие полезные растения, предоставляя остальным бороться как угодно за свое существование. Мы улучшаем немногие избранные нами виды растений и животных путем постепенного отбора лучших из них; мы выводим новый, лучший сорт персика, виноград без косточек, более душистый и крупный цветок, более пригодную породу рогатого скота. Мы улучшаем их постепенно, потому что наши представления об идеале смутны и вырабатываются путем опыта, а знания крайне ограничены, да и сама природа робка и неповоротлива в наших неуклюжих руках. Когда-нибудь все это будет организовано лучше. Несмотря на водовороты, поток времени неуклонно стремится вперед. Весь мир когда-нибудь станет разумным, образованным, все будут трудиться коллективно; это поведет к быстрейшему и полнейшему покорению природы. В конце концов мы мудро и заботливо установим равновесие животной и растительной жизни для удовлетворения наших потребностей.

Это должно было свершиться и действительно свершилось за то время, через которое промчалась моя Машина. В воздухе не стало комаров и мошек, на земле – сорных трав и плесени. Везде появились сочные плоды и красивые душистые цветы; яркие бабочки порхали повсюду. Идеал профилактической медицины был достигнут. Болезнетворные микробы были уничтожены. За время своего пребывания там я не видел и признаков заразных болезней. Благодаря всему этому даже процессы гниения и разрушения приняли совершенно новый вид.

В общественных отношениях тоже была одержана большая победа. Я видел, что люди стали жить в великолепных дворцах, одеваться в роскошные одежды и освободились от всякого труда. Не было и следов борьбы, политической или экономической. Торговля, промышленность, реклама – все, что составляет основу нашей государственной жизни, – исчезло из этого мира Будущего. Естественно, что в тот золотистый вечер я невольно счел окружающий меня мир земным раем. Опасность перенаселения исчезла, так как население, по-видимому, перестало расти.

Но изменения условий неизбежно влекут за собой приспособление к этим изменениям. Что является движущей силой человеческого ума и энергии, если только вся биология не представляет собой бесконечного ряда заблуждений? Только труд и свобода; такие условия, при которых деятельный, сильный и ловкий переживает слабого, который должен уступить свое место; условия, дающие преимущество честному союзу талантливых людей, преимущество умению владеть собой, терпению и решительности. Семья и возникающие отсюда чувства: ревность, любовь к потомству, родительское самоотвержение – все это находит себе оправдание в неизбежных опасностях, которым подвергается молодое поколение. Но где теперь эти опасности? Уже сейчас начинает проявляться протест против супружеской ревности, против слепого материнского чувства, против всяческих страстей, и этот протест будет нарастать. Все эти чувства даже теперь уже не являются необходимыми, они делают нас несчастными и, как остатки первобытной дикости, кажутся несовместимыми с приятной и возвышенной жизнью.

Я стал думать о физической слабости этих маленьких людей, о бессилии их ума и об огромных развалинах, которые видел вокруг. Все это подтверждало мое предположение об окончательной победе, одержанной над природой. После войны наступил мир. Человечество было сильным, энергичным, оно обладало знаниями; люди употребляли все свои силы на изменение условий своей жизни. А теперь измененные ими условия оказали свое влияние на их потомков.

При новых условиях полного довольства и обеспеченности неутомимая энергия, являющаяся в наше время силой, должна была превратиться в слабость. Даже в наши дни некоторые склонности и желания, когда-то необходимые для выживания человека, стали источником его гибели. Храбрость и воинственность, например, не помогают, а скорее даже мешают жизни цивилизованного человека. В государстве же, основанном на физическом равновесии и обеспеченности, превосходство – физическое или умственное – было бы совершенно неуместно. Я пришел к выводу, что на протяжении бесчисленных лет на земле не существовало ни опасности войн, ни насилия, ни диких зверей, ни болезнетворных микробов, не существовало и необходимости в труде. При таких условиях те, кого мы называем слабыми, были точно так же приспособлены, как и сильные, они уже не были слабыми. Вернее, они были даже лучше приспособлены, потому что сильного подрывала не находившая выхода энергия. Не оставалось сомнения, что удивительная красота виденных мною зданий была результатом последних усилий человечества перед тем, как оно достигло полной гармонии жизни, – последняя победа, после которой был заключен окончательный мир. Такова неизбежная судьба всякой энергии. Достигнув своей конечной цели, она еще ищет выхода в искусстве, в любви, а затем наступает бессилие и упадок.

Даже эти художественные порывы в конце концов должны были заглохнуть, и они почти заглохли в то время, куда я попал. Украшать себя цветами, танцевать и петь под солнцем –

вот что осталось от этих стремлений. Но и это в конце концов должно было смениться бездействием. Все наши чувства и способности обретают остроту только на точиле труда и необходимости, а это неприятное точило было наконец разбито.

Пока я сидел в сгущавшейся темноте, мне казалось, что этим простым объяснением я разрешил загадку мира и постиг тайну прелестного маленького народа. Возможно, они нашли удачные средства для ограничения рождаемости и численность населения даже уменьшалась. Этим можно было объяснить пустоту заброшенных дворцов. Моя теория была очень ясна и правдоподобна – как и большинство ошибочных теорий!

VII

Внезапный удар

Пока я размышлял над этим слишком уж полным торжеством человека, из-за серебряной полосы на северо-востоке выплыла желтая полная луна. Маленькие светлые фигурки людей перестали празднично двигаться вниз, бесшумно пролетела сова, и я вздрогнул от вечерней прохлады. Я решил спуститься с холма и поискать ночлега.

Я стал отыскивать глазами знакомое здание. Мой взгляд упал на фигуру Белого Сфинкса на бронзовом пьедестале, и, по мере того как восходящая луна светила все ярче, фигура яснее выступала из темноты. Я мог отчетливо рассмотреть стоявший около него серебристый тополь. Вон и густые рододендроны, черные при свете луны, вон и лужайка. Я еще раз взглянул на нее. Ужасное подозрение закралось в мою душу.

«Нет, – решительно сказал я себе, – это не та лужайка».

Но это была та самая лужайка. Бледное, словно изъеденное проказой лицо Сфинкса было обращено к ней. Можете ли вы представить себе, что я почувствовал, когда убедился в этом! Машина Времени исчезла!

Как удар хлыстом по лицу, меня обожгла мысль, что я никогда не вернусь назад, навеки останусь беспомощный в этом новом, неведомом мире! Сама мысль об этом была мучительна. Я почувствовал, как сжалось мое горло, пресеклось дыхание. Ужас овладел мною, и дикими прыжками я кинулся вниз по склону. Раз я упал и расшиб лицо, но даже не пытался остановить кровь, вскочил на ноги и снова побежал, чувствуя, как теплая струйка стекает по щеке. Я бежал и не переставал твердить себе: «Они просто немного отодвинули ее, поставили под кустами, чтобы она не мешала на дороге». Но несмотря на это, бежал изо всех сил. С уверенностью, которая иногда рождается из самого мучительного страха, я с самого начала знал, что это вздор; чуть говорило мне, что Машина унесена куда-то, откуда мне ее не достать. Я едва переводил дыхание. От вершины холма до лужайки было около двух миль, и я преодолел это расстояние за десять минут. А ведь я уже немолод. Я бежал и громко проклинал свою безрассудную доверчивость, побудившую меня оставить Машину, задыхаясь от этого еще больше. Я попробовал громко кричать, но никто мне не отвечал. Ни одного живого существа не было видно на залитой лунным светом земле.

Когда я добежал до лужайки, худшие мои опасения подтвердились: Машины нигде не было видно. Похолодев, я смотрел на пустую лужайку среди черной чащи кустарников, потом быстро обежал ее, как будто Машина могла быть спрятана где-нибудь поблизости, и резко остановился, схватившись за голову. Надо мной на бронзовом пьедестале возвышался Сфинкс, все такой же бледный, словно изъеденный проказой, ярко озаренный светом луны. Казалось, он насмешливо улыбался, глядя на меня.

Я мог бы утешиться мыслью, что маленький народец спрятал Машину под каким-то навесом, если бы не знал наверняка, что у них не хватило бы на это ни сил, ни ума. Нет, меня ужасало теперь другое: проявление какой-то новой, до сих пор неведомой мне силы, захватившей мое изобретение. Я был уверен только в одном: если в какой-либо другой век не изобрели точно такого же механизма, моя Машина не могла без меня отправиться путешествовать по Времени. Не зная способа закрепления рычагов – я потом покажу вам, в чем он заключается, – невозможно воспользоваться ею для путешествия. К тому же рычаги были у меня. Мою Машину перенесли, спрятали где-то в Пространстве, а не во Времени. Но где же?

Я совершенно обезумел. Помню, как я неистово метался взад и вперед среди освещенных лунной луной кустов вокруг Сфинкса, помню, как вспугнул какое-то белое животное, которое при лунном свете показалось мне небольшой ланью. Помню также, как поздно ночью я колол кулаками по кустам до тех пор, пока не исцарапал все руки о сломанные сучья. Потом,

рыдая, в полном изнеможении я побрел к большому каменному зданию, темному и пустынно-ному, поскользнулся на неровном полу и упал на один из малахитовых столов, чуть не сломав ногу, зажег спичку и прошел мимо пыльных занавесей, о которых я уже рассказывал вам.

Дальше был второй большой зал, устланный подушками, на которых спали два десятка маленьких людей. Мое вторичное появление, несомненно, показалось им очень странным. Я так внезапно вынырнул из ночной тишины с отчаянными нечленораздельными криками и с зажженной спичкой в руке. Спички давно уже были позабыты в их время. «Где моя Машина Времени?» – кричал я во все горло, как рассерженный ребенок. Я хватал их и тряс, полусонных. Вероятно, это их поразило. Некоторые смеялись, другие казались рассеянными. Когда я увидел, что они встают, то понял, что поступаю самым безрассудным образом, стараясь пробудить в них чувство страха. Вспоминая их поведение днем, я вообразил, что это чувство совершенно ими позабыто.

Бросив спичку и сбив с ног кого-то, попавшегося на пути, я снова ошупью прошел по большому обеденному залу и вышел на лунный свет. Позади меня вдруг раздались громкие крики и топот маленьких спотыкавшихся ног, но тогда я не понял причины этого. Не помню всего, что я делал при лунном свете. Неожиданная потеря довела меня почти до безумия. Я чувствовал себя теперь безнадежно отрезанным от своих современников, каким-то странным животным в неведомом мире. В исступлении я бросался в разные стороны, плача и проклиная Бога и Судьбу. Помню, как я измучился в эту длинную отчаянную ночь, как рыскал в самых неподходящих местах, как ошупью пробирался среди озаренных лунным светом развалин, натываясь в темных углах на странные белые создания; помню, как в конце концов я упал на землю около Сфинкса и рыдал в отчаянии. Вместе с силами исчезла и злость на себя за то, что я так безрассудно оставил Машину... Я ничего не чувствовал, кроме ужаса. Потом незаметно я уснул, а когда проснулся, уже совсем рассвело и вокруг меня по траве на расстоянии протянутой руки весело и без страха прыгали воробы.

Я сел, овеваемый свежестью утра, стараясь вспомнить, как я сюда попал и почему все мое существо полно чувства одиночества и отчаяния. Вдруг я вспомнил обо всем, что случилось. Но при дневном свете у меня хватило сил спокойно взглянуть в лицо обстоятельствам. Я понял всю нелепость своего вчерашнего поведения и принялся рассуждать сам с собою.

«Предположим самое худшее, – говорил я. – Предположим, что Машина навсегда утеряна, может быть, даже уничтожена. Из этого следует только то, что я должен быть терпеливым и спокойным, изучить образ жизни этих людей, разузнать, что случилось с Машиной, попытаться добыть необходимые материалы и инструменты; в конце концов я, может быть, сумею сделать новую Машину. На это теперь моя единственная надежда, правда очень слабая, но все же надежда лучше отчаяния. И во всяком случае, я очутился в прекрасном и любопытном мире. Но вполне вероятно, что моя Машина где-нибудь спрятана. Значит, я должен спокойно и терпеливо искать то место, где она спрятана, и постараться взять ее силой или хитростью».

С такими мыслями я встал на ноги и осмотрелся вокруг в поисках места, где можно было бы выкупаться. Я чувствовал себя усталым, мое тело одеревенело и покрылось грязью. Утренняя свежесть вызвала желание стать самому чистым и свежим. Волнение истощило меня. Когда я принялся размышлять о своем положении, то удивился вчерашним опрометчивым поступкам. Я тщательно исследовал лужайку. Некоторое время ушло на напрасные расспросы проходивших мимо маленьких людей. Никто не понимал моих жестов: одни казались просто тупыми, другие принимали мои слова за шутку и смеялись. Мне стоило невероятных усилий удержаться и не отхлестать их по смеющимся лицам. Безумный порыв! Но сидевший во мне дьявол страха и слепого раздражения еще не был обуздан и пытался овладеть мною.

Очень помогла мне густая трава. На полпути между пьедесталом Сфинкса и моими следами, там, где я возился с опрокинутой Машиной, на земле оказалась свежая борозда. Были видны и другие следы: странные узкие отпечатки ног, похожие, как мне казалось, на следы

ленивца. Это побудило меня тщательней осмотреть пьедестал. Я уже, кажется, сказал, что он был из бронзы. Однако он не состоял из одной цельной плиты, а был с обеих сторон украшен искусно выполненными панелями. Я подошел и постучал. Пьедестал оказался полым. Внимательно осмотрев панели, я понял, что они не составляют одного целого с пьедесталом. На них не было ни ручек, ни замочных скважин, но, возможно, они открывались изнутри, если, как я предполагал, служили входом в пьедестал. Во всяком случае, одно было мне ясно: Машина Времени находилась внутри пьедестала. Но как она попала туда – это оставалось загадкой.

Я увидел головы двух людей в оранжевой одежде, шедших ко мне между кустами и цветущими яблонями. Улыбаясь, я повернулся к ним и поманил их рукой. Когда они подошли, я указал им на бронзовый пьедестал и постарался объяснить, что хотел бы открыть его. Но при первом же моем жесте они стали вести себя очень странно. Не знаю, сумею ли я объяснить вам, какое выражение появилось на их лицах. Представьте себе, что вы сделали бы неприличный жест перед благовоспитанной дамой – именно с таким выражением она посмотрела бы на вас. Они ушли, как будто были грубо оскорблены. Я попытался позвать к себе миловидное существо в белой одежде, но результат оказался тот же самый. Мне стало стыдно. Но Машина Времени была необходима, и я сделал новую попытку. Малыш с отвращением отвернулся от меня. Я потерял терпение. В три прыжка я очутился около него и, захлестнув его шею полую его же одежды, потащил к Сфинксу. Тогда на лице у него вдруг выразились такой ужас и отвращение, что я тотчас же выпустил его.

Однако я не сдавался. Я принялся бить кулаками по бронзовым панелям. Мне показалось, что внутри что-то зашевелилось, вернее, это был звук, похожий на хихиканье, но, должно быть, это мне только почудилось. Подобрал у реки большой камень, я вернулся и принялся колотить им до тех пор, пока не расплющил одно из украшений и медная зелень не стала сыпаться на землю мелкими крошками. Маленький народец, должно быть, слышал грохот моих ударов на расстоянии мили вокруг, но у меня ничего не вышло. Я видел целую толпу на склоне холма, украдкой смотревшую на меня. Злой и усталый, я опустился на землю, но нетерпение не давало мне долго сидеть на месте, я был слишком деятельным человеком для неопределенного ожидания. Я мог годами трудиться над разрешением какой-нибудь проблемы, но сидеть в бездействии двадцать четыре часа было выше моих сил.

Скоро я встал и принялся бесцельно бродить среди кустарника. Потом направился к холму.

«Терпение, – сказал я себе. – Если хочешь вновь получить свою Машину, оставь Сфинкса в покое. Если кто-то решил отнять ее у тебя, ты не принесешь себе никакой пользы тем, что станешь портить бронзовые панели Сфинкса; если же у похитителя не было злого умысла, ты получишь ее обратно, как только найдешь способ попросить об этом. Бессмысленно торчать здесь, среди незнакомых вещей, становясь в тупик перед каждым новым затруднением. Это прямой путь к безумию. Осмотрись лучше вокруг. Изучи нравы этого мира, наблюдай его. Остерегайся слишком поспешных заключений. В конце концов ты найдешь ключ ко всему».

Мне ясно представлялась и комическая сторона моего приключения: я вспомнил о годах напряженной учебы и труда, потраченных только для того, чтобы попасть в Будущее и исследовать его, и сопоставил с этим свое нетерпение поскорее выбраться отсюда. Я своими руками изготовил себе самую сложную и самую безвыходную ловушку, какая когда-либо была создана человеком. И хотя смеяться приходилось только над самим собой, я не мог удержаться и громко расхохотался.

Войдя в залу огромного дворца, я заметил, что маленькие люди стали избегать меня. Быть может, это мне только казалось, но их отчуждение могло быть связано с моей попыткой разбить бронзовые двери. Я ясно чувствовал, что они избегают меня, но постарался не придавать этому значения и не пытался более заговаривать с ними. Через день-другой все пошло своим чередом. Насколько было возможно, я продолжал изучать их язык и урывками произ-

водил исследования. Не знаю, был ли их язык слишком прост, или же я упустил в нем какие-нибудь тонкие оттенки, но, по-моему, он состоял почти исключительно из существительных и глаголов. Отвлеченных понятий было мало или, скорее, совсем не было, так же как и слов, имевших переносный смысл. Фразы обыкновенно были несложные и состояли всего из двух слов, и мне не удавалось высказать или понять ничего, кроме простейших вопросов или ответов. Мысли о моей Машине Времени и о тайне бронзовых дверей под Сфинксом я решил запрятать в самый дальний уголок памяти, пока накопившиеся знания не приведут меня к ним естественным путем. Но чувство, без сомнения понятное вам, все время удерживало меня поблизости от места моего прибытия.

VIII

Все становится ясным

Насколько я мог судить, весь окружающий меня мир был отмечен той же печатью изобилия и роскоши, которая поразила меня в долине Темзы. С вершины каждого нового холма я видел множество великолепных зданий, бесконечно разнообразных по материалу и стилю; видел повсюду те же чащи вечнозеленых растений, те же цветущие деревья и высокие папоротники. Кое-где отливала серебром зеркальная гладь воды, а вдали тянулись голубоватые волнистые гряды холмов, растворяясь в прозрачной синеве воздуха. С первого взгляда мое внимание привлекли к себе круглые колодцы, казалось достигавшие во многих местах очень большой глубины. Один из них был на склоне холма, у тропинки, по которой я поднимался во время своей первой прогулки. Как и другие колодцы, он был причудливо отделан по краям бронзой и защищен от дождя небольшим куполом. Сидя около этих колодцев и глядя вниз, в непроглядную темноту, я не мог увидеть в них отблеска воды или отражения зажигаемых мною спичек. Но всюду слышался какой-то стук: «Тук, тук, тук», похожий на шум работы огромных машин. По колебанию пламени спички я убедился, что вглубь колодца постоянно поступает свежий воздух. Я бросил в один из них кусочек бумаги, и, вместо того чтобы медленно опуститься, он быстро полетел вниз и исчез.

Вскоре я заметил, что между этими колодцами и высокими башнями на склонах холмов существует какая-то связь. Над ними можно было часто увидеть марево колеблющегося воздуха, вроде того, какое бывает в жаркий день над берегом моря. Сопоставив все это, я пришел к заключению, что башни вместе с колодцами входят в систему какой-то загадочной подземной вентиляции. Сначала я подумал, что она служит каким-нибудь санитарным целям. Это заключение само напрашивалось, но оказалось потом неверным.

Вообще должен сознаться, что во время своего пребывания в Будущем я очень мало узнал относительно водоснабжения, связи, путей сообщения и тому подобных жизненных удобств. В некоторых прочитанных мною утопиях и рассказах о грядущих временах я всегда находил множество подробностей насчет домов, общественного порядка и тому подобного. Нет ничего легче, как придумать сколько угодно всяких подробностей, когда весь будущий мир заключен только в голове автора, но для путешественника, находящегося, подобно мне, в незнакомой действительности, почти невозможно узнать обо всем этом в короткое время. Вообразите себе негра, который прямо из Центральной Африки попал в Лондон! Что расскажет он по возвращении своему племени? Что будет он знать о железнодорожных компаниях, общественных движениях, телефоне и телеграфе, транспортных конторах и почтовых учреждениях? А ведь мы охотно согласимся все ему объяснить! Но даже то, что он узнает из наших рассказов, как передаст он своим друзьям, как заставит их поверить себе? Учтите при этом, что негр сравнительно недалеко отстоит от белого человека нашего времени, между тем как пропасть между мною и этими людьми Золотого Века была неизмеримо громадна! Я чувствовал существование многого, что было скрыто от моих глаз, и это давало мне надежду, но, помимо общего впечатления о какой-то автоматически действующей организации, я, к сожалению, могу передать вам очень мало.

Я нигде не видел следов крематория, могил или чего-либо, связанного со смертью. Однако было весьма возможно, что кладбища (или крематории) находились где-нибудь за пределами моих странствий. Это был один из тех вопросов, которые я сразу поставил перед собой и разрешить которые сначала был не в состоянии. Отсутствие кладбищ поразило меня и побудило к дальнейшим наблюдениям, которые поразили меня еще сильнее: среди людей Будущего совершенно не было старых и дряхлых.

Должен сознаться, что мои первоначальные теории об автоматически действующей цивилизации и о приходящем в упадок человечестве недолго удовлетворяли меня. Но я не мог придумать ничего другого. Вот что меня смущало: все большие дворцы, которые я исследовал, служили исключительно жилыми помещениями – огромными столовыми и спальнями. Я не видел нигде машин или других приспособлений. А между тем на этих людях была прекрасная одежда, требовавшая обновления, и их сандалии, хоть и без всяких украшений, представляли собой образец изящных и сложных изделий. Как бы то ни было, но вещи эти нужно было делать. А маленький народец не проявлял никаких созидательных наклонностей. У этих людей не было ни цехов, ни мастерских, ни малейших следов ввоза товаров. Все свое время они проводили в играх, купании, полушутливом флирте, еде и сне. Я не мог понять, на чем держалось такое общество.

К этому добавилось происшествие с Машиной Времени: кто-то, мне неведомый, спрятал ее в пьедестале Белого Сфинкса. Для чего? Я никак не мог ответить на этот вопрос! То же самое – безводные колодцы и башни с колеблющимся над ними воздухом. Я чувствовал, что не нахожу ключа к этим загадочным явлениям. Я чувствовал... как бы это вам объяснить? Представьте себе, что вы нашли надпись на хорошем английском языке, перемешанном с совершенно вам неизвестными словами. Вот как на третий день моего пребывания представлялся мне мир восемьсот две тысячи семьсот первого года!

В этот день я приобрел в некотором роде друга. Когда я смотрел на группу маленьких людей, купавшихся в реке на неглубоком месте, кого-то из них схватила судорога, и маленькую фигурку понесло по течению. Течение было здесь довольно быстрое, но даже средний пловец мог бы легко с ним справиться. Чтобы дать вам некоторое понятие о странной психике этих существ, я скажу лишь, что никто из них не сделал ни малейшей попытки спасти бедняжку, которая с криками тонула на их глазах. Увидя это, я быстро сбросил одежду, побежал вниз по реке, вошел в воду и, схватив ее, легко вытащил на берег. Маленькое растирание привело ее в чувство, и я с удовольствием увидел, что она совершенно оправилась. Я сразу же оставил ее, поскольку был такого невысокого мнения о ней и ей подобных, что не ожидал никакой благодарности. Но на этот раз я ошибся.

Все это случилось утром. После полудня я снова встретил ту же маленькую женщину, возвращаясь к своим исследованиям. Она подбежала с громкими криками радости и поднесла мне огромную гирлянду цветов, очевидно приготовленную специально для меня. Это создание очень меня заинтересовало. Вероятно, я чувствовал себя слишком одиноким. Но как бы то ни было, я, насколько сумел, высказал ей, что мне приятен подарок. Мы оба сели в небольшой каменной беседке и завели разговор, состоявший преимущественно из улыбок. Дружеские чувства этого маленького создания радовали меня, как радовали бы чувства ребенка. Мы обменялись цветами, и она целовала мои руки. Я отвечал ей тем же. Когда я попробовал заговорить, то узнал, что ее зовут Уина, и хотя не понимал, что это значило, но все же чувствовал, что между нею и ее именем есть какое-то соответствие. Таково было начало нашей странной дружбы, которая продолжалась неделю, а как окончилась – об этом я расскажу потом.

Уина была совсем как ребенок. Ей хотелось всегда быть со мной. Она бегала за мной повсюду, так что на следующий день мне пришлось в голову нелепое желание утомить ее и наконец бросить, не обращая внимания на ее жалобный зов. Мировая проблема, думал я, должна быть решена. Я не для того попал в Будущее, повторял я себе, чтобы заниматься легкомысленным флиртом. Но ее отчаяние было слишком велико, а в ее сетованиях, когда она начала отставать, звучало исступление. Ее привязанность тронула меня, я вернулся, и с этих пор она стала доставлять мне столько же забот, сколько и удовольствия. Все же она была для меня большим утешением. Мне казалось сначала, что она испытывает ко мне лишь простую детскую привязанность, и только потом, когда было уже слишком поздно, я ясно понял, чем я сделался для нее и чем стала она для меня. Уже потому, что эта малышка выказывала мне нежность и

заботу, я, возвращаясь к Белому Сфинксу, чувствовал, будто возвращаюсь домой, и каждый раз, добравшись до вершины холма, отыскивал глазами знакомую фигурку в белой, отороченной золотом одежде.

От нее я узнал, что чувство страха все еще не исчезло в этом мире. Днем она ничего не боялась и испытывала ко мне самое трогательное доверие. Однажды у меня возникло глупое желание напугать ее страшными гримасами, но она весело засмеялась. Она боялась только темноты, густых теней и черных предметов. Страшней всего была ей темнота. Она действовала на нее настолько сильно, что это натолкнуло меня на новые наблюдения и размышления. Я открыл, между прочим, что с наступлением темноты эти маленькие люди собирались в больших зданиях и спали все вместе. Войти к ним ночью значило произвести среди них смятение. Я ни разу не видел, чтобы после наступления темноты кто-нибудь вышел на воздух или спал один под открытым небом. Но все же я был таким глупцом, что не обращал на это внимания и, несмотря на ужас Уины, продолжал спать один, не в общих спальнях.

Сначала это очень беспокоило ее, но наконец привязанность ко мне взяла верх, и пять ночей за время нашего знакомства, считая и самую последнюю ночь, она спала со мной, положив голову на мое плечо. Но, говоря о ней, я отклоняюсь от главной темы своего рассказа. Кажется, в ночь накануне ее спасения я проснулся на рассвете. Ночь прошла беспокойно, мне снился очень неприятный сон: будто бы я утонул в море и морские анемоны касались моего лица мягкими щупальцами. Вздрогнув, я проснулся, и мне почудилось, что какое-то сероватое животное выскользнуло из комнаты. Я попытался снова заснуть, но мучительная тревога уже овладела мною. Был тот ранний час, когда предметы только начинают выступать из темноты, когда все вокруг кажется бесцветным и каким-то нереальным, несмотря на отчетливость очертаний. Я встал и, пройдя по каменным плитам большого зала, вышел на воздух. Желая извлечь хоть какую-нибудь пользу из этого случая, я решил посмотреть восход солнца.

Луна закатывалась, ее прощальные лучи и первые бледные проблески наступавшего дня смешивались в таинственный полусвет. Кусты казались совсем черными, земля – темно-серой, а небо – бесцветным и туманным. На верху холма мне почудились привидения. Поднимаясь по его склону, я три раза видел смутные белые фигуры. Дважды мне показалось, что я вижу какое-то одинокое белое обезьяноподобное существо, быстро бегущее к вершине холма, а один раз около руин я увидел их целую толпу: они тащили какой-то темный предмет. Двигались они быстро, и я не заметил, куда они исчезли. Казалось, они скрылись в кустах. Все вокруг было еще смутным, поймите это. Меня охватило то неопределенное предрассветное ощущение озноба, которое вам всем, вероятно, знакомо. Я не верил своим глазам.

Когда на востоке заблестела заря и лучи света возвратили всему миру обычные краски и цвета, я тщательно обследовал местность. Но нигде не оказалось и следов белых фигур. Повидимому, это была просто игра теней.

«Может быть, это привидения, – сказал я себе. – Желал бы я знать, к какому времени они принадлежат...»

Я сказал это потому, что вспомнил любопытный вывод Гранта Аллена, говорившего, что если б каждое умирающее поколение оставляло после себя привидения, то в конце концов весь мир переполнился бы ими. По этой теории, их должно было накопиться бесчисленное множество за восемьсот тысяч прошедших лет, и потому не было ничего удивительного, что я увидел сразу четырех. Эта шутивная мысль, однако, не успокоила меня, и я все утро думал о белых фигурках, пока наконец появление Уины не вытеснило их из моей головы. Не знаю почему, я связал их с белым животным, которое вспугнул при первых поисках своей Машины. Общество Уины на время развлекло меня, но, несмотря на это, белые фигуры скоро снова завладели моими мыслями.

Я уже говорил, что климат Золотого Века значительно теплее нашего. Причину я не берусь объяснить. Может быть, Солнце стало горячее, а может быть, Земля приблизилась

к нему. Принято считать, что Солнце постепенно охлаждается. Однако люди, незнакомые с такими теориями, как теория Дарвина-младшего, забывают, что планеты должны одна за другой приближаться к центральному светилу и в конце концов упасть на него. После каждой из таких катастроф солнце будет светить с обновленной энергией; и весьма возможно, что эта участь постигла тогда одну из планет. Но какова бы ни была причина, факт остается фактом: солнце грело значительно сильнее, чем в наше время.

И вот в одно очень жаркое утро – насколько помню, четвертое по моему прибытию, – когда я собирался укрыться от жары и ослепительного света в гигантских руинах (невдалеке от большого здания, где я ночевал и питался), со мной случилось странное происшествие. Карабкаясь между каменными грудями, я обнаружил узкую галерею, конец и окна которой были завалены обрушившимися глыбами. После ослепительного дневного света галерея показалась мне непроглядно темной. Я вошел в нее ощупью, потому что после яркого солнечного света цветные пятна поплыли у меня перед глазами и ничего нельзя было разобрать. И вдруг я остановился как вкопанный. На меня из темноты смотрела пара блестящих глаз, отражая проникавший в галерею дневной свет.

Древний инстинктивный страх перед дикими зверями охватил меня. Я сжал кулаки и уставился в светящиеся глаза. Мне было страшно повернуть назад. На мгновение в голову мне пришла мысль о той абсолютной безопасности, в которой, как казалось, жило человечество. И вдруг я вспомнил его странный ужас перед темнотой. Пересилив свой страх, я шагнул вперед и заговорил. Мой голос, вероятно, звучал хрипло и дрожал. Я протянул руку и коснулся чего-то мягкого. В то же мгновение блестящие глаза метнулись в сторону и что-то белое пробежало мимо меня. Испугавшись, я повернулся и увидел маленькое обезьяноподобное существо со странно опущенной вниз головой, бежавшее по освещенному пространству за моей спиной. Оно налетело на гранитную глыбу, отшатнулось в сторону и в одно мгновение скрылось в черной тени под другой грудой каменных блоков.

Мое впечатление о нем было, конечно, неполное. Я заметил только, что это существо было грязно-белое и что у него были странные, большие, серовато-красные глаза; его голова и спина были покрыты светлой шерстью. Но, как я уже сказал, оно бежало слишком быстро, и мне не удалось его отчетливо рассмотреть. Не могу даже сказать, бежало ли оно на четвереньках, или же руки его были так длинны, что почти касались земли. После минутного замешательства я бросился за ним ко второй груде обломков. Сначала я не мог ничего найти, но скоро в кромешной темноте наткнулся на один из тех круглых безводных колодцев, о которых уже говорил. Он был частично прикрыт упавшей колонной. В голове у меня блеснула внезапная мысль. Не могло ли это существо спуститься в колодец? Я зажег спичку и, взглянув вниз, увидел маленькое белое создание с большими блестящими глазами, которое удалялось, упорно глядя на меня. Я содрогнулся. Это было что-то вроде человекообразного паука. Оно спускалось вниз по стене колодца, и я впервые заметил множество металлических скобок для рук и ног, образовавших нечто вроде лестницы. Но тут догоревшая спичка обожгла мне пальцы и, выпав, потухла; когда я зажег другую, маленькое страшилище уже исчезло.

Не знаю, долго ли я просидел, вглядываясь в глубину колодца. Во всяком случае, прошло немало времени, прежде чем я пришел к заключению, что виденное мною существо тоже было человеком. Понемногу истина открылась передо мной. Я понял, что человек разделен на два различных вида. Изящные дети Верхнего Мира не были единственными нашими потомками: это беловатое отвратительное ночное существо, которое промелькнуло передо мной, также было наследником минувших веков.

Вспомнив о дрожании воздуха над колодцами и о своей теории подземной вентиляции, я начал подозревать их истинное значение. Но какую роль, хотелось мне знать, мог играть этот лемуризм в моей схеме окончательной организации человечества? Каково было его отношение к безмятежности и беззаботности прекрасных жителей Верхнего Мира? Что скрывалось там, в

глубине этого колодца? Я присел на его край, убеждая себя, что мне во всяком случае нечего опасаться и что необходимо спуститься туда для разрешения моих недоумений. Но вместе с тем я чувствовал какой-то страх. Пока я колебался, двое прекрасных наземных жителей, увлеченных любовной игрой, пробежали мимо меня через освещенное пространство в тень. Мужчина бежал за женщиной, бросая в нее цветами.

Они, казалось, очень огорчились, увидев, что я заглядываю в колодец, опираясь на упавшую колонну. Очевидно, было принято не замечать эти отверстия. Как только я указал на колодец и попытался задать вопросы на их языке, смущение их стало еще очевиднее и они отвернулись от меня. Но спички их заинтересовали, и мне пришлось сжечь несколько штук, чтобы позабавить их. Я снова попытался узнать что-нибудь про колодцы, но снова тщетно. Тогда, оставив их в покое, я решил вернуться к Уине и попробовать узнать что-нибудь у нее. Все мои представления о новом мире теперь перевернулись. У меня был ключ к разгадке значения этих колодцев, а также вентиляционных башен и таинственных привидений, не говоря уже о бронзовых дверях и о судьбе, постигшей Машину Времени! Вместе с тем ко мне в душу закралось смутное предчувствие возможности разрешить ту экономическую проблему, которая до сих пор приводила меня в недоумение.

Вот каков был мой новый вывод. Ясно, что этот второй вид людей обитал под землей. Три различных обстоятельства привели меня к такому заключению. Они редко появлялись на поверхности земли, по-видимому, вследствие давней привычки к подземному существованию. На это указывала их блеклая окраска, присущая большинству животных, обитающих в темноте, – например, белым рыбам в пещерах Кентукки. Глаза, отражающие свет, – это также характерная черта ночных животных, например кошки и совы. И наконец, это явное замешательство при дневном свете, это поспешное, неуклюжее бегство в темноту, эта особая манера опускать на свету лицо вниз – все это подкрепляло мою догадку о крайней чувствительности сетчатки их глаз.

Итак, земля у меня под ногами, видимо, была изрыта тоннелями, в которых и обитала новая раса. Существование вентиляционных башен и колодцев по склонам холмов – всюду, кроме долины реки, – доказывало, что эти тоннели образуют разветвленную сеть. Разве не естественно было предположить, что в искусственном подземном мире шла работа, необходимая для благосостояния дневной расы? Мысль эта была так правдоподобна, что я тотчас же принял ее и пошел дальше, отыскивая причину раздвоения человеческого рода. Боюсь, что вы с недоверием отнесетесь к моей теории, но что касается меня самого, то я убедился в скором времени, насколько она близка к истине.

Мне казалось ясным как день, что постепенное углубление теперешнего временного социального различия между Капиталистом и Рабочим было ключом к новому положению вещей. Без сомнения, это покажется вам смешным и невероятным, но ведь уже теперь есть обстоятельства, которые указывают на такую возможность. Существует тенденция использовать подземные пространства для нужд цивилизации, не требующих особой красоты: есть, например, подземная железная дорога в Лондоне, строятся новые электрические подземные дороги и тоннели, есть подземные мастерские и рестораны, все они растут и множатся. Очевидно, думал я, это стремление перенести работу под землю существует с незапамятных времен. Все глубже и глубже уходили подземные мастерские, где рабочим приходилось проводить все больше времени, пока наконец... Да разве и теперь какой-нибудь уэст-эндский рабочий не живет в таких искусственных условиях, что, по сути дела, отрезан от поверхности земли?

А вслед за тем кастовая тенденция богатых людей, вызванная все большей утонченностью жизни, – тенденция расширить пропасть между ними и оскорбляющей их грубостью бедняков – тоже ведет к захвату привилегированными сословиями все большей и большей части поверхности земли исключительно для себя. В окрестностях Лондона и других больших городов уже около половины самых красивых мест недоступно для посторонних! А эта неуклонно расши-

ряющаяся пропасть между богатыми и бедными, результат продолжительности и дороговизны высшего образования и стремления богатых к утонченным привычкам, – разве не поведет это к тому, что соприкосновения между классами станут все менее возможными? Благодаря такому отсутствию общения и тесных отношений браки между обоими классами, тормозящие теперь разделение человеческого рода на два различных вида, станут в будущем все более и более редкими. В конце концов на земной поверхности должны будут остаться только Имущие, наслаждающиеся в жизни исключительно удовольствиями и красотой, а под землей окажутся все Неимущие – рабочие, приспособившиеся к подземным условиям труда. А раз очутившись там, они, без сомнения, должны будут платить Имущим дань за вентиляцию своих жилищ. Если они откажутся от этого, то умрут с голоду или задохнутся. Неприспособленные или непокорные вымрут. Мало-помалу при установившемся равновесии такого порядка вещей выжившие Неимущие сделаются такими же счастливыми на свой собственный лад, как и жители Верхнего Мира. Таким образом, естественно возникнут утонченная красота одних и бесцветная бледность других.

Окончательный триумф человечества, о котором я мечтал, принял теперь совершенно иной вид в моих глазах. Это не был тот триумф духовного прогресса и коллективного труда, который я представлял себе. Вместо него я увидел настоящую аристократию, вооруженную новейшими знаниями и деятельно потрудившуюся для логического завершения современной нам индустриальной системы. Ее победа была не только победой над природой, но также и победой над своими собратьями-людьми. Такова была моя теория. У меня не было проводника, как в утопических книгах. Может быть, мое объяснение совершенно неправильно. Но все же я думаю и до сих пор, что оно самое правдоподобное. Однако даже и эта по-своему законченная цивилизация давно прошла свой зенит и клонилась к упадку. Чрезмерная обеспеченность жителей Верхнего Мира привела их к постепенной деградации, к общему вырождению, уменьшению роста, сил и умственных способностей. Это я видел достаточно ясно. Что произошло с Подземными Жителями, я еще не знал, но все виденное мной до сих пор показывало, что «морлоки», как их называли обитатели Верхнего Мира, ушли еще дальше от нынешнего человеческого типа, чем «элои» – прекрасная наземная раса, с которой я уже познакомился.

Во мне возникли тревожные опасения. Для чего понадобилась морлокам моя Машина Времени? Теперь я был уверен, что это они похитили ее. И почему элои, если они господствующая раса, не могут возратить ее мне? Почему они так боятся темноты? Я попытался было расспросить о Подземном Мире Уину, но меня снова ожидало разочарование. Сначала она не понимала моих вопросов, а затем отказалась на них отвечать. Она так дрожала, как будто не могла вынести этого разговора. Когда я начал настаивать, быть может слишком резко, она горько расплакалась. Это были единственные слезы, которые я видел в Золотом Веке, кроме тех, что пролил я сам. Я тотчас же перестал мучить ее расспросами о морлоках и постарался, чтобы с ее глаз исчезли эти следы человеческих чувств. Через минуту она уже улыбалась и хлопала в ладоши, когда я торжественно зажег перед ней спичку.

IX Морлоки

Вам может показаться странным, что прошло целых два дня, прежде чем я решился продолжать свои изыскания в новом и, очевидно, верном направлении. Я ощущал какой-то ужас перед этими белыми фигурами. Они походили на почти обесцвеченных червей и другие препараты, хранящиеся в спирту в зоологических музеях. А прикоснувшись к ним, я почувствовал, какие они были отвратительно холодные. Этот страх отчасти объяснялся моей симпатией к элоям, чье отвращение к морлокам стало мало-помалу передаваться и мне.

В следующую ночь я спал очень плохо. Вероятно, мое здоровье расстроилось. Страхи и сомнения угнетали меня. Порой на меня находило чувство ужаса, причину которого я не мог понять. Помню, как я тихонько пробрался в большую залу, где, освещенные луной, спали маленькие люди. В эту ночь с ними спала и Уина. Их присутствие успокоило меня. Мне еще тогда пришло в голову, что через несколько дней луна будет в последней четверти и наступят темные ночи, когда должны участиться появления этих белых лемулов, этих новых червей, пришедших на смену старым. В последние два дня меня не оставляло тревожное чувство, какое обыкновенно испытывает человек, уклоняясь от исполнения неизбежного долга. Я был уверен, что смогу вернуть Машину Времени, только проникнув без страха в тайну Подземного Мира. Но я все еще не решался встретиться с этой тайной. Будь у меня товарищ, возможно, все сложилось бы иначе. Но я был так ужасно одинок, что даже самая мысль спуститься в мрачную глубину колодца была невыносима для меня. Не знаю, поймете ли вы мое чувство, но мне непрестанно казалось, что за спиной моей таится страшная опасность.

Вероятно, это беспокойство и ощущение неведомой опасности заставляли меня уходить все дальше и дальше на разведку. Идя на юго-запад, к возвышенности, которая в наше время называется Комб-Вуд, я заметил далеко впереди, там, где в девятнадцатом веке находится городок Банстед, огромное зеленое здание, совершенно непохожее по стилю на все дома, виденные мной до сих пор. Размерами оно превосходило самые большие дворцы. Его фасад был отделан в восточном духе; выкрашенное блестящей бледно-зеленой краской с голубоватым оттенком, это здание походило на дворец из китайского фарфора. Такое отличие во внешнем виде невольно наводило на мысль о его особом назначении, и я намеревался получше осмотреть дворец. Но впервые я увидел его после долгих и утомительных скитаний, когда день уже клонился к вечеру; поэтому, решив отложить осмотр до следующего дня, я вернулся домой к ласкам приветливой маленькой Уины. На следующее утро я ясно понял, что мое любопытство к Зеленому Фарфоровому Дворцу было вроде самообмана, изобретенного мною для того, чтобы еще на день отложить страшившее меня исследование Подземного Мира. Без дальнейших проволочек я решил пересилить себя и в то же утро спуститься в один из колодцев; я направился прямо к ближайшему из них, расположенному возле обломков гранита и алюминия.

Маленькая Уина бежала рядом со мной. Она, танцую, проводила меня до колодца, но, когда увидела, что я перегнулся через край и принялся смотреть вниз, пришла в ужасное волнение.

«Прощай, маленькая Уина», – сказал я, целуя ее.

Отпустив ее и перегнувшись через стенку, я принялся ощупывать металлические скобы. Не скрою, делал я это торопливо из страха, что решимость меня покинет. Уина сначала смотрела на меня с изумлением. Потом, испустив жалобный крик, бросилась ко мне и принялась оттащить прочь своими маленькими ручками. Мне кажется, ее сопротивление и побудило меня действовать решительно. Я оттолкнул ее руки, может быть немного резко, и мгновенно спустился в шахту колодца. Взглянув вверх, я увидел полное отчаяния лицо Уины и улыбнулся,

чтобы ее успокоить. Но тотчас же вслед за тем я должен был обратить все свое внимание на скобы, едва выдерживавшие мою тяжесть.

Мне нужно было спуститься на глубину примерно двухсот ярдов. Так как металлические скобы были приспособлены для спуска небольших существ, то очень скоро я почувствовал усталость. Нет, не только усталость, но и подлинный ужас! Одна скоба неожиданно прогнулась под моей тяжестью, и я едва не полетел вниз, в непроглядную темноту. С минуту я висел на одной руке и после этого случая не решался более останавливаться. Хотя я скоро ощутил жгучую боль в руках и спине, но все же продолжал спускаться быстро, как только мог. Посмотрев наверх, я увидел в отверстии колодца маленький голубой кружок неба, на котором виднелась одна звезда, а головка Уины казалась на фоне неба черным круглым пятнышком. Внизу все громче раздавался грохот машин. Все, кроме небольшого кружка вверху, было темным. Когда я снова поднял голову, Уина уже исчезла.

Мучительная тревога овладела мной. У меня мелькнула мысль вернуться наверх и оставить Подземный Мир в покое. Но все-таки я продолжал спускаться. Наконец, не знаю через сколько времени, я с невероятным облегчением увидел – или скорее почувствовал – справа от себя небольшое отверстие в стене колодца. Проникнув в него, я убедился, что это был вход в узкий горизонтальный тоннель, где я мог прилечь и отдохнуть. Это было необходимо. Руки мои ныли, спину ломило, и я весь дрожал от страха перед падением. К тому же непроницаемая темнота сильно угнетала меня. Все вокруг было наполнено гулом машины, накачивавшей в глубину воздух.

Не знаю, сколько времени я пролежал так. Очнулся от мягкого прикосновения чьей-то руки, ощупывавшей мое лицо. Вскочив в темноте, я торопливо зажег спичку и разглядел в ее свете три сутуловатые белые фигуры, подобные той, которую я видел в развалинах наверху. Они быстро отступили при виде огня. Морлоки, как я уже говорил, проводили всю жизнь в темноте, и потому глаза их были необычайно велики. Они не могли вытерпеть света моей спички и отражали его, совсем как зрачки глубоководных океанских рыб. Я нимало не сомневался, что они видели меня в этой густой темноте и их пугал только свет. Едва я зажег новую спичку, чтобы разглядеть их, как они обратились в бегство и исчезли в темных тоннелях, откуда сверкали только их блестящие глаза.

Я попытался заговорить с ними, но их язык, видимо, отличался от языка наземных жителей, так что волей-неволей мне пришлось положиться на свои собственные силы. Снова мелькнула у меня мысль бежать, бросив все исследования. Но я сказал самому себе: «Надо довести дело до конца». Двигаясь ощупью по тоннелю, я заметил, что с каждым шагом гул машины становится все громче. Внезапно стены раздвинулись, я вышел на открытое место и, чиркнув спичкой, увидел, что нахожусь в просторной сводчатой пещере. Я не успел рассмотреть ее всю, потому что спичка скоро погасла.

Разумеется, мои воспоминания очень смутны. В темноте проступали контуры огромных машин, отбрасывавших при свете спички причудливые черные тени, в которых укрывались похожие на привидения морлоки. Было очень душно, и в воздухе чувствовался слабый запах свежeproлитой крови. Чуть подальше, примерно в середине пещеры, стоял небольшой стол из белого металла, на котором лежали куски свежего мяса. Оказалось, что морлоки не были вегетарианцами! Помню, как уже тогда я с изумлением подумал: мясо какого домашнего животного, сохранившегося от наших времен, лежит теперь передо мной? Все вокруг было видно смутно; тяжелый запах, громадные контуры машин, отвратительные фигуры, притаившиеся в тени и ожидавшие только темноты, чтобы снова приблизиться ко мне! Догоревшая спичка обожгла мне пальцы и упала на землю, тлея красной точкой в непроглядной тьме.

С тех пор много раз я думал, как плохо был я подготовлен к такому исследованию. Отправляясь в путешествие на Машине Времени, я был исполнен нелепой уверенности, что люди Будущего опередили нас во всех отношениях. Я пришел к ним без оружия, без лекарств,

без табака, а временами мне так ужасно хотелось курить! Даже спичек у меня было мало. Ах, если б я только сообразил захватить с собой фотографический аппарат! Можно было бы запечатлеть этот Подземный Мир и потом спокойно рассмотреть его. Теперь же я стоял там, вооруженный лишь тем, чем снабдила меня природа, – руками, ногами и зубами; только это да четыре спасительные спички еще оставались у меня.

Я побоялся пройти дальше в темноте среди машин и только при последней вспышке зажженной спички увидел, что моя коробка кончается. До этой минуты мне и в голову не приходило, что нужно беречь спички, и я истратил почти половину коробки, удивляя наземных жителей, для которых огонь сделался диковинкой. Теперь, когда у меня оставалось только четыре спички, а сам я очутился в темноте, я снова почувствовал, как чьи-то тонкие пальцы принялись ощупывать мое лицо, и меня поразил какой-то особенно неприятный запах. Мне казалось, что я слышу дыхание целой толпы этих ужасных существ. Я почувствовал, как чьи-то руки осторожно пытаются отнять у меня спичечную коробку, а другие тянут меня сзади за одежду. Мне было нестерпимо ощущать присутствие невидимых созданий. Там, в темноте, я впервые ясно осознал, что не могу понять их побуждений и поступков. Я крикнул на них изо всех сил. Они отскочили, но тотчас же я снова почувствовал их приближение. На этот раз они уже смелее хватали меня и обменивались какими-то странными звуками. Я задрожал, крикнул опять, еще громче прежнего. Но в этот раз они уже не так испугались и тотчас приблизились снова, издавая странные звуки, похожие на тихий смех. Признаюсь, меня охватил страх. Я решил зажечь еще одну спичку и бежать под защитой света. Сделав это, я вынул из кармана кусок бумаги, зажег его и отступил назад в узкий тоннель. Но едва я вошел туда, мой факел задул ветер и стало слышно, как морлоки зашуршали в тоннеле, словно осенние листья. Их шаги звучали негромко и часто, как капли дождя...

В одно мгновение меня схватило несколько рук. Морлоки пытались втолкнуть меня назад в пещеру. Я зажег еще спичку и помахал ею прямо перед их лицами. Вы едва ли можете себе представить, какими омерзительно нечеловеческими они были, эти бледные лица без подбородков, с большими, лишенными век красновато-серыми глазами! Как они дико смотрели на меня в своем слепом отупении! Впрочем, могу вас уверить, что я недолго разглядывал их. Я снова отступил и, едва догорела вторая спичка, зажег третью. Она тоже почти догорела, когда мне наконец удалось добраться до шахты колодца. Я прилег, потому что у меня кружилась голова от стука огромного насоса внизу. Затем сбоку я нащупал скобы, но тут меня схватили за ноги и потащили обратно. Я зажег последнюю спичку... она тотчас же погасла. Но теперь, ухватившись за скобы и рассыпая ногами щедрые пинки, я высвободился из цепких объятий морлоков и принялся быстро взбираться по стене колодца. Все они стояли внизу и, моргая, смотрели на меня, кроме одной маленькой твари, которая некоторое время следовала за мной и чуть не сорвала с меня башмак в качестве трофея.

Подъем показался мне бесконечным. Преодолевая последние двадцать или тридцать футов, я почувствовал ужасную тошноту. Невероятным усилием я овладел собой. Последние несколько ярдов были ужасны. Сил больше не было. Несколько раз у меня начинала кружиться голова, и тогда падение казалось неминуемым. Сам не знаю, как я добрался до отверстия колодца и, шатаясь, выбрался из руин на ослепительный солнечный свет. Я упал ничком. Даже земля здесь показалась мне чистой и благоуханной. Помню, как Уина осыпала поцелуями мои руки и лицо и как вокруг меня раздавались голоса других элоев. А потом я потерял сознание.

Х

Когда настала ночь

После этого я оказался в еще худшем положении, чем раньше. Если не считать минут отчаяния в ту ночь, когда я лишился Машины Времени, меня все время ободряла надежда на возможность бегства. Однако новые открытия пошатнули ее. До сих пор я видел для себя препятствие лишь в детской непосредственности маленького народа и в каких-то неведомых мне силах, узнать которые, казалось мне, было равносильно тому, чтобы их преодолеть. Теперь же появилось совершенно новое обстоятельство – отвратительные морлоки, что-то нечеловеческое и враждебное. Я инстинктивно ненавидел их. Прежде я чувствовал себя в положении человека, попавшего в яму: думал только о яме и о том, как бы из нее выбраться. Теперь же я чувствовал себя в положении зверя, попавшего в западню и чующего, что враг близко.

Враг, о котором я говорю, может вас удивить: это темнота перед новолунием. Уина внушила мне этот страх несколькими сначала непонятными словами о Темных Ночах. Теперь нетрудно было догадаться, что означало это приближение Темных Ночей. Луна убывала, каждую ночь темнота становилась все непроницаемей. Теперь наконец я хоть отчасти понял причину ужаса жителей Верхнего Мира перед темнотой. Я спрашивал себя, что за мерзости проделывали морлоки в безлунные ночи. Я был уже окончательно убежден, что моя гипотеза о господстве элоев над морлоками совершенно неверна. Конечно, раньше жители Верхнего Мира были привилегированным классом, а морлоки – их рабочими-слугами, но это давным-давно ушло в прошлое. Обе разновидности людей, возникшие вследствие эволюции общества, переходили или уже перешли к совершенно новым отношениям. Подобно династии Каролингов, элои переродились в прекрасные ничтожества. Они все еще из милости владели поверхностью земли, тогда как морлоки, бесчисленные поколения которых жили под землей, в конце концов стали совершенно неспособными выносить дневной свет. Морлоки по-прежнему делали для элоев одежду и заботились об их повседневных нуждах, может быть, вследствие старой привычки работать на них. Они делали это так же бессознательно, как конь бьет о землю копытом или охотник радуется убитой им дичи: старые, давно исчезнувшие отношения все еще накладывали свою печать на человеческий организм. Но ясно, что изначальные отношения этих двух рас стали теперь прямо противоположны. Неумолимая Немезида неслышно приближалась к изнеженным счастливцам. Много веков назад, за тысячи и тысячи поколений, человек лишился своего ближнего счастья и солнечного света. А теперь этот ближний стал совершенно неузнаваем! Элои снова получили начальный урок жизни. Они заново познакомились с чувством страха. Я неожиданно вспомнил о мясе, которое видел в Подземном Мире. Не знаю, почему мне это пришло в голову: то было не следствие моих мыслей, а как бы вопрос извне. Я попытался припомнить, как выглядело мясо. Оно уже тогда показалось мне каким-то знакомым, но что это было, я не мог понять.

Маленький народ был беспомощен в присутствии существ, наводивших на него этот таинственный страх, но я был не таков. Я был сыном своего века, века расцвета человеческой расы, когда страх перестал сковывать человека и таинственность потеряла свои чары. Во всяком случае, я мог защищаться. Без промедления я решил приготовить себе оружие и найти безопасное место для сна. Имея такое убежище, я мог бы сохранить по отношению к этому неведомому миру некоторую долю той уверенности, которой я лишился, узнав, какие существа угрожали мне по ночам. Я знал, что не засну до тех пор, пока мой сон не будет надежно защищен. Я содрогнулся при мысли, что эти твари уже не раз осматривали меня.

Весь день я бродил по долине Темзы, но не нашел никакого убежища, которое было бы для них недостижимым. Все здания и деревья казались легкодоступными для таких ловких и цепких существ, какими были морлоки, судя по их колодцам. И тут я снова вспомнил о высо-

ких башенках и гладких блестящих стенах Зеленого Фарфорового Дворца. В тот же вечер, посадив Уину, как ребенка, на плечо, я отправился по холмам на юго-запад. Я полагал, что до Зеленого Дворца семь или восемь миль, но, вероятно, до него были все восемнадцать. В первый раз я увидел это место в довольно пасмурный день, когда расстояния кажутся меньше. А теперь, когда я двинулся в путь, у меня, кроме всего остального, еще оторвался каблук и в ногу впивался гвоздь – это были старые башмаки, которые я носил только дома. Я захромал. Солнце давно уже село, когда показался дворец, вырисовывавшийся черным силуэтом на бледно-желтом фоне неба.

Уина была в восторге, когда я понес ее на плече, но потом она захотела сойти на землю и семенила рядом со мной, перебегая то на одну, то на другую сторону за цветами и засовывая их мне в карманы. Карманы всегда удивляли Уину, и в конце концов она решила, что это своеобразные вазы для цветов. Во всяком случае, она их использовала для этой цели... Да! Кстати... Переодеваясь, я нашел...

(Путешественник по Времени умолк, опустил руку в карман и положил перед нами на столик два увядших цветка, напоминавших очень крупные белые мальвы. Потом возобновил свой рассказ.)

– Землю уже объяла вечерняя тишина, а мы все еще шли через холм по направлению к Уимблдону. Уина устала и хотела вернуться в здание из серого камня. Но я указал на видневшиеся вдалеке башенки Зеленого Дворца и постарался объяснить ей, что там мы найдем убежище. Знакома ли вам та мертвая тишина, которая наступает перед сумерками? Даже листья на деревьях не шелхнутся. На меня эта вечерняя тишина всегда навеивает какое-то неясное чувство ожидания. Небо было чистое, высокое и ясное; лишь на западе виднелось несколько легких облачков. Но к этому гнету вечернего ожидания примешивался теперь страх. В тишине мои чувства, казалось, сверхъестественно обострились. Мне чудилось, что я могу даже ощущать пещеры в земле у себя под ногами, могу чуть ли не видеть морлоков, кишачих в своем подземном муравейнике в ожидании темноты. Мне казалось, что они примут мое вторжение как объявление войны. И зачем взяли они мою Машину Времени?

Мы продолжали идти в вечерней тишине, а сумерки тем временем постепенно стужались. Голубая ясность дали померкла, одна за другой стали загораться звезды. Земля под ногами становилась смутной, деревья – черными. Страх и усталость овладели Уиной. Я взял ее на руки, успокаивая и лаская. По мере наступления темноты она все крепче и крепче прижималась лицом к моему плечу. По длинному склону холма мы спустились в долину, и тут я чуть было не свалился в маленькую речку. Перейдя ее вброд, я взобрался на противоположный склон долины, прошел мимо множества домов, мимо статуи, изображавшей, как мне показалось, некое подобие фавна, но только без головы. Здесь росли акации. До сих пор я еще не видел морлоков, но ведь ночь только началась и самые темные часы, перед восходом ущербной луны, были еще впереди.

С вершины следующего холма я увидел густую чащу леса, которая тянулась передо мной широкой и черной полосой. Я остановился в нерешительности. Этому лесу не было видно конца ни справа, ни слева. Чувствуя себя усталым – у меня нестерпимо болели ноги, – я осторожно снял с плеча Уину и опустился на землю. Я уже не видел Зеленого Дворца и не знал, куда идти. Взглянув на лесную чащу, я невольно подумал о том, что могла скрывать она в своей глубине. Под этими густо переплетенными ветвями деревьев, должно быть, не видно даже звезд. Если б в лесу меня даже и не подстерегала опасность – та опасность, самую мысль о которой я гнал от себя, – там все же было достаточно корней, чтобы споткнуться, и стволов, чтобы расшибить себе лоб. К тому же я был измучен волнениями этого дня и решил не идти в лес, а провести ночь на открытом месте.

Я был рад, что Уина уже крепко спала. Заботливо завернув ее в свою куртку, я сел рядом с ней и стал ожидать восхода луны. На склоне холма было тихо и пустынно, но из темноты

леса доносился по временам какой-то шорох. Надо мной сияли звезды, ночь была очень ясная. Их мерцание успокаивало меня. На небе уже не было знакомых созвездий: они приняли новые очертания благодаря тем медленным перемещениям звезд, которые становятся ощутимы лишь по истечении сотен человеческих жизней. Один только Млечный Путь, казалось, остался тем же потоком звездной пыли, что и в наше время. На юге сияла какая-то очень яркая, неизвестная мне красная звезда, она была ярче даже нашего Сириуса. И среди всех этих мерцающих точек мягко и ровно сияла большая планета, как будто спокойно улыбающееся лицо старого друга.

При свете звезд все заботы и горести земной жизни показались мне ничтожными. Я подумал о том, как они бесконечно далеки, как медленно движутся из неведомого Прошлого в неведомое Будущее. Подумал о кругах, которые описывает в пространстве земная ось. Всего сорок раз описала она круг за восемьсот тысяч лет, которые я преодолел. И за это время вся деятельность, все традиции, вся сложная организация, все национальности, языки, вся литература, все человеческие стремления и даже самое воспоминание о Человеке, каким я его знал, исчезли. Взамен этого в мире появились хрупкие существа, забывшие о своем высоком происхождении, и белесые твари, от которых я в ужасе бежал. Я думал и о том Великом Страхе, который разделил две разновидности человеческого рода, и впервые с содроганием понял, что за мясо видел я в Подземном Мире. Нет, это было бы слишком ужасно! Я взглянул на маленькую Уину, спавшую рядом со мной, на ее личико, беленькое и ясное, как звездочка, и тотчас же отогнал страшную мысль.

Всю эту долгую ночь я старался не думать о морлоках и убивал время, стараясь найти в путанице звезд следы старых созвездий. Небо было совершенно чистое, по нему плыло лишь несколько легких облачков. Временами я дремал. Когда такое бдение совсем истомило меня, в восточной части неба показался слабый свет, подобный зареву какого-то бесцветного пожара, и вслед за тем появился белый тонкий серп убывающей луны. А следом, как бы настигая и затопляя его своим сиянием, блеснули первые лучи утренней зари, сначала бледные, но потом с каждой минутой все ярче разгоравшиеся теплыми алыми красками. Ни один морлок не приблизился к нам; в эту ночь я даже не видел никого из них. С первым светом наступавшего дня все мои ночные страхи стали казаться почти смешными. Я встал и почувствовал, что моя нога в башмаке без каблука распухла у лодыжки, пятка болела. Я сел на землю, снял башмаки и отшвырнул их прочь.

Разбудив Уину, я спустился с ней вниз. Мы вошли в лес, теперь зеленый и приветливый, а не черный и зловещий, как ночью. Мы позавтракали плодами, а потом встретили несколько прекрасных маленьких существ, которые смеялись и танцевали на солнышке, как будто в мире никогда и не было ночей. Но тут я снова вспомнил о том мясе, которое видел у морлоков. Теперь мне стало окончательно ясно, что это было за мясо, и я от всей души пожалел о том слабом ручейке, который остался на земле от некогда могучего потока человечества. Ясно, что когда-то давно, века назад, пища у морлоков иссякла. Возможно, что некоторое время они питались крысами и всякой другой мерзостью. Даже в наше время человек гораздо менее разборчив в пище, чем когда-то, – значительно менее разборчив, чем любая обезьяна. Его предубеждение против человеческого мяса не есть глубоко укоренившийся инстинкт. И теперь вот что делали эти бесчеловечные потомки людей!.. Я постарался взглянуть на дело с научной точки зрения. Во всяком случае, морлоки были менее человекоподобны и более далеки от нас, чем наши предки-каннибалы, жившие три или четыре тысячи лет назад. А тот высокоразвитый ум, который сделал бы для нас людоедство истинной пыткой, окончательно исчез. «О чем мне беспокоиться? – подумал я. – Эти элои – просто-напросто откормленный скот, который разводят и отбирают себе в пищу муравьепоподобные морлоки, – вероятно, они даже следят за тем, чтобы элои были хорошо откормлены...» А маленькая Уина тем временем танцевала около меня.

Я попытался подавить отвращение, заставляя себя думать, что такое положение вещей – суровая кара за человеческий эгоизм. Люди хотели жить в роскоши за счет тяжелого труда своих братьев и оправдывались необходимостью, а теперь, когда настало время, та же необходимость повернулась к ним своей обратной стороной. Я даже, подобно Карлейлю, пытался возбудить в себе презрение к этой жалкой, упадочной аристократии. Но мне это не удалось. Как ни велико было их духовное падение, все же элои сохранили в своей внешности слишком много человеческого, и я невольно сочувствовал им, разделяя с ними унижение и страх.

Что мне делать, я еще не знал. Прежде всего я хотел найти безопасное убежище и раздобыть какое-нибудь металлическое или каменное оружие. Это было необходимо. Затем я надеялся найти средства для добывания огня, чтобы иметь факел, так как знал, что это оружие было самым действенным против морлоков. А еще я хотел создать какое-нибудь приспособление для того, чтобы выломать бронзовые двери в пьедестале Белого Сфинкса. Я намеревался сделать таран. Я был уверен, что если войду в эти двери, неся с собой факел, то найду там Машину Времени и смогу вырваться из этого ужасного мира. Я не думал, чтобы у морлоков хватило сил утащить мою Машину куда-нибудь очень далеко. Уину я решил взять с собой в наше время. Обдумывая все эти планы, я продолжал идти к тому зданию, которое избрал для своего жилища.

XI Зеленый Дворец

Когда около полудня мы добрались до Зеленого Дворца, то нашли его полуразрушенным и пустынным. В окнах торчали только осколки стекол, а большие куски зеленой облицовки отвалились от проржавевшего металлического каркаса. Дворец стоял на высоком травянистом склоне, и, взглянув на северо-восток, я изумился, увидя большой эстуарий или, скорее, бухту там, где, по моим соображениям, были наши Уондсворт и Бэттерси. И я сразу подумал: что же произошло или происходит теперь с существами, населяющими морскую глубину, но долго раздумывать об этом не стал.

Оказалось, что дворец был действительно сделан из фарфора, и вдоль его фасада тянулась надпись на каком-то незнакомом языке. Мне пришла в голову нелепая мысль, что Уина может помочь разобрать ее, но оказалось, что она и понятия не имеет о письме. Она всегда казалась мне более человеком, чем была на самом деле, может быть, потому, что ее привязанность ко мне была такой человеческой.

За огромными поломанными створчатыми дверями, которые были открыты настежь, мы увидели вместо обычного зала длинную галерею с целым рядом окон. С первого же взгляда я понял, что это музей. Паркетный пол был покрыт густым слоем пыли, и такой же серый покров лежал на всех удивительных и разнообразных предметах, сваленных повсюду. Среди прочего я увидел посреди зала что-то странное и высохшее, – несомненно, это была нижняя часть огромного скелета. По форме его ног я определил, что это вымершее животное типа мегатерия. Рядом в густой пыли лежали его череп и кости верхних конечностей, а в одном месте, где крыша протекала, часть костей почти совершенно рассыпалась. Далее в галерее стоял огромный скелет бронтозавра. Мое предположение, что это музей, подтвердилось. По бокам галереи я нашел то, что принял сначала за покосившиеся полки, но, стерев с них густой слой пыли, убедился, что это стеклянные витрины. Вероятно, они были герметически закупорены, судя по некоторым прекрасно сохранившимся экспонатам.

Ясно, что мы находились среди развалин огромного музея, подобного Южно-Кенсингтонскому, но относившегося к более поздним временам. Здесь, по-видимому, был палеонтологический отдел, обладавший чудеснейшей коллекцией ископаемых, однако неизбежное разрушение, искусственно остановленное на некоторое время и утратившее благодаря уничтожению бактерий и грибов девяносто девять сотых своей силы, все же верно и медленно продолжало свою работу. То тут, то там находил я следы посещения музея маленьким народом: кое-где попадались редкие ископаемые, разломанные ими на куски или нанизанные гирляндами на тростник. В некоторых местах витрины были сорваны. И я решил, что это сделали морлоки. Дворец был совершенно пуст. Густой слой пыли заглушал звук наших шагов. Пока я с изумлением осматривался, ко мне подошла Уина, которая до тех пор забавлялась тем, что катала морского ежа по наклонному стеклу витрины. Она тихонько взяла меня за руку и встала рядом со мной.

Я был так изумлен при виде этого разрушавшегося памятника интеллектуального периода существования человечества, что не подумал о той пользе, какую мог бы для себя отсюда извлечь. Даже мысль о Машине вылетела у меня на время из головы.

Судя по размерам, Зеленый Дворец должен был заключать в себе не только палеонтологическую галерею; вероятно, тут были и исторические отделы, а может быть, даже библиотека. Для меня это было бы неизмеримо интереснее, чем геологическая выставка времен упадка. Принявшись за дальнейшие исследования, я открыл вторую, короткую галерею, пересекавшую первую. По-видимому, это был минералогический отдел, и вид куска серы навел меня на мысль о порохе. Но я нигде не мог отыскать селитры или каких-нибудь азотнокислых солей.

Без сомнения, они разложились много столетий назад. Но сера не выходила у меня из головы и натолкнула на целый ряд мыслей. Все остальное здесь мало меня интересовало, хотя, в общем, пожалуй, этот отдел сохранился лучше всего. Я не специалист по минералогии и потому отправился дальше, в полуразрушенное крыло здания, параллельное первой галерее, через которую я вошел. По-видимому, этот новый отдел был посвящен естественной истории, но все в нем давным-давно изменилось до неузнаваемости. Несколько съжившихся и почерневших остатков того, что прежде было чучелами зверей, высохшие коконы в банках, когда-то наполненных спиртом, темная пыль, оставшаяся от засушенных растений, – вот и все, что я здесь нашел. Я пожалел об этом; мне было бы интересно проследить те медленные, терпеливые усилия, благодаря которым была достигнута полная победа над животным и растительным миром. Оттуда мы попали в огромную, плохо освещенную галерею. Пол постепенно понижался, хотя и под небольшим углом, от того конца, где мы стояли. С потолка через одинаковые промежутки свешивались белые шары; некоторые из них были треснуты или разбиты вдребезги, и у меня невольно явилась мысль, что это помещение когда-то освещалось искусственным светом. Тут я больше чувствовал себя в своей среде, так как по обе стороны от меня поднимались остовы огромных машин, все сильно попорченные и многие даже поломанные; некоторые, однако, были еще в сравнительной целостности. Вы знаете, у меня слабость к машинам; мне захотелось подольше остаться здесь, тем более что большая часть их поразила меня новизной и непонятностью и я мог строить лишь самые неопределенные догадки относительно целей, которым они служили. Мне казалось, что если я разрешу эти загадки, то найду могущественное оружие для борьбы с морлоками.

Вдруг Уина прижалась ко мне. Это было так неожиданно, что я вздрогнул. Если бы не она, я, по всей вероятности, не обратил бы внимания на покатошь пола¹. Тот конец галереи, откуда я вошел, поднимался довольно высоко над землей и был освещен через немногие узкие окна. Но по мере того как мы шли дальше, склон холма подступал к самым окнам, постепенно заслоняя их, так что наконец осталось только углубление, как в Лондоне перед полуподвалом, а в неширокую щель просачивалась лишь едва заметная полоска света. Я медленно шел вперед, с любопытством рассматривая машины. Это занятие совершенно поглотило меня, и поэтому я не заметил постепенного ослабления света, пока наконец возраставший страх Уины не привлек моего внимания. Я заметил тогда, что галерея уходит в непроглядную темноту.

Остановившись в нерешительности и осмотревшись вокруг, я увидел, что слой пыли здесь тоньше и местами лежит неровно. Еще дальше, в темноте, на пыльном полу как будто виднелись небольшие узкие следы. При виде их я вспомнил о близости морлоков. Я почувствовал, что даром теряю время на осмотр машин, и спохватился: уже перевалило далеко за полдень, а я все еще не имею оружия, убежища и средств для добывания огня. Вдруг далеко, в глубине темной галереи, я услышал тот же своеобразный шорох, те же странные звуки, что и тогда в глубине колодца.

Я взял Уину за руку. Но тут мне в голову пришла новая мысль, я оставил Уину и направился к машине, из которой торчал рычаг вроде тех, какие употребляются на железнодорожных стрелках. Взобравшись на подставку и ухватившись обеими руками за рычаг, я всей своей тяжестью навалился на него. Уина, оставшись одна, начала плакать. Я рассчитал правильно: рычаг сломался после минутного усилия, и я вернулся к Уине с палицей в руке, достаточно надежной для того, чтобы проломить череп любому морлоку, который повстречался бы на пути. А мне ужасно хотелось убить хотя бы одного! Быть может, вам это желание убить одного из наших потомков покажется бесчеловечным. Но к этим отвратительным существам невозможно было относиться по-человечески. Только мое нежелание оставить Уину и уверенность в том, что может пострадать Машина Времени, если я примусь за избивание морлоков, удержали

¹ Возможно, конечно, что пол не был покат, – просто музей был встроен в склон холма. – *Примеч. изд.*

меня от попытки тотчас же спуститься по галерее вниз и начать истребление копошившихся там тварей.

И вот, держа палицу в правой руке, а левой обнимая Уину, я вышел из этой галереи и направился в другую – с виду еще большую, – которую я с первого взгляда принял за военную часовню, обвешанную изорванными знаменами. Но скоро в этих коричневых и черных лоскутках, которые висели по стенам, я узнал остатки истлевших книг. Они давным-давно рассыпались на куски, на них не осталось даже следов букв. Лишь кое-где валялись покоробленные корешки и треснувшие металлические застежки, достаточно красноречиво свидетельствовавшие о своем прошлом назначении. Будь я писателем, возможно, при виде всего этого я пустился бы философствовать о тщете всякого честолюбия. Но так как я не писатель, меня всего сильнее поразила потеря колоссального труда, о которой говорили эти мрачные груды истлевшей бумаги. Должен сознаться, впрочем, что в ту минуту я вспомнил о «Философских трудах» и о своих собственных семнадцати статьях по оптике.

Поднявшись по широкой лестнице, мы вошли в новое помещение, которое было когда-то отделом прикладной химии. У меня была надежда найти здесь что-нибудь полезное. За исключением одного угла, где обвалилась крыша, эта галерея прекрасно сохранилась. Я торопливо подходил к каждой уцелевшей витрине и наконец в одной из них, закупоренной поистине герметически, нашел коробку спичек. Горя от нетерпения, я испробовал одну из них. Спички оказались вполне пригодными: они нисколько не отсырели. Я повернулся к Уине.

«Танцуй!» – воскликнул я на ее языке.

Теперь у нас действительно было оружие против ужасных существ, которых мы боялись. И вот в этом заброшенном музее, на густом ковре пыли, к величайшему восторгу Уины, я принялся торжественно исполнять замысловатый танец, весело насвистывая песенку «Страна верности». Это был отчасти скромный канкан, отчасти полонез, отчасти вальс (так что развевались фалды моего сюртука) и отчасти мое собственное оригинальное изобретение. Вы же знаете, что я в самом деле изобретателен.

Эта коробка спичек, которая сохранилась по прошествии стольких лет вопреки разрушительному действию времени, была самой необычайной и счастливой случайностью. К своему удивлению, я сделал еще одну неожиданную находку – камфору. Я нашел ее в запечатанной банке, которая, я думаю, случайно была закупорена герметически. Сначала я принял ее за парафин и разбил банку. Но запах камфоры не оставлял сомнений. Это летучее вещество среди общего разрушения пережило, быть может, многие тысячи столетий. Оно напомнило мне об одном рисунке, сделанном сепией, которая была приготовлена из ископаемого белемнита, погибшего и ставшего окаменелостью, вероятно, миллионы лет тому назад. Я хотел уже выбросить камфору, как вдруг вспомнил, что она горит прекрасным ярким пламенем, так что из нее можно сделать отличную свечку. Я положил ее в карман. Зато я нигде не нашел взрывчатых веществ или каких-либо других средств, чтобы взломать бронзовые двери. Железный рычаг все же был самым полезным орудием из всех, на какие я до сих пор наткнулся. Тем не менее я с гордым видом вышел из галереи.

Не могу пересказать вам всего, что я видел за этот долгий день. Пришлось бы сильно напрячь память, чтобы по порядку рассказать о всех моих изысканиях. Помню длинную галерею с заржавевшим оружием и свои размышления: не выбрать ли мне топор или саблю вместо моего железного рычага? Я не мог унести то и другое, а железный лом был более пригоден для взлома бронзовых дверей. Я видел множество ружей, пистолетов и винтовок. Почти все они были совершенно изъедены ржавчиной, хотя некоторые, сделанные из какого-то неизвестного металла, прекрасно сохранились. Но патроны и порох давно уже рассыпались в пыль. Один угол галереи обгорел и был совершенно разрушен; вероятно, это произошло вследствие взрыва патронов. В другом месте оказалась большая коллекция идолов: полинезийских, мексиканских, греческих, финикийских, собранных со всех концов земли. И тут, уступая непре-

одолимому желанию, я написал свое имя на носу каменного уroda из Южной Америки, особенно меня поразившего.

К вечеру мое любопытство ослабло. Одну за другой проходил я галереи, пыльные, безмолвные, часто разрушенные, все содержимое которых представляло собой в некоторых случаях груды ржавчины и обуглившихся обломков. В одном месте я неожиданно наткнулся на модель рудника, а затем, также совершенно случайно, нашел в плотно закупоренной витрине два динамитных патрона.

«Эврика!» – воскликнул я с радостью и разбил витрину.

Но вдруг меня одолело сомнение. Я остановился в раздумье. Выбрав маленькую боковую галерею, я сделал опыт. Никогда в жизни не чувствовал я такого разочарования, как в те пятьдесят минут, когда ждал взрыва и ничего не дождался. Без сомнения, это были модели, я мог бы догадаться об этом уже по их виду. Уверен, что иначе я тотчас же кинулся бы к Белому Сфинксу и отправил бы его одним взрывом в небытие вместе с его бронзовыми дверями и (как выяснилось впоследствии) уже никогда не получил бы обратно Машину Времени.

Насколько я могу припомнить, мы вышли в маленький открытый дворик внутри главного здания. Среди зеленой травы росли три фруктовых дерева. Здесь мы отдохнули и подкрепились. Приближался закат, и я стал обдумывать наше положение. Ночь уже надвигалась, а безопасное убежище все еще не было найдено. Однако теперь это меня мало тревожило. В моих руках была лучшая защита от морлоков: спички! А на случай, если бы понадобился яркий свет, у меня в кармане была камфора. Самое лучшее, казалось мне, – провести ночь на открытом месте под защитой костра. А наутро я хотел приняться за розыски Машины Времени. Единственным средством для этого был железный лом. Но теперь, лучше зная, что к чему, я совершенно иначе относился к бронзовым дверям. Ведь до сих пор я не хотел их ломать, не зная, что находилось по другую их сторону. Они не казались мне очень прочными, и я надеялся, что легко взломаю их своим рычагом.

XII

Во мраке

Мы вышли из Зеленого Дворца, когда солнце еще не скрылось за горизонтом. Я решил на следующий же день рано утром вернуться к Белому Сфинксу, а пока, до наступления темноты, предполагал пробраться через лес, задержавший нас по пути сюда. В этот вечер я рассчитывал пройти возможно больше, а затем, разведя костер, лечь спать под защитой огня. Дорогой я собирал сучья и сухую траву и скоро набрал целую охапку. С этим грузом мы продвигались вперед медленнее, чем я предполагал, и к тому же Уина очень устала. Мне тоже ужасно хотелось спать. Когда мы дошли до леса, наступила полная темнота. Из страха перед ней Уина хотела остаться на склоне холма у опушки, но чувство опасности толкало меня вперед, вместо того чтобы образумить и остановить. Я не спал всю ночь и два дня находился в лихорадочном, раздраженном состоянии. Я чувствовал, как ко мне подкрадывается сон, а вместе с ним и морлоки.

Пока мы стояли в нерешительности, я увидел сзади на темном фоне кустов три притаившиеся твари. Нас окружали высокая трава и мелкий кустарник, так что они могли коварно подкрасться вплотную. Чтобы пересечь лес, надо было, по моим расчетам, пройти около мили. Мне казалось, что если бы нам удалось выйти на открытый склон, то мы нашли бы там безопасное место для отдыха. Спичками и камфорой я рассчитывал освещать дорогу. Но чтобы зажигать спички, я, очевидно, должен был бросить сучья, набранные для костра. Волей-неволей мне пришлось это сделать. И тут у меня возникла мысль, что я могу позабавить наших друзей, если подожгу кучу хвороста. Впоследствии я понял, какое это было безумие, но тогда такой маневр показался мне отличным прикрытием нашего отступления.

Не знаю, задумывались ли вы когда-нибудь над тем, какой редкостью бывает пламя в умеренном климате, где нет человека. Солнечный жар редко способен зажечь какое-нибудь дерево даже в том случае, если его лучи собирают, словно зажигательные стекла, капли росы, как это иногда случается в тропических странах. Молния разит и убивает, но редко служит причиной большого пожара. Гниющая растительность иногда тлеет от теплоты внутренних химических реакций, но редко загорается. А в этот период упадка на земле было позабыто самое искусство добывания огня. Красные языки, которые принялись лизать груды хвороста, были для Уины чем-то совершенно новым и поразительным.

Она хотела подбежать и поиграть с пламенем. Вероятно, она даже бросилась бы в огонь, не удержи я ее. Я схватил ее и, несмотря на сопротивление, смело увлек за собой в лес. Некоторое время костер освещал нам дорогу. Потом, оглянувшись назад, я увидел сквозь частые стволы деревьев, как занялись ближние кустарники и пламя, змеясь, поползло вверх на холм. Я засмеялся и снова повернулся к темным деревьям. Там царил полнейший мрак; Уина судорожно прижалась ко мне, но мои глаза быстро освоились с темнотой, и я достаточно хорошо видел, чтобы не наткнуться на стволы. Над головой было черным-черно и только кое-где сияли клочки неба. Я не зажигал спичек, потому что руки мои были заняты. На левой руке сидела малышка Уина, а в правой я держал свой лом.

Некоторое время я не слышал ничего, кроме треска веток под ногами, легкого шелеста ветра, своего дыхания и стука крови в ушах. Затем я услышал позади топот, но упорно продолжал идти вперед. Топот становился все громче, и вместе с ним долетали странные звуки и голоса, которые я уже слышал в Подземном Мире. Очевидно, за нами гнались морлоки; они настигали нас. Действительно, в следующее же мгновение я почувствовал, как кто-то дернул меня за одежду, а потом за руку. Уина задрожала и притихла.

Необходимо было зажечь спичку. Но чтобы достать ее, я должен был спустить Уину на землю. Я так и сделал, но, пока я рылся в кармане, около моих ног в темноте началась возня.

Уина молчала, и только морлоки что-то бормотали. Чьи-то маленькие мягкие руки скользнули по моей спине и даже прикоснулись к шее. Спичка чиркнула и зашипела. Я подождал, пока она не разгорелась, и тогда увидел белые спины убежавших в чашу морлоков. Поспешно вынув из кармана кусок камфоры, я приготовился ее зажечь, как только начнет гаснуть спичка. Я взглянул на Уину. Она лежала ничком, обхватив мои колени, совершенно неподвижная. Со страхом я наклонился над ней. Казалось, она едва дышала. Я зажег кусок камфоры и бросил его на землю; расколовшись, он ярко запыхал, отгоняя от нас морлоков и ночные тени. Я встал на колени и поднял Уину. В лесу позади нас слышался шум и бормотание огромной толпы.

По-видимому, Уина лишилась чувств. Я осторожно положил ее к себе на плечо, встал и собрался идти дальше, но вдруг ясно понял безвыходность нашего положения. Возясь со спичками и с Уиной, я несколько раз повернулся и теперь не имел ни малейшего понятия, куда мне идти. Может быть, я снова шел назад к Зеленому Дворцу. Меня прошиб холодный пот. Нельзя было терять времени; приходилось действовать. Я решил развести костер и остаться на месте. Положив все еще неподвижную Уину на мшистый пенек, я принялся торопливо собирать сучья и листья, пока догорал кусок камфоры. Вокруг меня то тут, то там, подобно рубинам, светились в темноте глаза морлоков.

Камфора в последний раз вспыхнула и погасла. Я зажег спичку и увидел, как два белых существа, приближавшиеся к Уине, поспешно метнулись прочь. Одно из них было так ослеплено светом, что натолкнулось на меня, и я почувствовал, как под ударом моего кулака хрустнули его кости. Морлок закричал от ужаса, сделал, шатаясь, несколько шагов и упал. Я зажег другой кусок камфоры и продолжал собирать хворост для костра. Скоро я заметил, что листья здесь совершенно сухие, так как со времени моего прибытия, то есть целую неделю, ни разу не было дождя. Я перестал разыскивать меж деревьями хворост и начал вместо этого прыгать и обламывать нижние ветви деревьев. Скоро разгорелся удушливо дымный костер из свежего дерева и сухих сучьев, и я сберег остаток камфоры. Я вернулся туда, где рядом с моим ломом лежала Уина. Я всеми силами старался привести ее в чувство, но она лежала как мертвая. Я не мог даже понять, дышит она или нет.

Тут мне пахнуло дымом прямо в лицо, и голова моя, и без того тяжелая от запаха камфоры, отяжелела еще больше. Костра должно было хватить примерно на час. Смертельно усталый, я присел на землю. Мне почудилось, что по лесу носится какой-то непонятный сонливый шепот. Мне казалось, что я вздремнул на миг и тотчас же открыл глаза. Вокруг меня была темнота, и руки морлоков касались моего тела. Страхнув с себя их цепкие пальцы, я торопливо принялся искать в кармане спички, но их там не оказалось. Морлоки снова схватили меня, окружив со всех сторон. В одну секунду я сообразил, что случилось. Я заснул, костер погас. Меня охватил смертельный ужас. Весь лес, казалось, был наполнен запахом гари. Меня схватили за шею, за волосы, за руки и старались повалить. Ужасны были в темноте прикосновения этих мягкотелых созданий, облепивших меня. Мне казалось, что я попал в какую-то чудовищную паутину. Они пересилили меня, и я упал. Чьи-то острые зубы впились мне в шею. Я перевернулся, и в то же мгновение рука моя нащупала железный рычаг. Это придало мне сил. Страхнув с себя всю кучу человекообразных крыс, я вскочил и, размахнувшись рычагом, принялся бить им наугад, стараясь попадать им по головам. Я чувствовал, как под моими ударами обмякали их тела, слышал, как хрустели кости. На минуту я освободился.

Мною овладело то странное возбуждение, которое, говорят, так часто приходит во время боя. Я знал, что мы оба с Уиной погибли, но решил дорого продать свою жизнь. Я стоял, опираясь спиной о дерево и размахивая перед собой железной палицей. Лес оглашали громкие крики морлоков. Прошла минута. Голоса их, казалось, уже не могли быть пронзительней, движения становились все быстрее и быстрее. Но ни один не подходил ко мне близко. Я все время стоял на месте, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте. В душу мою закралась надежда: может быть, морлоки испугались? И тут произошло нечто необычайное, казалось, окружавший

меня мрак стал проясняться. Я смутно начал различать фигуры морлоков: трое корчились у моих ног, а остальные непрерывным потоком бежали мимо меня вглубь леса. Спины их казались уже не белыми, а красноватыми. Застыв в недоумении, я увидел красную полосу, которая скользила между деревьев, освещенных светом звезд. Я сразу понял, откуда взялся запах гари и однообразный шорох, перешедший теперь в страшный рев, и красное зарево, обратившее морлоков в бегство.

Отойдя от дерева и оглянувшись назад, я увидел между черными стволами пламя лесного пожара. Это меня догонял мой первый костер. Я искал Уину, но ее не было... Свист и шипенье позади, треск загоревшихся ветвей – все это не оставляло времени для размышлений. Схватив свой лом, я побежал за морлоками. Пламя следовало за мной по пятам. Пока я бежал, оно обогнало меня справа, так что я оказался отрезанным и бросился влево. Наконец я выбежал на небольшую поляну. Один из морлоков, ослепленный, наткнулся на меня и промчался мимо прямо в огонь.

После этого мне пришлось наблюдать самое потрясающее зрелище из всех, какие я видел в Будущем. От зарева стало светло как днем. Посреди огненного моря был холмик или курган, на вершине которого рос полузасохший боярышник. А дальше, в лесу, бушевали желтые языки пламени, и холм был со всех сторон окружен огненным забором. На склоне холма толпилось около тридцати или сорока морлоков; ослепленные, они метались и натывались в замешательстве друг на друга. Я забыл об их слепоте и, как только они приближались, в безумном страхе принимался яростно наносить им удары. Я убил одного и искалечил многих. Но, увидев, как один из них ощупью пробирался в багровом свете среди боярышника, и услышав стоны, я убедился в полной беспомощности и отчаянии морлоков и не трогал уже больше никого.

Иногда некоторые из них натывались на меня, при этом так дрожали, что я сразу давал им дорогу. Однажды, когда пламя немного угасло, я испугался, что эти гнусные существа скоро меня увидят. Я даже подумывал о том, не убить ли мне нескольких из них, прежде чем это случится; но пламя снова ярко вспыхнуло. Я бродил между морлоками по холму, избегая столкновений, и старался найти хоть какие-нибудь следы Уины. Но Уина исчезла.

Я присел наконец на вершине холма и стал смотреть на это необычайное сборище слепых существ, бродивших ощупью и перекликавшихся нечеловеческими голосами при вспышках пламени. Огромные клубы дыма плыли по небу, и сквозь красное зарево изредка проглядывали звезды, такие далекие, как будто они принадлежали какой-то иной Вселенной. Два или три морлока сослепу наткнулись на меня, и я, задрожав, отогнал их ударами кулаков.

Почти всю ночь продолжался этот кошмар. Я кусал себе руки и кричал в страстном желании проснуться, колотил кулаками по земле, вставал, потом садился, бродил взад-вперед и снова садился на землю. Я тер глаза, умолял Бога дать мне пробудиться. Три раза я видел, как морлоки, опустив головы, обезумевшие, кидались прямо в огонь. Наконец над утихшим пламенем пожара, над клубами дыма, над почерневшими стволами деревьев и над жалким остатком этих мерзких существ блеснули первые лучи рассвета.

Я снова принялся искать Уину, но не нашел. По-видимому, ее маленькое тельце осталось в лесу. Все же она избежала той ужасной участи, которая, казалось, была ей уготована. При этой мысли я чуть снова не принялся за избивание беспомощных отвратительных созданий, но сдержался. Холмик, как я сказал, был чем-то вроде острова в лесу. С его вершины сквозь пелену дыма я теперь мог разглядеть Зеленый Дворец и определить путь к Белому Сфинксу. Когда окончательно рассвело, я покинул кучку проклятых морлоков, все еще стонавших и бродивших ощупью по холму, обмотал ноги травой и по дымившемуся пеплу меж черных стволов, среди которых еще трепетал огонь, поплелся туда, где была спрятана Машина Времени. Шел я медленно, так как почти выбился из сил и, кроме того, хромал. Я чувствовал себя глубоко несчастным, вспоминая об ужасной смерти бедной Уины. Это было тяжело. Теперь, когда я сижу здесь, у себя, в привычной обстановке, потеря Уины кажется мне скорее тяжелым сном, чем

настоящей утратой. Но в то утро я снова стал совершенно одинок, ужасно одинок. Я вспомнил о своем доме, о вас, друзья мои, и меня охватила мучительная тоска.

Идя по дымившемуся пеплу под ясным утренним небом, я сделал одно открытие. В кармане брюк уцелело несколько спичек. По-видимому, коробка разломалась, прежде чем ее у меня похитили.

XIII

Ловушка Белого Сфинкса

В восемь или девять часов утра я добрался до той самой скамьи из желтого металла, откуда в первый вечер осматривал окружающий меня мир. Я не мог удержаться и горько посмеялся над своей самоуверенностью, вспомнив, к каким необдуманым выводам пришел в тот вечер. Теперь передо мной была та же дивная картина, та же роскошная растительность, те же чудесные дворцы и великолепные руины, та же серебристая гладь реки, катившей свои воды между плодородными берегами. Кое-где среди деревьев мелькали яркие одежды очаровательно-прекрасных маленьких людей. Некоторые из них купались на том самом месте, где я спас Уину, и у меня больно сжалось сердце. И над всем этим чудесным зрелищем, подобно черным пятнам, поднимались купола, прикрывавшие колодцы, которые вели в подземный мир. Я понял теперь, что таилось под красотой жителей Верхнего Мира. Как радостно они проводили день! Так же радостно, как скот, пасущийся в поле. Подобно скоту, они не знали врагов и ни о чем не заботились. И таков же был их конец.

Мне стало горько при мысли, как кратковременно было торжество человеческого разума, который сам совершил самоубийство. Люди упорно стремились к благосостоянию и довольству, к тому общественному строю, лозунгом которого была обеспеченность и неизменность; и они достигли цели, к которой стремились, только чтобы прийти к такому концу... Когда-то человечество дошло до того, что жизнь и собственность каждого оказались в полной безопасности. Богатый знал, что его благосостояние и комфорт неприкосновенны, а бедный довольствовался тем, что ему обеспечены жизнь и труд. Без сомнения, в таком мире не было ни безработицы, ни нерешенных социальных проблем. А за всем этим последовал великий покой.

Мы забываем о законе природы, гласящем, что гибкость ума является наградой за опасности, тревоги и превратности жизни. Существо, которое живет в совершенной гармонии с окружающими условиями, превращается в простую машину. Природа никогда не прибегает к разуму до тех пор, пока ей служат привычка и инстинкт. Там, где нет перемен и нет необходимости в переменах, разум погибает. Только те существа обладают им, которые сталкиваются со всевозможными нуждами и опасностями.

Таким путем, мне кажется, человек Верхнего Мира пришел к своей беспомощной красоте, а человек Подземного Мира – к чисто механическому труду. Но даже и для этого уравнивленного положения вещей, при всем его механическом совершенстве, недоставало одного – полной неизменности. С течением времени запасы Подземного Мира истощились. И вот Мать-Нужда, сдерживаемая в продолжение нескольких тысячелетий, появилась снова и начала внизу свою работу. Жители Подземного Мира, имея дело со сложными машинами, что, кроме навыков, требовало все же некоторой работы мысли, невольно удержали в своей озверелой душе больше человеческой энергии, чем жители земной поверхности. И когда обычная пища пришла к концу, они обратились к тому, чего до сих пор не допускали старые привычки. Вот как все это представилось мне, когда я в последний раз смотрел на мир восемьсот две тысячи семьсот первого года. Мое объяснение, быть может, ошибочно, поскольку человеку вообще свойственно ошибаться. Но таково мое мнение, и я высказал его вам.

После трудов, волнений и страхов последних дней, несмотря на тоску по бедной Уине, эта скамья, мирный пейзаж и теплый солнечный свет все же казались мне прекрасными. Я смертельно устал, меня клонило ко сну, и, размышляя, я вскоре начал дремать. Поймав себя на этом, я не стал противиться и, растянувшись на дерне, погрузился в долгий освежающий сон.

Проснулся я незадолго до заката солнца. Теперь я уже не боялся, что морлоки захватят меня во сне. Расправив члены, я спустился с холма и направился к Белому Сфинксу. В одной руке я держал лом, другой перебирал спички у себя в кармане.

Но там меня ждала самая большая неожиданность. Приблизившись к Белому Сфинксу, я увидел, что бронзовые двери открыты и обе половинки задвинуты в специальные пазы.

Я остановился как вкопанный, не решаясь войти.

Внутри было небольшое помещение, и в углу на возвышении стояла Машина Времени. Рычаги от нее лежали у меня в кармане. Итак, здесь, после всех приготовлений к осаде Белого Сфинкса, меня ожидала покорная сдача. Я отбросил свой лом, почти недовольный тем, что не пришлось им воспользоваться.

Но в ту самую минуту, когда я уже наклонился, чтобы войти, у меня мелькнула внезапная мысль. Я сразу понял нехитрый замысел морлоков. С трудом удерживаясь от смеха, я перешагнул через бронзовый порог и направился к Машине Времени. К своему удивлению, я увидел, что она тщательно смазана и вычищена. Впоследствии мне пришло в голову, что морлоки даже разбирали машину на части, стараясь своим слабым разумом понять ее назначение.

И пока я стоял и смотрел на свою Машину, испытывая удовольствие при одном прикосновении к ней, случилось то, чего я ожидал. Бронзовые панели скользнули вверх и с треском закрылись. Я попался. Так, по крайней мере, думали морлоки. Эта мысль вызвала у меня только веселый смех.

Они уже бежали ко мне со своим противным хихиканьем. Сохраняя хладнокровие, я чиркнул спичкой. Мне оставалось только укрепить рычаги и умчаться от них, подобно призраку. Но я упустил из виду одно маленькое обстоятельство. Это были отвратительные спички, которые зажигаются только о коробки.

Куда подевалось мое спокойствие! Маленькие гадкие твари уже окружили меня. Кто-то прикоснулся ко мне. Отбиваясь рычагами, я полез в седло. Меня схватила чья-то рука, потом еще и еще. Мне пришлось с трудом вырывать рычаги из цепких пальцев и в то же время ощущать гнезда, в которых они крепились. Один раз морлоки вырвали у меня рычаг. Когда он выскользнул из моих рук, мне пришлось, чтобы найти его на полу в темноте, отбиваться от них головой. Под моими ударами трескали черепа морлоков. Мне кажется, эта последняя схватка была еще упорнее, чем битва в лесу.

В конце концов я укрепил рычаги и повернул их. Цепкие руки соскользнули с моего тела. Темнота исчезла из моих глаз. Вокруг не было ничего, кроме туманного света и шума, о которых я вам уже говорил.

XIV

Новые видения

Я уже рассказывал о болезненных и муторных ощущениях, которые вызывает путешествие по Времени. Но на этот раз я к тому же плохо сидел в седле, неловко свесившись набок. Не знаю, долго ли я провисел таким образом, не замечая, как моя Машина дрожит и раскачивается. Когда я пришел в себя и снова посмотрел на циферблат, то был поражен. На одном из циферблатов отмечались дни, на другом тысячи, на третьем миллионы и на четвертом миллиарды дней. Оказалось, что вместо того, чтобы повернуть рычаги назад, я привел их в действие таким образом, что Машина помчалась вперед, и, взглянув на указатели, я увидел, что стрелка, отмечающая тысячи дней, вертелась с быстротой секундной стрелки часов – я уносился в Будущее.

По мере движения все вокруг начало принимать какой-то необыкновенный вид. Дрожащая серая пелена стала темнее; потом снова – хотя я все еще продолжал двигаться с невероятной скоростью – началась мерцающая смена ночи и дня, обычно указывавшая на не очень быстрое движение Машины. Это чередование становилось все медленнее и отчетливее. Сначала я очень удивился. День и ночь уже не так быстро сменяли друг друга. Солнце тоже постепенно замедляло свое движение по небу, пока наконец мне не стало казаться, что сутки тянутся целое столетие. В конце концов над землей повисли сумерки, которые лишь по временам прорывались ярким светом мчавшейся по темному небу кометы. Красная полоса над горизонтом исчезла; солнце больше не закатывалось – оно просто поднималось и опускалось на западе, становясь все более огромным и кровавым. Луна бесследно исчезла. Звезды, медленно описывавшие свои круговые орбиты, превратились из сплошных полосок света в отдельные ползущие по небу точки. Наконец незадолго до того, как я остановился, солнце, кровавое и огромное, неподвижно застыло над горизонтом; оно походило на огромный купол, горевший тусклым светом и по временам на мгновения совершенно потухавший. Один раз оно запыхало прежним своим ярким огнем, но быстро вновь приобрело угрюмо-красный цвет. Из того, что солнце перестало всходить и закатываться, я заключил, что периодическое торможение наконец завершилось. Земля перестала вращаться, она была обращена к Солнцу одной стороной, точно так же как в наше время обращена к Земле Луна. Помня свое предыдущее стремительное падение, я с большой осторожностью принялся замедлять движение Машины. Стрелки стали крутиться все медленней и медленней, пока наконец та, что указывала тысячи дней, не замерла неподвижно, а та, что указывала дни, не перестала казаться сплошным кругом. Я еще замедлил движение, и передо мной стали смутно вырисовываться очертания пустынного берега.

Наконец я осторожно остановился и, не слезая с Машины Времени, огляделся. Небо утратило прежнюю голубизну. На северо-востоке оно было как чернила, и из глубины мрака ярким и неизменным светом сияли бледные звезды. Прямо над головой небо было темно-красное, беззвездное, а к юго-востоку оно светлело и становилось пурпурным; там, усеченное линией горизонта, кровавое и неподвижное, огромной горой застыло солнце. Скалы вокруг меня были темно-коричневые, и единственным признаком жизни, который я увидел сначала, была темно-зеленая растительность, покрывавшая все юго-западные выступы на скалах. Эта густая, пышная зелень походила на лесные мхи или лишайники, растущие в пещерах, – растения, которые живут в постоянной полутьме.

Моя Машина стояла на отлогом берегу. К юго-западу вплоть до резкой линии горизонта расстиралось море. Не было ни прибоя, ни волн, так как не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. Только слабая ровная зыбь слегка вздымалась и опускалась, море как будто тихо дышало, сохраняя еще признаки своей вечной жизни. Вдоль берега, там, где вода отступила, виднелась кора соли, красноватая под лучами солнца. Голова у меня была словно налита свин-

цом, и я заметил, что дыхание мое участилось. Это напомнило мне мою единственную попытку восхождения в горы, и я понял, что воздух стал более разреженным, чем прежде.

Вдали, на туманном берегу, я услышал пронзительный писк и увидел нечто похожее на огромную белую бабочку. Она взлетела и, описав несколько неровных кругов, исчезла за невысокими холмами. Писк ее был таким зловещим, что я невольно вздрогнул и плотнее уселся в седле. Оглядевшись снова, я вдруг увидел, как то, что я принимал за красноватую скалу, стало медленно приближаться ко мне. Это было чудовищное существо, похожее на краба. Представьте себе краба величиной с этот стол, со множеством медленно и нерешительно шевелящихся ног, с огромными клешнями, с длинными, как хлысты, щупальцами и выпуклыми глазами, сверкающими по обе стороны отливающего металлом лба! Спина его была вся в отвратительных буграх и выступах, местами покрыта зеленоватым налетом. Я видел, как шевелились и дрожали многочисленные щупальца у его рта.

С ужасом глядя на это подползающее чудовище, я вдруг почувствовал щекочущее прикосновение на щеке. Казалось, будто на нее села муха. Я попробовал согнать ее взмахом руки, но ощущение сразу же возобновилось, и почти одновременно я почувствовал такое же прикосновение возле уха. Я отмахнулся и схватил рукой нечто похожее на нитку. Она быстро выдернулась. Дрожая от ужаса, я обернулся и увидел, что это было щупальце другого чудовищного краба, очутившегося как раз у меня за спиной. Его свирепые глаза вращались, рот был разинут в предвкушении добычи, огромные неуклюжие клешни, покрытые слизью водорослей, нацелились прямо на меня! В одно мгновение я схватился за рычаг, и между мной и чудовищами сразу же легло расстояние целого месяца. Но я по-прежнему находился на том же берегу и, как только остановился, снова увидел тех же самых чудовищ. Они десятками ползали взад и вперед под мрачным небом среди скользкой зелени мхов и лишайников.

Не могу передать вам, какое страшное запустение царило в мире. На востоке – багровое небо, на севере – темнота, мертвое соленое море, каменистый берег, по которому медленно ползали эти мерзкие чудовища. Однообразные, ядовито-зеленые лишайники, разреженный воздух, вызывающий боль в легких, – все это производило подавляющее впечатление! Я перенесся на столетие вперед. И увидел все то же багровое солнце – только немного больше и тусклее, – тот же умиравший океан, тот же серый холодный воздух и то же множество ракообразных, ползавших среди красных скал и зеленых лишайников. А на западе, низко над горизонтом, я увидел бледный серп, похожий на огромную нарождающуюся луну.

Так продолжал я передвигаться по Времени огромными скачками, каждый в тысячу лет и больше, увлеченный тайной судеб Земли, в состоянии какого-то гипноза наблюдая, как солнце на западе становится все огромнее и тусклее, как угасает жизнь. Наконец, больше чем через тридцать миллионов лет, огромный красный купол солнца заслонил собой десятую часть потемневшего неба. Я остановился, так как многочисленные крабы уже исчезли, а красноватый берег казался безжизненным и был покрыт лишь мертвенно-бледными мхами и лишайниками. Местами виднелись пятна снега. Ужасный холод окружал меня. Редкие белые хлопья медленно падали на землю. На северо-востоке под звездами, усеивавшими траурное небо, блестел снег и высились волнистые вершины красновато-белых гор. Прибрежная полоса моря была скована льдом, и огромные ледяные глыбы уносились на простор; однако большая часть соленого океана, кровавая от лучей негаснущего заката, еще не замерзла.

Я огляделся в поисках каких-нибудь животных. Смутное опасение все еще удерживало меня в седле Машины. Но ни в небе, ни на море, ни на земле не было признаков жизни. Лишь зеленые водоросли на скалах свидетельствовали о том, что жизнь еще не совсем угасла. Море далеко отступило от прежних берегов, обнажив песчаное дно. Мне показалось, что на отмели что-то движется, но когда я взгляделся пристальнее, то не увидел никакого движения; я решил, что зрение обмануло меня и это был просто черный камень. На небе горели необычайно яркие звезды, и мне казалось, что они почти перестали мерцать.

Вдруг я увидел, что диск солнца на западе стал менять свои очертания. На его краю появилась какая-то трещина или впадина. Она все более увеличивалась. С минуту я в ужасе смотрел, как на солнце напозала темнота, а потом понял, что это начинается затмение. Должно быть, Луна или Меркурий проходили перед его диском. Разумеется, прежде всего я подумал о Луне, но дальнейшие соображения привели меня к выводу, что в действительности очень близко к Земле прошла перед Солнцем одна из крупных планет нашей системы.

Темнота быстро надвигалась. Холодными порывами задул восточный ветер, и в воздухе гуще закружились снежные хлопья. С моря до меня донеслись всплески волн. Но только эти мертвенные звуки нарушали царившую в мире тишину. Тишину? Нет, невозможно описать это жуткое безмолвие. Все звуки жизни: блеяние овец, голоса птиц, жужжание насекомых, все то движение и суэта, которые нас окружают, – отошли в прошлое. По мере того как мрак сгущался, снег падал все чаще, белые хлопья плясали у меня перед глазами, мороз усиливался. Одна за другой погружались в темноту белые вершины далеких гор. Ветер перешел в настоящий ураган. Черная тень ползла на меня. Через мгновение на небе остались одни только бледные звезды. Кругом была непроглядная тьма. Небо стало совершенно черным.

Ужас перед этой безбрежной тьмой охватил все мое существо. Холод, пронизывавший до мозга костей, и боль при дыхании стали невыносимы. Я дрожал и чувствовал сильную тошноту. Потом, подобно раскаленной дуге, на небе снова появилось солнце. Я слез с Машины, чтобы немного прийти в себя. Голова у меня кружилась, и не было сил даже подумать об обратном путешествии. Измученный и растерянный, я вдруг снова увидел на отмели на фоне красноватой морской воды какое-то движение. Теперь сомневаться уже не приходилось. Это было нечто круглое, величиной с футбольный мяч, а может быть, и больше, и с него свисали длинные щупальца; мяч этот казался черным на колыхавшейся кроваво-красной воде, и передвигался он резкими скачками. Я почувствовал, что начинаю терять сознание. Но ужас при мысли, что я могу беспомощно упасть на землю в этой далекой и страшной полутьме, заставил меня снова взобраться на седло.

XV

Возвращение Путешественника по Времени

И я отправился назад. Долгое время я лежал без чувств на своей Машине. Снова началась мерцающая смена дней и ночей, снова солнце заблестало золотом, а небо – прежней голубизной. Дышать стало легче. Внизу подо мной быстро изменялись контуры земли. Стрелки на циферблатах вертелись в обратную сторону. Наконец я снова увидел неясные очертания зданий периода упадка человечества. Они изменялись, исчезали, и появлялись другие. Когда стрелка, показывавшая миллионы дней, остановилась на нуле, я уменьшил скорость. Я стал узнавать знакомую архитектуру наших домов. Стрелка, отмечавшая тысячи дней, возвращалась ко времени отправления, ночь и день сменяли друг друга все медленней. Стены лаборатории снова появились вокруг меня. Осторожно замедлил я движение Машины.

Мне пришлось наблюдать странное явление. Я уже говорил вам, что, когда я отправился в путь и еще не развил большой скорости, через комнату промчалась миссис Уотчет, двигаясь, как мне показалось, с быстротой ракеты. Когда же я возвратился, то снова миновал ту минуту, в которую она проходила по лаборатории. Но теперь каждое ее движение казалось мне обратным. Сначала открылась вторая дверь в дальнем конце комнаты, потом, пятясь, появилась миссис Уотчет и исчезла за той дверью, в которую прежде вошла. Незадолго перед этим мне показалось, что я вижу Хилльера, но он мелькнул мгновенно, как вспышка.

Я остановил Машину и снова увидел свою любимую лабораторию, свои инструменты и приборы в том же виде, в каком я их оставил. Совершенно разбитый, я сошел с Машины и сел на скамью. Сильная дрожь пробежала по моему телу. Но понемногу я начал приходить в себя. Лаборатория была такой же, как всегда. Мне казалось, что я заснул и все это мне приснилось.

Но нет! Не все было по-прежнему. Машина Времени отправилась в путешествие из юго-восточного угла лаборатории, а вернулась она в северо-западный и остановилась напротив той стены, у которой вы ее видели. Точно такое же расстояние было от лужайки до пьедестала Белого Сфинкса, в котором морлоки спрятали мою Машину.

Не знаю, долго ли я был не в состоянии ни о чем думать. Наконец я встал и прошел сюда через коридор, хромя, потому что пятка моя еще болела. Я был весь перепачкан грязью. На столе у двери я увидел номер «Пэлл-Мэлл газетт». Она была сегодняшняя. Взглянув на часы, я увидел, что уже около восьми. До меня донеслись ваши голоса и звон тарелок. Я не сразу решился войти – так я был слаб и утомлен! Но я почувствовал приятный запах еды и открыл дверь. Остальное вы знаете. Я умылся, пообедал и вот теперь рассказываю вам свою историю.

XVI

Когда история была рассказана

– Я знаю, – сказал он, помолчав, – все это кажется вам совершенно невероятным; для меня же самое невероятное состоит в том, что я сижу здесь, в этой милой, знакомой комнате, вижу ваши дружеские лица и рассказываю вам свои приключения.

Он взглянул на Доктора.

– Нет, я даже не надеюсь, что вы поверите мне. Примите мой рассказ за ложь... или за пророчество. Считайте, что я видел это во сне, у себя в лаборатории. Представьте себе, что я раздумывал о грядущих судьбах человечества и придумал эту сказку. Отнеситесь к моим уверениям в ее достоверности как к простой уловке, к желанию придать ей побольше интереса. Но, относясь ко всему этому как к выдумке, что вы скажете?

Он вынул изо рта трубку и начал по старой привычке нервно постукивать ею о прутья каминной решетки. Наступило минутное молчание. Потом послышался скрип стульев и шарканье ног по полу. Я отвел глаза от лица Путешественника по Времени и взглянул на его слушателей. Все они сидели в тени, и блики от огня в камине скользили по их лицам. Доктор пристально взгляделся в лицо рассказчика. Редактор, закурив шестую сигару, уставился на ее кончик. Журналист вертел в руках часы. Остальные, насколько помню, сидели неподвижно.

Глубоко вздохнув, Редактор встал.

– Какая жалость, что вы не пишете статей, – сказал он, кладя руку на плечо Путешественника по Времени.

– Вы не верите?

– Ну знаете...

– Я так и думал.

Путешественник по Времени повернулся к нам.

– Где спички? – спросил он.

Он зажег спичку и, дымя трубкой, сказал:

– Признаться... я и сам верю с трудом, но все же...

Его глаза с неммым вопросом устремились на белые увядшие цветы, лежавшие на столе. Потом он повернул руку, в которой была трубка, и посмотрел на едва затянувшиеся шрамы на своих пальцах.

Доктор встал, подошел к лампе и принялся рассматривать цветы.

– Какие странные у них пестики, – сказал он.

Психолог наклонился вперед и протянул руку за одним из цветков.

– Ручаюсь головой, что уже четверть первого, – сказал Журналист. – Как же мы доберемся до дому?

– У станции много извозчиков, – сказал Психолог.

– Странная вещь, – произнес Доктор. – Я не могу определить вид этих цветов. Не позволите ли мне взять их с собою?

На лице Путешественника по Времени мелькнула нерешительность.

– Конечно нет, – сказал он.

– Серьезно, откуда вы их взяли? – спросил Доктор.

Путешественник по Времени приложил руку ко лбу. Он имел вид человека, который старается собрать разбегающиеся мысли.

– Их положила мне в карман Уина, когда я путешествовал по Времени.

Он оглядел комнату.

– Все плывет у меня в глазах. Эта комната, вы и вся знакомая обстановка не вмещаются в моей голове. Строил ли я когда-нибудь Машину Времени или ее модель? Может быть, все

это был сон? Говорят, вся жизнь – это сон, и к тому же скверный, жалкий, короткий сон, хотя ведь другой все равно не приснится. С ума можно сойти. И откуда взялся этот сон?.. Я должен взглянуть на мою Машину. Существует ли она?..

Он схватил лампу и пошел по коридору. Пламя колебалось и по временам вспыхивало красным огнем. Мы последовали за ним. Освещенная трепетавшим пламенем лампы, низкая, изуродованная, погнутая, перед нами, несомненно, была та же самая Машина, сделанная из бронзы, черного дерева, слоновой кости и прозрачного блестящего кварца. Я потрогал ее. Она была тут, ощутимая и реальная. Темные полосы и пятна покрывали слоновую кость, а на нижних частях висели ключья травы и мха, одна из металлических полос была изогнута.

Поставив лампу на скамью, Путешественник по Времени ощупал поврежденную полосу.
– Теперь ясно, – сказал он. – То, что я вам рассказал, правда. Простите, что я привел вас в этот холод...

Он взял лампу. Никто из нас не произнес ни слова, и мы вернулись обратно в курительную.

Провожая нас в переднюю, он помог Редактору надеть пальто. Доктор посмотрел ему в лицо и сказал несколько неуверенно, что он переутомлен. Путешественник по Времени громко рассмеялся. Помню, как он, стоя в дверях, крикнул нам вслед несколько раз: «Спокойной ночи!»

Я поехал в одном кебе с Редактором. По его словам, весь рассказ был «эффектным вымыслом». Что касается меня, я не мог ничего решить. Этот рассказ был таким невероятным и фантастическим, а тон рассказчика так искренен и правдив. Почти всю ночь я не спал и думал об этом. На другое утро я решил снова повидать Путешественника по Времени. Мне сказали, что он в лаборатории. Я запросто бывал у него в доме и поэтому пошел прямо туда. Но лаборатория была пуста. На минуту я остановился перед Машиной Времени, протянул руку и дотронулся до рычага. В то же мгновение она, такая тяжелая и устойчивая, заколыхалась, как листок от порыва ветра. Это поразило меня, и в голове моей мелькнуло забавное воспоминание о том, как в детстве мне запрещали трогать разные вещи. Я вернулся обратно. Пройдя по коридору, я столкнулся в курительной с Путешественником по Времени, который собирался уходить. В одной руке у него был небольшой фотографический аппарат, в другой – сумка. При виде меня он рассмеялся и протянул мне для пожатия локоть.

– Я очень занят, хочу побывать там, – сказал он.

– Значит, это правда? – спросил я. – Вы действительно путешествуете по Времени?

– Да, действительно и несомненно.

Он посмотрел мне в глаза. На его лице отразилась нерешительность.

– Мне нужно только полчаса, – сказал он. – Я знаю, зачем вы пришли, это очень мило с вашей стороны. Вот здесь журналы. Если вы подождете до завтрака, я, безусловно, докажу вам возможность путешествия по Времени, доставлю вам образцы и все прочее. Вы позволите оставить вас?

Я согласился, едва ли понимая все значение его слов. Он кивнул мне и вышел в коридор. Я услышал, как хлопнула дверь его лаборатории, потом сел и стал читать газету. Что он собирается делать до завтрака? Взглянув на одно из объявлений, я вдруг вспомнил, что в два часа обещал встретиться с Ричардсоном по издательским делам. Я посмотрел на часы и увидел, что опаздываю. Я встал и пошел по коридору, чтобы сказать об этом Путешественнику по Времени.

Взявшись за ручку двери, я услышал отрывистое восклицание, треск и удар. Открыв дверь, я очутился в сильном водовороте воздуха и услышал звук разбитого стекла. Путешественника по Времени в лаборатории не было. Мне показалось, что на миг передо мной промелькнула неясная, похожая на призрак фигура человека, сидевшего верхом на кружившейся массе из черного дерева и бронзы, настолько призрачная, что скамья позади нее, на которой лежали чертежи, была видна совершенно отчетливо. Но едва я успел протереть глаза, как это

видение исчезло. Исчезла и Машина Времени. Дальний угол лаборатории был пуст, и там виделось легкое облако оседавшей пыли. Одно из верхних стекол окна было, очевидно, только что разбито.

Я стоял в изумлении. Я видел, что случилось нечто необычное, но не мог сразу понять, что именно. Пока я так стоял, дверь, ведущая в сад, открылась и на пороге показался слуга.

Мы посмотрели друг на друга. В голове у меня блеснула внезапная мысль.

– Скажите, мистер... вышел из этой двери? – спросил я.

– Нет, сэр, никто не выходил. Я думал, он здесь.

Теперь я все понял. Рискаю рассердить Ричардсона, я остался ждать возвращения Путешественника по Времени, ждать его нового, быть может еще более странного рассказа и тех образцов и фотографий, которые он мне обещал. Теперь я начинаю опасаться, что никогда его не дождусь. Прошло уже три года со времени его исчезновения, и все знают, что он не вернулся.

Эпилог

Нам остается теперь лишь строить догадки. Вернется ли он когда-нибудь? Может быть, он унесся в Прошлое и попал к кровожадным дикарям палеолита, или в пучину мелового моря, или же к чудовищным ящерам и огромным земноводным юрской эпохи? Может быть, и сейчас он бродит в одиночестве по какому-нибудь кишашему плезиозаврами оолитовому рифу или по пустынным берегам соленых морей триасового периода? Или, может быть, он отправился в Будущее, в эпоху расцвета человеческой расы, в один из тех менее отдаленных веков, когда люди оставались еще людьми, но уже разрешили все сложнейшие вопросы и все общественные проблемы, доставшиеся им в наследство от нашего времени? Я лично не могу поверить, чтобы наш век только что начавшихся исследований, бессвязных теорий и всеобщего разногласия по основным вопросам науки и жизни был кульминационным пунктом развития человечества! Так, по крайней мере, думаю я. Что же касается его, то он держался другого мнения. Мы не раз спорили с ним об этом задолго до того, как была сделана Машина Времени, и он всегда мрачно относился к Прогрессу Человечества. Развивающаяся цивилизация представлялась ему в виде беспорядочного нагромождения материала, который в конце концов должен обрушиться и задавить строителей. Но если это и так, все же нам ничего не остается, как продолжать жить. Для меня Будущее неведомо, полно загадок и только кое-где освещено его удивительным рассказом. И я храню в утешение два странных белых цветка, засохших и блеклых, с хрупкими лепестками, как свидетельство того, что даже в то время, когда исчезают сила и ум человека, благодарность и нежность продолжают жить в сердцах.

1895

Остров доктора Моро

Перевод К. Морозовой

Предисловие

1 февраля 1887 года «Леди Вейн» погибла, наскочив на мель около 1° южной широты и 107° западной долготы.

5 января 1888 года, то есть одиннадцать месяцев и четыре дня спустя, мой дядя Эдвард Прендик, который сел на «Леди Вейн» в Кальяо и считался погибшим, был подобран в районе 3° северной широты и 101° западной долготы в небольшой парусной шлюпке, название которой невозможно было прочесть, но по всем признакам это была шлюпка с пропавшей без вести шхуны «Ипекакуана». Дядя рассказывал о себе такие невероятные вещи, что его сочли сумасшедшим. Впоследствии он сам признал, что не помнит ничего с того самого момента, как покинул борт «Леди Вейн». Психологи заинтересовались дядей, считая, что это любопытный случай потери памяти вследствие крайнего физического и нервного переутомления. Однако я, нижеподписавшийся его племянник и наследник, нашел среди его бумаг записки, которые решил опубликовать, хотя никакой письменной просьбы об этом среди них не было.

Единственный известный остров в той части океана, где нашли моего дядю, – это маленький необитаемый островок Нубл вулканического происхождения. В 1891 году этот островок посетило английское военное судно «Скорпион». На берег был высажен отряд, который, однако, не обнаружил там ничего, кроме нескольких необыкновенных белых мотыльков, а также свиней, кроликов и крыс странной породы. Ни одно из животных не было взято на борт, так что главное в записках дяди осталось без подтверждения. Ввиду всего сказанного можно надеяться, что издание этих удивительных записок никому не принесет вреда и, как мне кажется, соответствует желанию моего дяди. Во всяком случае, остается фактом, что дядя исчез где-то в районе 5° северной широты и 106° западной долготы и нашелся в этой же части океана через одиннадцать месяцев. Должен же он был где-то жить все это время. Известно также, что шхуна «Ипекакуана» с пьянчугой-капитаном Джоном Дэвисом вышла из Арики, имея на борту пуму и других животных; в январе 1887 года ее видели в нескольких портах на юге Тихого океана, после чего она бесследно исчезла с большим грузом кокосовых орехов, выйдя в неизвестном направлении из Баньи в декабре 1887 года, что совершенно совпадает с утверждением моего дяди.

Чарльз Эдвард Прендик

I В ялике с «Леди Вейн»

Я не собираюсь ничего прибавлять к тому, что уже сообщалось в газетах о гибели «Леди Вейн». Всем известно, что через десять дней после выхода из Кальяо она наткнулась на отмель. Семь человек экипажа спаслись на баркасе и были подобраны восемнадцать дней спустя английской канонеркой «Миртл». История их злоключений стала так же широко известна, как и потрясающий случай с «Медузой». На мою долю остается только добавить к уже известной истории гибели «Леди Вейн» другую, не менее ужасную и, несомненно, гораздо более удивительную. До сих пор считалось, что четверо людей, пытавшихся спастись на ялике, погибли, но это не так. У меня есть неопровержимое доказательство: я один из этих четверых.

Прежде всего я должен заметить, что в ялике было не четверо, а только трое – Констанс, про которого писали, что «его видел капитан, когда он прыгал за борт» («Дейли ньюс» от 17 марта 1887 года), к счастью для нас и к несчастью для себя, не добрался до ялика. Выбираясь из путаницы снастей у сломанного бушприта и готовясь кинуться в воду, он зацепился каблучком за какую-то снасть. На минуту он повис вниз головой, а потом, падая в воду, ударился о плававшее в волнах бревно. Мы стали грести к нему, но он уже больше не показывался на поверхности.

Пожалуй, все же он не доплыл до нас не только к нашему счастью, но и к счастью для себя. У нас был только маленький бочонок с водой и несколько отсыревших сухарей (так неожиданно произошла катастрофа и так плохо подготовлен был корабль). Решив, что на баркасе припасов больше (хотя, как видно, это было не так), мы стали кричать, но наши голоса не долетали до баркаса, а на следующее утро, когда рассеялся туман, мы его уже не увидели. Встать и осмотреться не было возможности из-за качки. По морю гуляли огромные валы, нечеловеческих усилий стоило держаться против волнения. Со мной спаслись еще двое: Хельмар, такой же пассажир, как и я, и матрос, имени которого я не знаю, коренастый, заикавшийся человек невысокого роста.

Восемь дней носило нас по морю. Мы умирали от голода и нестерпимой жажды, после того как выпили всю воду. Через два дня море утихло и стало гладким как стекло. Едва ли читатель сумеет представить себе, какие это были восемь дней! Счастлив он, если память не рисует ему подобных картин. На второй день мы почти не говорили друг с другом и неподвижно лежали в шлюпке, уставившись вдаль или глядя блуждающими глазами, как ужас и слабость овладевают всеми. Солнце пекло безжалостно. Вода кончилась на четвертый день. Нам мерещились страшные видения, и их можно было прочесть в наших глазах. Если не ошибаюсь, на шестой день Хельмар заговорил наконец о том, что было у каждого из нас на уме. Помню, мы были так слабы, что наклонялись друг к другу и едва слышно шептали. Я всеми силами противился этому, предпочитая прорубить дно шлюпки и погибнуть всем вместе, отдавшись на съедение следовавшим за нами акулам. Но я оказался в одиночестве: когда Хельмар сказал, что, если мы примем его предложение, у нас будет что пить, матрос присоединился к нему.

Все же я не хотел бросать жребий. Ночью Хельмар все шептался с матросом, а я сидел на носу, зажав в руке нож, хотя и чувствовал, что слишком слаб для борьбы с ними. Утром я согласился с предложением Хельмара, и мы бросили полупенсовик, чтобы жребий решил нашу судьбу.

Жребий пал на матроса, но он был самый сильный из нас и, не желая умирать, кинулся на Хельмара. Они сцепились, и оба привстали. Я пополз к ним по дну шлюпки, чтобы схватить матроса за ногу и помочь Хельмару, но в эту минуту шлюпку качнуло, матрос оступился, и оба упали за борт. Они пошли ко дну как камни. Помню, я засмеялся, сам удивляясь этому.

Не знаю, сколько времени я пролежал, думая только о том, что если б я был в силах встать, то напился бы соленой воды, чтобы сойти с ума и поскорее умереть. Потом я увидел, что на горизонте показался корабль, но продолжал лежать с таким равнодушием, словно это был мираж. Я, по-видимому, был невменяем, но теперь помню все совершенно отчетливо. Помню, как голова моя качалась в такт волнам и судно на горизонте танцевало перед моими глазами. Помню, я был убежден в том, что уже умер, и думал, какая горькая насмешка, что корабль подойдет слишком поздно и подберет лишь мой труп.

Мне казалось, что я лежал так бесконечно долго, опустив голову на банку и глядя на судно, плясавшее на волнах. Это была небольшая шхуна. Она лавировала, выписывая зигзаги, так как шла против ветра. Мне даже не приходило в голову попытаться привлечь ее внимание, и я не помню почти ничего после того, как увидел борт подошедшего судна и очутился в маленькой каютке. У меня осталось лишь смутное воспоминание, что меня поднимали по трапу и кто-то большой, рыжий, веснушчатый смотрел на меня, наклонившись над бортом. Помню еще какое-то смуглое лицо со странными глазами, смотревшими на меня в упор, но я думал, что это кошмар, пока снова не увидел их позже. Помню, наконец, как мне вливали сквозь зубы какую-то жидкость. Вот и все, что осталось у меня в памяти.

II Человек ниоткуда

Каюта, в которой я очнулся, была маленькая и довольно грязная. Белокурый моложавый человек со щетинистыми, соломенного цвета усами и отвисшей нижней губой сидел рядом и держал меня за руку. С минуту мы молча смотрели друг на друга. У него были водянистые серые глаза, удивительно бесстрастные.

Сверху донеслись шум, словно двигали тяжелую железную кровать, и глухое сердитое рычание какого-то большого зверя. Сидевший рядом со мной человек заговорил.

Он, видимо, уже задавал мне этот вопрос:

– Как вы себя чувствуете?

Насколько помню, я ответил, что чувствую себя хорошо. Но каким образом я сюда попал? По-видимому, он прочел этот немой вопрос у меня на лице, так как я сам не слышал звука своего голоса.

– Вас подобрали полумертвым в шлюпке с судна «Леди Вейн», борт ее был обрызган кровью.

В этот миг взгляд мой нечаянно упал на мою руку: она была такая худая, что походила на кожаный мешочек с костями. И тут все, что случилось в лодке, тотчас воскресло у меня в памяти.

– Выпейте, – сказал незнакомец, подавая мне какое-то красное холодное питье, вкусом похожее на кровь. Я сразу почувствовал себя бодрее.

– Вам посчастливилось попасть на судно, где есть врач, – сказал он.

Говорил он невнятно и как будто пришепetyвал.

– Что это за судно? – медленно спросил я, и голос мой был хриплым от долгого молчания.

– Маленький торговый корабль, идущий из Арики в Кальяо. Откуда он, собственно, я не знаю. Думаю, из страны прирожденных идиотов. Сам я сел пассажиром в Арике. Осел, хозяин судна, он же и капитан, по фамилии Дэвис, потерял свое свидетельство или что-то в этом роде. Из всех дурацких имен он не мог выбрать для судна лучшего, чем «Ипекакуана», но, когда на море нет большого волнения, идет оно недурно.

Сверху снова послышались рычание и человеческий голос.

– Чертов дурак! – произнес наверху другой голос, и все смолкло.

– Вы были совсем при смерти, – сказал незнакомец. – Да, к этому шло дело, но я впрыснул вам кое-чего. Руки болят? Это от укусов. Вы были без сознания почти тридцать часов.

Я задумался. Мои мысли были прерваны лаем множества собак, раздавшимся сверху.

– Нельзя ли мне чего-нибудь поесть? – спросил я.

– Благодарите меня, – ответил он, – сейчас по моему приказанию для вас варится баранина.

– Это хорошо, – сказал я, ободрившись. – С удовольствием съем кусочек.

– Но вот что, – после минутной нерешительности сказал мой собеседник, – мне очень хотелось бы узнать, каким образом вы очутились один в лодке. – Мне показалось, что в его глазах мелькнуло какое-то подозрительное выражение. – А, черт, какой адский вой!

Он быстро выскочил из каюты, и я услышал, как он сердито заговорил с кем-то и ему ответили на непонятном языке. Мне показалось, что дело дошло до драки, но я не был уверен, что слух не обманул меня. Он прикрикнул на собак и снова вернулся в каюту.

– Ну, – сказал он, стоя на пороге. – Вы хотели рассказать мне, что с вами случилось.

Я назвал себя и стал рассказывать, что я, Эдвард Прендик, человек материально независимый и жизнь мою скрашивает увлечение естественными науками. Он явно заинтересовался.

– Я сам когда-то занимался науками, изучал биологию в Университетском колледже и написал работы об яичнике земляных червей, о мускуле улиток и прочем. Боже, это было целых десять лет тому назад! Но продолжайте, расскажите, как вы попали в лодку.

Ему, по-видимому, понравилась искренность моего рассказа, очень короткого, так как я был ужасно слаб, и, когда я закончил, он снова вернулся к разговору о естественных науках и о своих работах по биологии. Он принялся подробно расспрашивать меня о Тоттенхем-Кортроуд и Гауэр-стрит.

– Что, Каплатци по-прежнему процветает? Ах! Какое это было заведение!

По-видимому, он был самым заурядным студентом-медиком и теперь беспрестанно сбивался на тему о мюзик-холлах. Он рассказал мне кое-что из своей жизни.

– И все это было десять лет тому назад, – повторил он. – Чудесное время! Но тогда я был молод и глуп... Я выдохся уже к двадцати годам. Зато теперь дело другое... Но я должен присмотреть за этим ослом-коком и узнать, что делается с вашей бараниной.

Рычание наверху неожиданно возобновилось с такой силой, что я невольно вздрогнул.

– Что это такое? – спросил я, но дверь каюты уже захлопнулась за ним.

Он скоро вернулся, неся баранину, и я был так возбужден ее аппетитным запахом, что мгновенно забыл все свои недоумения.

Целые сутки я только спал и ел, после чего почувствовал себя настолько окрепшим, что был в силах встать с койки и подойти к иллюминатору. Я увидел, что зеленые морские валы больше не воевали с нами. Шхуна, видимо, шла по ветру. Пока я стоял, глядя на воду, Монтгомери – так звали этого блондина – вошел в каюту, и я попросил его принести мне одежду. Он дал кое-что из своих вещей, сшитых из грубого холста, так как та одежда, в которой меня нашли, была, по его словам, выброшена. Он был выше меня и шире в плечах, одежда его висела на мне мешком.

Между прочим, он рассказал мне, что капитан совсем пьян и не выходит из своей каюты. Одеваясь, я стал расспрашивать его, куда следует судно. Он сказал, что оно идет на Гавайи, но по дороге должно ссадить его.

– Где? – спросил я.

– На острове... Там, где я живу. Насколько мне известно, у этого острова нет названия.

Он посмотрел на меня, еще более оттопырив нижнюю губу, и сделал вдруг такое глупое лицо, что я догадался о его желании избежать моих расспросов и из деликатности не расспрашивал его более ни о чем.

III

Странное лицо

Выйдя из каюты, мы увидели человека, который стоял около трапа, преграждая нам дорогу на палубу. Он стоял к нам спиной и заглядывал в люк. Это был нескладный, коренастый человек, широкоплечий, неуклюжий, с сутуловатой спиной и головой, глубоко ушедшей в плечи. На нем был костюм из темно-синей саржи, его черные волосы показались мне необычайно жесткими и густыми. Наверху яростно рычали невидимые собаки. Он вдруг попятился назад с какой-то звериной быстротой, и я едва успел отстранить его от себя.

Черное лицо, мелькнувшее передо мной, глубоко меня поразило. Оно было удивительно безобразно. Нижняя часть его выдавалась вперед, смутно напоминая звериную морду, а в огромном приоткрытом рту виднелись такие большие белые зубы, каких я еще не видел ни у одного человеческого существа. Глаза были налиты кровью, оставалась только тоненькая белая полоска около самых зрачков. Странное возбуждение выдавало его лицо.

– Убирайся, – сказал Монтгомери. – Прочь с дороги!

Черномазый человек тотчас же отскочил в сторону, не говоря ни слова. Поднимаясь по трапу, я невольно все время смотрел на него. Монтгомери задержался внизу.

– Нечего тебе торчать здесь, сам отлично знаешь! – сказал он. – Твое место на носу.

Черномазый человек весь съезжился.

– Они... не хотят, чтобы я был на носу, – проговорил он медленно, со странной хрипотой в голосе.

– Не хотят, чтобы ты был на носу? – повторил Монтгомери с угрозой в голосе. – Я приказываю тебе – ступай.

Он хотел сказать еще что-то, но, взглянув на меня, промолчал и стал подниматься по трапу. Я остановился на полдороге, оглядываясь назад, все еще удивленный страшным безобразием черномазого. В жизни еще не встречал такого необыкновенно отталкивающего лица, и (можно ли понять такой парадокс?) вместе с тем я испытывал ощущение, словно уже видел когда-то эти черты и движения, так поразившие меня теперь. Позже мне пришлось в голову, что, вероятно, я видел его, когда меня поднимали на судно, однако эта мысль не рассеивала моего подозрения, что мы встречались с ним раньше. Но как можно было, увидя хоть раз такое необычайное лицо, позабыть все подробности встречи? Этого я не мог понять.

Шаги Монтгомери, следовавшего за мной, отвлекли меня от этих мыслей. Я повернулся и стал оглядывать находившуюся вровень со мной верхнюю палубу маленькой шхуны. Я был уже отчасти подготовлен услышанным шумом к тому, что теперь предстало перед моими глазами. Безусловно, я никогда не видел такой грязной палубы. Она была вся покрыта обрезками моркови, какими-то лохмотьями зелени и неопикуемой грязью. У грот-мачты на цепях сидела целая свора злых гончих собак, которые принялись кидаться и лаять на меня. У бизань-мачты огромная пума была втиснута в такую маленькую клетку, что не могла в ней повернуться. У правого борта стояло несколько больших клеток с кроликами, а перед ними в решетчатом ящике была одинокая лама. На собаках были ременные намордники. Единственным человеческим существом на палубе был худой молчаливый моряк, стоявший у руля.

Заплатанные, грязные паруса были надуты, маленькое судно, как видно, шло полным ветром. Небо было ясное, солнце склонялось к закату. Большие пенистые волны догоняли судно. Мы прошли мимо рулевого и, остановившись на корме, стали смотреть на бежавшую позади пенную полосу. Я обернулся и окинул взглядом всю неприглядную палубу.

– Это что, океанский зверинец? – спросил я Монтгомери.

– Нечто вроде, – ответил он.

– Для чего здесь эти животные? Для продажи или какие-нибудь редкие экземпляры? Может быть, капитан хочет продать их где-нибудь в южных портах?

– Все возможно, – снова уклончиво ответил Монтгомери и отвернулся к корме.

В это время раздались крик и целый поток ругательств, донесшихся из люка, и вслед за этим на палубу проворно взобрался черномазый урод, а за ним – коренастый рыжеволосый человек в белой фуражке. При виде его собаки, уже уставшие лаять на меня, снова пришли в ярость, рыча и стараясь оборвать цепи. Черномазый остановился в нерешительности, а подошедший рыжеволосый изо всех сил ударил его между лопатками. Бедняга рухнул, как бык на бойне, и покатился по грязи под яростный лай собак. К счастью для него, на них были намордники. Крик торжества вырвался у рыжеволосого, и он стоял, пошатываясь, рискуя упасть назад в люк или же вперед на свою жертву.

Монтгомери, увидев этого второго человека, вздрогнул.

– Стойте! – крикнул он предостерегающе.

На носу судна показались несколько матросов.

Черномазый с диким воем катался по палубе среди собак. Но никто и не думал помочь ему. Гончие как могли теребили его, тыкались в него мордами. Серые собаки быстро метались по его неуклюже распростертому телу.

Передние матросы науськивали их криками, как будто все это было веселое зрелище. Гневное восклицание вырвалось у Монтгомери, и он торопливо пошел по палубе. Я последовал за ним.

Через минуту черномазый был уже на ногах и, шатаясь, побрел прочь. Около мачты он прижался к фальшборту, где и остался, тяжело дыша и косясь через плечо на собак. Рыжеволосый расхохотался с довольным видом.

– Послушайте, капитан, – пришепetyвая сильнее обыкновенного, сказал Монтгомери и схватил рыжеволосого за локти, – вы не имеете права!

Я стоял позади Монтгомери. Капитан сделал поворот и посмотрел на него тупыми, пьяными глазами.

– Чего не имею? – переспросил он, с минуту вяло глядя в лицо Монтгомери. – Убирайтесь ко всем чертям!

Быстрым движением он высвободил свои веснушчатые руки и после двух-трех безуспешных попыток засунул их наконец в боковые карманы.

– Этот человек – пассажир, – сказал Монтгомери. – Вы не имеете права пускать в ход кулаки.

– К чертям! – снова крикнул капитан. Он вдруг резко повернулся и чуть не упал. – У себя на судне я хозяин, что хочу, то и делаю.

Мне казалось, Монтгомери, видя, что он пьян, должен был бы оставить его в покое. Но тот, только слегка побледнев, последовал за капитаном к борту.

– Послушайте, капитан, – сказал он. – Вы не имеете права так обращаться с моим слугой. Вы не даете ему покоя с тех пор, как он поднялся на борт.

С минуту винные пары не давали капитану сказать ни слова.

– Ко всем чертям! – только и произнес он.

Вся эта сцена свидетельствовала, что Монтгомери обладал одним из тех упрямых характеров, которые способны гореть изо дня в день, доходя до белого каления и никогда не остывая. Я видел, что ссора эта назревала давно.

– Этот человек пьян, – сказал я, рискуя показаться назойливым, – лучше оставьте его.

Уродливая судорога свела губы Монтгомери.

– Он вечно пьян. По-вашему, это оправдывает его самоуправство?

– Мое судно, – начал капитан, неуверенно взмахнув руками в сторону клеток, – было чистое. Посмотрите на него теперь.

Действительно, чистым его никак нельзя было назвать.

– Моя команда не терпела грязи.

– Вы сами согласились взять зверей.

– Глаза мои не видели бы вашего проклятого острова. Черт его знает, для чего нужны там эти животные. А ваш слуга, разве это человек?.. Это ненормальный. Ему здесь не место! Не думаете ли вы, что все мое судно в вашем распоряжении?

– Ваши матросы преследуют беднягу с тех пор, как он здесь появился.

– И неудивительно, потому что он страшнее самого дьявола. Мои люди не выносят его, и я тоже. Никто его терпеть не может, даже вы сами.

Монтгомери повернулся к нему спиной.

– Все же вы должны оставить его в покое, – сказал он, подкрепляя свои слова кивком.

Но капитану, видимо, не хотелось уступать.

– Пусть только еще сунется сюда! – заорал он. – Я ему все кишки выпущу, вот увидите! Как вы смеете меня учить! Говорю вам, я капитан и хозяин судна! Мое слово закон и желание свято! Я согласился взять пассажира со слугой до Арики и доставить его обратно на остров вместе с животными, но я не соглашался брать какого-то дьявола, черт побери... какого-то...

И он злобно обругал Монтгомери. Тот шагнул к капитану, но я встал между ними.

– Он пьян, – сказал я.

Капитан начал ругаться последними словами.

– Молчать! – сказал я, круто поворачиваясь к нему, так как бледное лицо Монтгомери стало страшным. Ругань капитана обратилась на меня.

Но я был рад, что предупредил драку, хоть пьяный капитан и невзлюбил меня. Мне случилось бывать в самом странном обществе, но никогда в жизни я не слышал из человеческих уст такого нескончаемого потока ужаснейшего сквернословия. Как ни миролюбив я был от природы, но все же едва сдерживался. Конечно, прикрикнув на капитана, я совершенно забыл, что был всего лишь потерпевшим крушение, без всяких средств, даровым пассажиром, целиком зависевшим от милости или выгоды хозяина судна. Он напомнил мне об этом достаточно ясно. Но так или иначе, драки я не допустил.

IV У борта

В тот же вечер, вскоре после захода солнца, мы увидели землю, и шхуна легла в дрейф. Монтгомери сказал, что он прибыл. За дальностью расстояния нельзя было ничего разобрать: остров показался мне просто невысоким темно-синим клочком земли на смутном, голубовато-сером фоне океана. Столб дыма почти отвесно поднимался с острова к небу.

Капитана не было на палубе, когда показалась земля. Излив на меня свою злобу, он спустился вниз и, как я узнал, заснул на полу своей каюты. Командование принял на себя его помощник. Это был тот самый худой молчаливый субъект, который стоял у руля. По-видимому, он тоже не ладил с Монтгомери. Он как будто не замечал нас. Обедали мы втроем в угрюмом молчании после нескольких безрезультатных попыток с моей стороны заговорить с ним. Меня поразило, что этот человек относился к моему спутнику и его животным со странной враждебностью. Я находил, что Монтгомери слишком скрытен, когда заходит речь о том, для чего ему эти животные; но хотя любопытство мое было задето, я его не расспрашивал.

Небо было уже сплошь усыпано звездами, а мы все еще беседовали, стоя на шканцах. Ночь была тихая, ясная, тишину нарушали только размеренный шум с освещенного желтоватым светом полубака да движения животных. Пума, свернувшись клубком, смотрела на нас своими горящими глазами. Собаки, казалось, спали. Монтгомери вынул из кармана сигары.

Он вспоминал Лондон с некоторой грустью, расспрашивал о переменах, произошедших там за это время. Мне показалось, что он любил ту жизнь, которой здесь навсегда лишился. Я поддерживал разговор, как умел. Странность моего собеседника все время возбуждала мое любопытство, и, говоря с ним, я рассматривал его худое, бледное лицо, освещенное слабым светом фонаря, который горел у меня за спиной. Затем я оглянулся на темнеющий океан, где во мраке таился его маленький островок.

Этот человек, думалось мне, появился из безбрежности пространства только для того, чтобы спасти меня. Завтра он покинет корабль и снова исчезнет из моей жизни навеки. Даже при самых обычных обстоятельствах эта встреча, несомненно, произвела бы на меня впечатление. Больше всего меня поразило, что этот образованный человек живет на таком маленьком, затерянном острове и привез сюда столь необычный багаж.

Я невольно разделял недоумение капитана. Для чего ему эти животные? И почему он отрекся от них, когда я впервые о них заговорил? Кроме того, в этом его слуге было что-то странное, глубоко поразившее меня. Все это, вместе взятое, казалось очень таинственным, заставляя работать мое воображение и сковывая язык. К полуночи разговор о Лондоне исчерпался, и мы молча стояли рядом у борта, задумчиво глядя на тихий, отражавший звезды океан; каждый из нас был занят своими мыслями. Я расчувствовался и принялся выражать ему свою признательность.

– Надо прямо сказать, – начал я, немного помолчав, – вы спасли мою жизнь.

– Это случайность, – отозвался он, – простая случайность.

– Но все же я должен поблагодарить вас.

– Чего там, не стоит благодарности. Вы нуждались в помощи, а у меня была возможность ее оказать. Я сделал вам впрыскивания и кормил вас точно так же, как если бы нашел редкий экземпляр какого-нибудь животного. Я скучал и хотел чем-нибудь заняться. Поверьте, будь я не в духе в тот день или не понравился мне ваше лицо, право, не знаю, что было бы с вами теперь.

Такой ответ немного расхолодил меня.

– Во всяком случае... – начал я снова.

– Говорю вам, это простая случайность, как и все остальное в человеческой жизни, – прервал он меня, – только дураки не хотят этого понять. Почему я должен быть здесь, вдали

от цивилизованного мира, вместо того чтобы наслаждаться счастьем и всеми удовольствиями Лондона? Только потому, что одиннадцать лет назад я на десять минут потерял голову в одну туманную ночь...

Он замолчал.

– И что же? – спросил я.

– Вот и все.

Мы оба умолкли. Потом он неожиданно рассмеялся.

– Эти звезды как-то располагают к откровенности. Я просто осёл, но мне все же хочется кое-что рассказать вам.

– Что бы вы ни рассказали, можете положиться на мою скромность... Поверьте, я умею молчать.

Он уже собрался начать свой рассказ, но вдруг с сомнением покачал головой.

– Не надо, – сказал я. – Я вовсе не любопытен. В конце концов, самое лучшее – не доверять никому своей тайны. Если я сохраню ее, вы не выиграете ничего, только душу немного облегчите. А если проболтаюсь... Что тогда?

Он нерешительно пробормотал что-то про себя. Я почувствовал, что ему хочется поделиться со мной, но, говоря по правде, мне вовсе не интересно было знать, что заставило молодого медика покинуть Лондон. Для этого у меня было достаточно богатое воображение. Я пожал плечами и отвернулся. Какая-то темная молчаливая фигура, застыв у борта, смотрела на отражавшиеся в воде звезды. Это был слуга Монтгомери. Он быстро взглянул на меня через плечо, затем снова отвернулся и уставился на воду.

Эта мелочь, может быть, показалась бы вам пустяком, но меня она поразила как громом. Единственным источником света возле нас был фонарь, висевший у руля. Лицо слуги лишь на одно короткое мгновение повернулось к свету, но я заметил, что глаза, взглянувшие на меня, светились слабым зеленоватым светом.

Я тогда не знал, что по крайней мере красноватый отблеск бывает иногда свойствен человеческим глазам. Это показалось мне совершенно сверхъестественным. Темная фигура с горящими глазами заполнила все мои мысли и чувства, и забытые образы детского воображения на миг воскресли передо мной. Но они исчезли так же быстро, как и явились. Уже в следующее мгновение я видел лишь обыкновенную темную, неуклюжую человеческую фигуру – фигуру, в которой не было ничего необычного и которая стояла у борта, глядя на отражавшиеся в море звезды. Монтгомери снова заговорил.

– Если вы уже достаточно подышали воздухом, я хотел бы спуститься вниз, – сказал он.

Я ответил что-то невпопад. Мы ушли вниз, и он простился со мной у дверей моей каюты.

Всю ночь я видел скверные сны. Ущербная луна взошла поздно. Ее таинственные бледные лучи косо падали через иллюминатор, и койка моя отбрасывала на стену чудовищную тень. Наверху проснулись собаки, послышались лай и рычание. Заснуть крепко мне удалось только на рассвете.

V

Безвыходное положение

Рано утром – это было на второй день после моего выздоровления и, кажется, на четвертый после того, как меня подобрала шхуна, – я проснулся, мучимый тревожными сновидениями, в которых мне чудились стрельба и рев толпы, и услышал наверху чьи-то хриплые крики. Протерев глаза, я лежал, прислушиваясь к шуму и не понимая, где я. Вдруг послышались шлепанье босых ног, стук бросаемых тяжестей, громкий скрип и грохот цепей. Потом раздался плеск, так как судно сделало резкий поворот, желто-зеленая пенистая волна ударила о маленький иллюминатор каюты и снова схлынула. Я быстро оделся и поспешил на палубу.

Поднимаясь по трапу, я увидел на алом фоне восходившего солнца широкую спину и рыжие волосы капитана. Над ним висела в воздухе клетка с пумой, которую он спускал на веревке, пропущенной через блок на бизань-мачте. Бедное животное, смертельно перепуганное, припало ко дну своей маленькой клетки.

– За борт их всех! – рычал капитан. – За борт! Я очищу судно от всей этой дряни!

Он стоял у меня на дороге, и, чтобы выйти на палубу, я вынужден был хлопнуть его по плечу. Он вздрогнул, повернулся и попятился. Сразу видно было, что он все еще пьян.

– Эй, ты! – сказал он с идиотским видом, потом, начав соображать, добавил: – А, это мистер... мистер...

– Прендик, – сказал я.

– К черту Прендика! – завопил капитан. – Заткни Глотку – вот ты кто! Мистер Заткни Глотку!

Конечно, не следовало отвечать этому пьяному скоту. Но я не мог предвидеть, что он делает дальше. Он протянул руку к трапу, у которого стоял Монтгомери, разговаривая с широкоплечим седым человеком в грязном синем фланелевом костюме, по-видимому только что появившимся на судне.

– Пошел туда, мистер Заткни Глотку, туда! – ревел капитан.

Монтгомери и его собеседник повернулись к нам.

– Что это значит? – спросил я.

– Вон отсюда, мистер Заткни Глотку, вот что это значит! За борт, живо! Мы очищаем судно, очищаем наше бедное судно! Вон!

Оторопев, я смотрел на него. Но потом понял, что именно этого мне и хочется. Перспектива остаться единственным пассажиром этого сварливого дурака не сулила мне ничего приятного. Я повернулся к Монтгомери.

– Мы не можем вас взять, – решительно сказал мне его собеседник.

– Не можете меня взять? – совершенно растерявшись, переспросил я. Такого непреклонного и решительного лица, как у него, я еще в жизни не видел.

– Послушайте... – начал я, обращаясь к капитану.

– За борт! – снова заорал он. – Это судно не для зверей и не для людоедов, которые хуже зверья, в сто раз хуже! За борт... проклятый мистер Заткни Глотку! Возьмут они вас или не возьмут, все равно вон с моей шхуны! Куда угодно! Вон отсюда вместе с вашими друзьями! Я навсегда простился с этим проклятым островом! Довольно с меня!

– Послушайте, Монтгомери... – сказал я.

Он скривил нижнюю губу и безнадежным кивком указал на седого человека, стоявшего рядом с ним, как бы выразив этим свое бессилие помочь мне.

– Уж я об этом позабочусь, – сказал капитан.

Началось странное препирательство. Я попеременно обращался то к одному, то к другому из этих троих, прежде всего к седому человеку, прося позволить мне высадиться на берег,

потом к пьяному капитану с просьбою оставить меня на судне и, наконец, даже к матросам. Монтгомери не сказал ни слова – он только качал головой.

– За борт, говорю вам, – беспрестанно повторял капитан. – К черту закон! Я хозяин на судне!

Я начал грозить, но голос мой пресекся. Охваченный бессильным бешенством, я отошел на корму, угрюмо глядя в пустоту.

Тем временем матросы быстро работали, сгружая ящики и клетки с животными. Большой баркас с поднятыми парусами уже стоял у подветренного борта шхуны, и туда сваливали всю эту удивительную кладь. Я не мог видеть, кто приехал за ней с острова, потому что баркас был скрыт бортом шхуны.

Ни Монтгомери, ни его собеседник не обращали на меня ни малейшего внимания: они помогали четырем или пяти матросам, выгружавшим багаж. Капитан был тут же, скорее мешая, чем помогая работе. Я переходил от отчаяния к бешенству. Пока я стоял, ожидая своей дальнейшей участи, мне несколько раз неудержимо хотелось посмеяться над моей злополучной судьбой. Я не завтракал и чувствовал себя от этого еще несчастнее. Голод и слабость лишают человека мужества. Я прекрасно понимал, что не в силах сопротивляться капитану, который мог избавиться от меня, и у меня не было способа заставить Монтгомери и его товарища взять меня с собой. Мне оставалось лишь покорно ждать своей судьбы, а выгрузка багажа на баркас между тем продолжалась, и никто не обращал на меня внимания.

Вскоре работа была закончена. И тогда произошла схватка: меня, слабо сопротивлявшегося, потащили к трапу. Но даже в эту отчаянную минуту меня удивили странные смуглые лица людей, сидевших в баркасе вместе с Монтгомери. Погрузка была окончена, и баркас сразу отчалил от судна. Подо мной быстро увеличивалась полоса зеленой воды, и я изо всех сил подался назад, чтобы не упасть вниз головой.

Сидевшие в баркасе что-то насмешливо закричали, и я слышал, как Монтгомери обругал их. Капитан, его помощник и один из матросов потащили меня на корму. Там был привязан ялик с «Леди Вейн», до половины залитый водой, без весел и провизии. Я отказался сойти в него и повалился ничком на палубу. Но они силой опустили меня туда на веревке без трапа и, перерезав буксир, бросили на произвол судьбы.

Волны медленно относили меня от шхуны. В каком-то оцепенении я видел, как матросы начали тянуть снасти и шхуна медленно, но решительно развернулась по ветру. Паруса затрепетали и наполнились. Я тупо смотрел на истрепанный непогодами борт круто накренившейся шхуны. Она постепенно начала удаляться.

Я даже не повернул головы ей вслед. Я едва верил случившемуся. Ошеломленный, сидел я на дне шлюпки и глядел на пустынный, подернутый легкой зыбью океан. Но постепенно я осознал, что снова очутился в этой проклятой, почти затонувшей шлюпке. Обернувшись, я увидел шхуну, уплывавшую от меня вместе с рыжеволосым капитаном, который что-то насмешливо кричал, стоя у гакаборта. Повернувшись к острову, я увидел баркас, который становился все меньше и меньше по мере того, как приближался к берегу.

Я понял весь ужас своего положения. У меня не было никакой возможности добраться до берега, если только меня случайно не отнесет туда течением. Я еще не окреп после своих недавних злоключений и к тому же был голоден, иначе у меня было бы больше мужества. Но тут я заплакал, как ребенок. Слезы потоком хлынули у меня из глаз. В припадке отчаяния я принялся бить кулаками по воде на дне ялика и колотить ногами в борт. Я молил Бога послать мне смерть.

VI

Ужасная команда баркаса

Но люди с острова, увидя, что я действительно брошен на произвол судьбы, сжалились надо мной. Меня медленно относило к востоку в сторону острова, и скоро я с облегчением увидел, что баркас повернул и направился ко мне. Баркас был тяжело нагружен, и когда он подошел ближе, то я увидел седого широкоплечего товарища Монтгомери, сидевшего на корме среди собак и ящиков с багажом. Этот человек молча, не двигаясь, смотрел на меня. Не менее пристально разглядывал меня и черномазый урод, расположившийся около клетки с пумой на носу. Кроме них, в баркасе было еще три странных звероподобных существа, на которых злобно рычали собаки. Монтгомери, сидевший на руле, подчалил к ялику и, привстав с места, поймал и прикрепил к своей корме обрывок каната, чтобы отвести меня на буксире: на баркасе места не было.

Я успел уже оправиться от своего нервного припадка и довольно бодро ответил на его оклик. Я сказал, что шлюпка почти затоплена, и он подал мне деревянный ковш. Когда буксир натянулся, я упал от толчка, но встал и начал усердно вычерпывать воду.

Лишь покончив с этим делом (шлюпка только зачерпнула воду бортом, она была невредима), я снова взглянул на людей, сидевших в баркасе.

Седой человек все так же пристально и, как мне показалось, с некоторым замешательством смотрел на меня. Когда наши взгляды встречались, он опускал глаза и глядел на собаку, сидевшую у него между коленями. Это был великолепно сложенный человек, с красивым лбом и довольно крупными чертами лица, но веки у него были дряблые, старческие, а складка у рта придавала лицу выражение дерзкой решительности. Он разговаривал с Монтгомери так тихо, что я не мог разобрать слов. Я стал рассматривать трех других, сидевших в баркасе.

Это была на редкость странная команда. Я видел только их лица; но в них было что-то неуловимое, чего я не мог постичь, и это вызывало во мне странное отвращение. Я пристально всматривался в них, и это чувство не проходило, хотя я и не мог понять его причины. Они показались мне темнокожими, но их руки и ноги были обмотаны какой-то грязной белой тканью до самых кончиков пальцев. Я никогда еще не видел, чтобы мужчины так кутались, только женщины на Востоке носят такую одежду. На головах их были тюрбаны, из-под которых виднелись таинственные лица, выпяченные нижние челюсти и сверкающие глаза. Волосы их, черные и гладкие, были похожи на лошадиные гривы, и, сидя, они казались значительно выше людей всех рас, каких мне доводилось видеть. Седой старик, который, как я заметил, был добрых шести футов роста, теперь, сидя, оказался на голову ниже каждого из этих троих. Впоследствии я убедился, что в действительности все они были не выше меня, но туловища у них были ненормальной длины, а ноги короткие и странно искривленные. Во всяком случае, они представляли собой необычайно безобразное зрелище, а над их головами, под передним парусом, выглядывало смуглое лицо того уroda, чьи глаза светились в темноте.

Когда взгляды наши встретились, он отвернулся, но не прекратил украдкой поглядывать в мою сторону. Чтобы не быть навязчивым, я перестал их рассматривать и повернулся к острову, к которому мы приближались.

Остров был низкий, покрытый пышной растительностью, среди которой больше всего было пальм незнакомого мне вида. В одном месте белая струя дыма поднималась необычайно высоко и затем расплывалась в воздухе белыми, как пух, хлопьями. Мы очутились в большой бухте, ограниченной с обеих сторон невысокими мысами. Берег был усыпан темным сероватым песком и в глубине поднимался кверху футов на шестьдесят или семьдесят над уровнем моря, и кое-где виднелись деревья и кустарники. Посреди склона была странная, пестрая каменная

ограда, сложенная, как я увидел позже, частью из кораллов и частью из вулканической пемзы. Две тростниковые крыши виднелись над оградой.

На берегу, ожидая нас, стоял человек. Издали мне показалось, что еще несколько других странных существ поспешно скрылись в кустарнике, но, когда мы приблизились, я уже больше не видел их. Человек, ожидавший нас, был среднего роста, с черным, как у негра, лицом. Его широкий рот был очень тонок, руки необычайно худые, а искривленные дугой ноги имели узкие и длинные ступни. Он стоял на берегу, вытянув шею, ожидая нашего приближения. Одет он был так же, как Монтгомери и седой старик, в синюю блузу и панталоны.

Когда мы подошли к самому берегу, он принялся бегать взад и вперед, делая крайне нелепые телодвижения. По команде Монтгомери все четверо в баркасе вскочили на ноги и как-то удивительно неуклюже принялись спускать паруса. Монтгомери ввел баркас в маленький искусственный залив. Странный человек кинулся к нам. Собственно говоря, заливчик был простой канавой, но достаточно большой, чтобы баркас мог войти туда во время прилива.

Почувствовав, что нос баркаса врезался в песок, я оттолкнулся от его кормы деревянным ковшом и, отвязав буксир, причалил к берегу. Трое закутанных людей неуклюже вылезли из баркаса и тотчас же принялись разгружать багаж с помощью человека, ожидавшего нас на берегу. Особенно удивила меня их походка: нельзя сказать, что они были неповоротливы, но казались какими-то искореженными, словно состояли из кое-как скрепленных кусков. Собаки продолжали рычать и рваться с цепей, после того как они вместе с седым стариком сошли на берег.

Эти трое, переговариваясь, издавали какие-то странные, гортанные звуки, а человек, встретивший нас на берегу, взволнованно обратился к ним на каком-то, как показалось мне, иностранном языке, и они принялись за тюки, сложенные на корме. Я уже где-то слышал точно такой же голос, но где, не мог припомнить. Старик удерживал шесть бесновавшихся собак, перекрывая их лай громкими распоряжениями. Монтгомери тоже сошел на берег, и все занялись багажом. Я был слишком слаб, чтобы после голодовки, на жарком солнце, которое пекло мою непокрытую голову, предложить им свою помощь.

Наконец старик, видимо, вспомнил о моем присутствии и подошел ко мне.

– Судя по вашему виду, вы не завтракали, – сказал он.

Его маленькие черные глазки блестели из-под бровей.

– Прошу у вас прощения. Теперь вы наш гость, хотя и непрошенный, и мы должны позаботиться о вас. – Он взглянул мне прямо в лицо. – Монтгомери сказал мне, что вы образованный человек, мистер Прендик. Он сказал, что вы немного занимались наукой. Нельзя ли узнать, чем именно?

Я рассказал, что учился в Королевском научном колледже и занимался биологическими исследованиями под руководством Гексли. Услышав это, он слегка приподнял брови.

– Это несколько меняет дело, мистер Прендик, – сказал он с легким оттенком уважения в голосе. – Как ни странно, но мы тоже биологи. Это своего рода биологическая станция.

Он посмотрел на людей, которые на катках двигали клетку с пумой к ограде.

– Да, мы с Монтгомери биологи, – сказал он. – Неизвестно, когда вы сможете нас покинуть, – добавил он минуту спустя. – Наш остров лежит далеко от навигационных путей. Суда появляются здесь не чаще раза в год.

Вдруг он оставил меня, прошел мимо тащивших пуму людей, поднялся вверх по откосу и исчез за изгородью. Еще двое вместе с Монтгомери грузили багаж на низенькую тележку. Лама оставалась на баркасе вместе с кроличьими клетками; собаки были по-прежнему привязаны к скамьям. Нагрузив на тележку не меньше тонны, все трое повезли ее наверх, вслед за клеткой с пумой. Потом Монтгомери оставил их и, вернувшись, протянул мне руку.

– Что касается меня, то я рад, – сказал он. – Капитан настоящий осел. Вам пришлось бы хлебнуть с ним горя.

– Вы еще раз спасли меня, – сказал я.

– Ну, смотря как на это взглянуть! Уверю вас, остров покажется вам чертовски скучной дырой! На вашем месте я был бы осторожен... Он... – Монтгомери замялся и не сказал того, что едва не сорвалось у него с языка. – Не будете ли вы так добры помочь мне выгрузить клетки с кроликами?

С кроликами он поступил самым удивительным образом. После того как я, войдя в воду, помог ему перенести клетку на берег, он открыл дверцу и, наклонив ее, вывернул всех зверьков прямо на землю. Кролики грудой барахтались на земле. Он хлопнул в ладоши, и они скачками бросились врассыпную; их было штук пятнадцать или двадцать.

– Плодитесь и размножайтесь, друзья, – проговорил Монтгомери. – Населяйте остров. У нас тут был недостаток в мясе.

Пока я наблюдал за разбегавшимися кроликами, вернулся старик с бутылкой коньяку и несколькими сухарями.

– Вот, подкрепитесь, Прендик, – сказал он уже гораздо дружелюбнее.

Не заставляя себя долго просить, я принялся за сухари, а он помог Монтгомери выпустить на волю еще десятка два кроликов. Но три оставшихся кроличьих клетки и клетку с ламой отнесли наверх, к дому. К коньяку я не притронулся, так как никогда не пил спиртного.

VII

Запертая дверь

Надеюсь, читатель поймет, что на первых порах все окружающее казалось мне до того необычайным и я пережил такие неожиданные приключения, что не мог понять, в чем же здесь самое странное. Я последовал за клеткой с ламой, но меня нагнал Монтгомери и попросил не входить за ограду. Тут я заметил, что пума в клетке и груды багажа также остались за оградой.

Обернувшись, я увидел, что баркас, уже окончательно разгруженный, вытасен на берег и старик идет к нам.

– А теперь нам предстоит решить, как поступить с этим незванным гостем, – обратился он к Монтгомери. – Что с ним делать?

– У него есть некоторые научные познания, – отозвался тот.

– Мне не терпится поскорее приняться за дело, поработать над этим новым материалом, – сказал старик, кивнув головой в сторону ограды. Глаза его заблестели.

– Охотно верю, – угрюмо буркнул Монтгомери.

– Мы не можем пустить его туда, а строить для него хижину нет времени. Вместе с тем никак нельзя посвящать его в наше дело.

– Готов вам повиноваться, – сказал я. У меня не было ни малейшего представления о том, что означало «пустить туда».

– Я тоже думал об этом, – сказал Монтгомери. – Но у меня есть комната с наружной дверью...

– Значит, решено, – быстро прервал его старик, пристально глядя на Монтгомери, и мы все трое подошли к ограде.

– Мне очень жаль, что приходится окружать дело такой тайной, мистер Прендик, но не забывайте, что вы здесь незванный гость. Наше маленькое предприятие имеет свой секрет, нечто вроде комнаты Синей Бороды. В сущности, тут нет ничего страшного для человека с крепкими нервами. Но пока мы еще не пригляделись к вам...

– Понятно, – сказал я, – глупо было бы мне обижаться на недоверие.

На его мрачном лице появилась бледная улыбка – он принадлежал к тому суровому типу людей, которые улыбаются одними углами рта, – и он поклонился в знак признательности. Мы прошли мимо главных ворот. Они были тяжелые, деревянные, окованные железом и запертые на замок. Перед ними были свалены груды багажа с баркаса. В углу ограды оказалась небольшая дверь, которой я раньше не заметил. Старик вынул из кармана своей засаленной синей блузы связку ключей, отпер дверь и вошел. Меня удивило, что даже во время его присутствия на острове все здесь так надежно заперто.

Я последовал за ним и очутился в небольшой комнате, просто, но уютно обставленной. Внутренняя дверь была приоткрыта и выходила на мощеный двор. Эту дверь Монтгомери тотчас же запер. В дальнем углу комнаты висел гамак; маленькое незастекленное окно, забранное железной решеткой, выходило прямо на море.

Старик сказал, что здесь я буду жить и не должен переступать порога внутренней двери, которую он «на всякий случай» запер. Он указал на удобный шезлонг у окна и на множество старых книг, главным образом сочинений по хирургии и изданий классиков на греческом и латинском языках (эти языки я понимал с трудом), стоявших на полке около гамака. Вышел он через наружную дверь, словно не желая больше отворять внутреннюю.

– Обыкновенно мы здесь обедаем, – сказал Монтгомери и вдруг, как будто почувствовав неожиданное сомнение, быстро последовал за ушедшим. – Моро! – окликнул он его.

Сначала я не обратил на эту фамилию никакого внимания. Но, просматривая книги, стоявшие на полке, я невольно стал припоминать: где же раньше я ее слышал?

Я сел у окна, вынул оставшиеся сухари и с аппетитом принялся жевать их. Моро?

Взглянув в окно, я увидел одного из удивительных людей в белом, тащившего ящик с багажом. Вскоре он скрылся из виду. Затем я услышал, как позади меня щелкнул замок. Немного погодя сквозь запертую дверь донеслись шум и возня, поднятые собаками, которых привели с берега. Они не лаяли, а только как-то странно рычали и фыркали. Я слышал быстрый топот их лап и успокаивающий голос Монтгомери.

Таинственность, которой окружили себя эти двое людей, произвела на меня очень сильное впечатление, и я задумался над этим, как и над удивительно знакомой мне фамилией Моро. Но человеческая память так капризна, что я никак не мог припомнить, с чем связана эта известная фамилия. Постепенно я начал думать о непостижимой странности обезображенного и закутанного в белое человека на берегу. Я никогда не видел такой походки, таких странных телодвижений, как у него, когда он тащил ящик. Я вспомнил, что ни один из этих людей не заговорил со мной, хотя я и видел, что все они по временам посматривали на меня как-то странно, украдкой, а совсем не тем открытым взглядом, какой бывает у настоящих дикарей. Я никак не мог понять, на каком языке они говорили. Все они казались удивительно молчаливыми, а когда говорили, голоса их звучали резко и неприятно. Что же с ними такое? Тут я вспомнил глаза уродливого слуги Монтгомери.

Он вошел как раз в ту минуту, когда я подумал о нем. Теперь он был одет в белое и нес небольшой поднос с кофе и вареными овощами. Я чуть не отскочил, когда он, любезно кланяясь, поставил передо мной на стол поднос.

Изумление сковало меня. Под черными мелкими прядями его волос я увидел ухо. Оно внезапно открылось прямо перед моими глазами. Ухо было остrokонечное и покрытое тонкой бурой шерстью!

– Ваш завтрак, сэр, – сказал он.

Я уставился ему прямо в лицо, чувствуя, что не в силах ответить. Он повернулся и пошел к двери, странно косясь на меня через плечо.

Я проводил его взглядом, и в это же самое время из подсознания в памяти у меня всплыли слова: «Заказы Моро... Или указы?..»

А, вот что! Память перенесла меня на десять лет назад. «Ужасы Моро». Мгновение эта фраза смутно вертелась у меня в голове, но тотчас она предстала передо мной, напечатанная красными буквами на небольшой коричневатой обложке брошюры, которую невозможно было читать без дрожи. Я ясно припомнил все подробности: эта давно забытая брошюра с поразительной яркостью воскресла в памяти. В то время я был еще юношей, а Моро уже перевалило за пятьдесят. Это был выдающийся ученый-физиолог, хорошо известный в научных кругах богатством своего воображения и резкой прямоотой взглядов. Был ли это тот самый Моро? Он описал несколько поразительных случаев переливания крови и, кроме того, был известен своими выдающимися трудами о ненормальностях развития организма. Но вдруг его блестящая карьера прервалась. Ему пришлось покинуть Англию. Какой-то журналист пробрался в его лабораторию под видом лаборанта с намерением опубликовать сенсационные разоблачения. Благодаря поразительной случайности, если только это действительно была случайность, его гнусная брошюрка приобрела громкую известность. Как раз в день ее появления из лаборатории Моро убежала собака с ободранной шкурой, вся искалеченная.

Это было скверное время, и один известный издатель, двоюродный брат мнимого лаборанта Моро, обратился к общественному мнению. Уже не в первый раз общественное мнение восставало против методов экспериментального исследования. Доктор Моро был изгнан из страны. Может быть, он и заслуживал этого, но безразличие других исследователей, отречение от него большинства его собратьев-ученых были все же постыдны. Правда, судя по сообщению журналиста, некоторые из его опытов были бессмысленно жестоки. Быть может, ему удалось бы примириться с обществом, прекратив свои исследования, но он не пошел на это, как сделало

бы на его месте большинство людей, испытавших однажды невыразимое счастье заниматься наукой. Он не имел семьи, и ему надо было заботиться только о себе...

Я чувствовал уверенность, что это тот самый Моро. Все указывало на это. И вдруг мне стало ясно, для чего предназначались пума и другие животные, доставленные вместе с остальным багажом за ограду позади дома. Станный, слабый, смутно знакомый запах, который я до сих пор ощущал только подсознательно, вдруг стал осознанным: это был антисептический запах операционной. Я услышал за стенкой рычание пумы и визг одной из собак, которую как будто били.

Собственно говоря, для всякого образованного человека в вивисекции нет ничего настолько ужасного, чтобы обставлять ее такой тайной. Но в результате какого-то странного скачка мысли остроконечные уши и светящиеся глаза слуги Монтгомери снова ярко представились мне. Я смотрел на зеленую морскую даль, расстилавшуюся перед моими глазами, на волны, пенящиеся под напором свежего ветерка, и странные воспоминания последних дней одно за другим мелькали в моей голове.

Что же все это значит? Эта глухая ограда на пустынном острове, этот известный вивисектор, эти искалеченные и обезображенные люди?..

VIII

Крик пумы

Около часу дня мои размышления были прерваны приходом Монтгомери. Его странный слуга следовал за ним, неся на подносе хлеб, какие-то овощи и другую еду, а также бутылку виски, кувшин воды, три стакана и три ножа. Я искоса посмотрел на это удивительное существо и увидел, что оно тоже наблюдает за мной своими странными бегающими глазами. Монтгомери объявил, что будет завтракать вместе со мной, а Моро слишком занят, чтобы присоединиться к нам.

– Моро? – сказал я. – Мне знакома эта фамилия.

– Черт побери! – воскликнул он. – И что я за осёл, зачем я вам это сказал! Мог бы раньше подумать. Ну да все равно, это послужит вам намеком на разъяснение наших тайн. Не хотите ли виски?

– Нет, спасибо, я не пью.

– Хотел бы я быть на вашем месте! Но бесполезно жалеть о невозможном. Это проклятое виски и привело меня сюда. Оно и одна туманная ночь. И я счел еще за счастье, когда Моро предложил взять меня с собой. Странное дело...

– Монтгомери, – прервал я его, как только закрылась наружная дверь, – отчего у вашего слуги остроконечные уши?

– Черт побери! – выругался он с набитым ртом и с минуту изумленно смотрел на меня. – Остроконечные уши?

– Да, остроконечные, – повторил я возможно спокойнее, но со стесненным дыханием, – и поросшие шерстью.

Он преспокойно принялся смешивать виски с водой.

– Мне всегда казалось, что уши его не видны из-под волос.

– Я увидел их, когда он нагнулся, чтобы поставить на стол кофе. И глаза у него светятся в темноте.

Монтгомери уже пришел в себя от неожиданности.

– Я и сам замечал, – спокойно сказал он, слегка шепелявя, – что у него с ушами действительно что-то неладно, у него такая странная манера тщательно прикрывать их волосами. Как же они выглядели?

Я был уверен, что он просто притворяется, но не мог уличить его во лжи.

– Они остроконечные, – повторил я, – маленькие и покрытые шерстью, несомненно покрытые шерстью. Да и весь он самое странное существо, какое я когда-либо видел.

Резкий, хриплый звериный крик, полный страдания, донесся до нас из-за ограды. По его ярости и силе можно было догадаться, что это кричит пума. Я заметил, как Монтгомери вздрогнул.

– Да? – сказал он вопросительно.

– Откуда вы его взяли?

– Он из... Сан-Франциско. Действительно, он безобразен. Какой-то полупомешанный. Не могу хорошенько припомнить, откуда он. Но я привык к нему. Мы оба привыкли друг к другу. Чем же он так поразил вас?

– Он весь как бы противоестественный, – сказал я. – В нем есть что-то особенное... Не примите меня за сумасшедшего, но близость его возбуждает во мне дрожь омерзения, как прикосновение чего-то нечистого. В нем, право, есть что-то дьявольское.

Слушая меня, Монтгомери перестал есть.

– Ерунда, – сказал он. – Я этого не замечал.

Он снова принялся за еду.

– Мне это и в голову не приходило, – проговорил он, прожевывая кусок. – По-видимому, матросы на шхуне чувствовали то же самое... И травили же они беднягу!.. Вы сами видели, как капитан...

Снова раздался крик пумы, на этот раз еще более страдальческий. Монтгомери выругался. Я уже почти решился спросить у него о людях, виденных мною на берегу. Но тут бедное животное начало испускать один за другим резкие, пронзительные крики.

– А ваши люди на берегу, – все же спросил я его, – к какой расе они принадлежат?

– Недурные молодцы, правда? – рассеянно ответил он, хмурия брови при каждом новом крике животного.

Я замолчал. Снова раздался крик, еще отчаяннее прежних. Он посмотрел на меня своими мрачными серыми глазами, подлил себе еще виски, попытался завязать разговор об алкоголе и стал уверять, что им он спас мне жизнь. Казалось, ему хотелось подчеркнуть, что я обязан ему жизнью. Я отвечал рассеянно. Завтрак наш скоро кончился. Урод с остроконечными ушами убрал со стола, и Монтгомери снова оставил меня одного. Завтракая со мной, он все время был в состоянии плохо скрываемого раздражения от криков подвергнутой вивисекции пумы. Он жаловался, что нервы у него шалют, и в этом не приходилось сомневаться.

Я сам чувствовал, что эти крики и меня необычайно раздражают. В течение дня они становились все громче. Их было мучительно слышать, и в конце концов я потерял душевное равновесие. Я отбросил перевод Горация, который пробовал читать, и принялся, сжимая кулаки и кусая губы, шагать по комнате.

Потом я стал затыкать себе уши пальцами.

Но крики становились все нестерпимее. Наконец в них зазвучало такое предельное страдание, что я почувствовал себя не в силах оставаться в комнате. Я вышел на воздух, в дремوتный жар полуденного солнца, и, пройдя мимо главных ворот, по-прежнему запертых, повернул за угол ограды.

На воздухе крики звучали еще громче. Казалось, будто в них сосредоточилось все страдание мира. Все же, думается мне (а я с тех пор не раз думал об этом), знай я, что в соседней комнате кто-нибудь страдает точно так же, но молча, я отнесся бы к этому гораздо спокойнее. Но когда страдание обретает голос и заставляет трепетать наши нервы, тогда душу переполняет жалость. Несмотря на яркое солнце и зеленые веера колеблемых морским ветром пальм, весь мир казался мне мрачным хаосом, полным черных и кровавых призраков, до тех пор пока я не отошел далеко от дома с каменной оградой.

IX

Встреча в лесу

Я пробирался через кустарник, покрывавший холм за домом, почти не разбирая дороги. Миновав густую купу прямоствольных деревьев, я очутился на противоположном склоне холма, у подножия которого по узкой долине бежал ручей. Я остановился и прислушался. То ли за дальностью расстояния, то ли из-за густоты леса, но ужасные звуки больше не долетали до меня. Вокруг было тихо. Но вот из кустов выскочил кролик и бросился со всех ног вниз по склону холма. Постояв немного, я уселся в тени на опушке.

Место было красивое. Ручейка совсем не было видно за пышной растительностью, покрывавшей его берега, и только в одном месте треугольником блестела гладь воды. На другом его берегу в синеватой дымке виднелась густая чаща деревьев и ползучих растений, а над ними сияло ясное голубое небо. Тут и там были разбросаны белые и малиновые пятна каких-то цветов. Некоторое время взгляд мой блуждал вокруг, но затем мысли снова вернулись к странностям слуги Монтгомери. Однако было слишком жарко для напряженных размышлений, и скоро я впал в какое-то дремотное состояние, нечто среднее между сном и бодрствованием.

Не знаю, сколько прошло времени, как вдруг меня разбудил легкий шорох на другой стороне ручья. Сначала я увидел только колеблющиеся верхушки папоротников и тростников. Потом на берегу показалось какое-то существо, но что это было, я не мог сразу рассмотреть. Оно нагнуло голову и принялось пить. Тут только я увидел, что это человек, но человек, ходящий на четвереньках, как животное!

Он был в голубоватой одежде, волосы у него были черные, а тело и лицо – медно-красного цвета. По-видимому, необычайное безобразие было общей чертой всех обитателей этого острова. Я слышал, как он шумно лакал воду.

Я наклонился вперед, чтобы получше его рассмотреть. Кусочек лавы, задетый моей рукой, покатился вниз по откосу. Человек с виноватым видом поднял голову, и глаза наши встретились. Он тотчас вскочил на ноги и некоторое время стоял на месте, вытирая рот неуклюжей рукой и глядя на меня. Ноги у него были почти в два раза короче его туловища. Так оставались мы, может быть, с минуту, в смущении разглядывая друг друга. Затем, несколько раз оглянувшись на меня, он исчез в кустах справа, и шелест листьев постепенно затих вдали. Еще долго после того, как он скрылся, я продолжал сидеть, глядя ему вслед. Сонливость мою как рукой сняло.

Я вздрогнул от шума, раздавшегося позади меня, и, быстро обернувшись, увидел белый хвост кролика, мелькнувший на вершине холма. Я вскочил на ноги.

Появление страшного полузвериного существа доказывало, что лес, пустынный с виду, обитаем. Я с беспокойством осмотрелся вокруг, жалея, что у меня нет оружия. Тут мне пришла в голову мысль, что виденный мной человек был в синей одежде, а не нагой, как подобает настоящему дикарю, и я стал убеждать себя, что, по всей вероятности, он был мирный и свирепость его была только кажущейся.

Но все же его появление очень меня встревожило. Я пошел влево по склону холма, глядя по сторонам меж прямых древесных стволов. Почему этот человек ходил на четвереньках и лакал воду прямо из ручья? Тут я снова услышал звериный вой и, полагая, что это кричит пума, повернулся и пошел в противоположном направлении. Дорога привела меня к ручью, перейдя который я продолжал пробиваться сквозь кустарник.

Ярко-красное пятно на земле привлекло к себе мое внимание, и, подойдя ближе, я увидел, что это был необычайного вида гриб, очень причудливый и сморщенный, похожий на листовидный лишайник. При первом же прикосновении он расплылся в водянистую слизь. Дальше под тенью роскошных папоротников я увидел неприятную картину: труп кролика, весь

облепленный золотистыми мухами, еще теплый, с оторванной головой. Я остановился, пораженный видом крови. На острове погиб насильственной смертью один из его обитателей!

На трупе не было никаких других следов. Казалось, кролик был внезапно схвачен и убит. Глядя на его мягкое, пушистое тельце, я невольно задал себе вопрос: как это могло случиться? Ощущение смутного страха, вызванное нечеловеческим лицом существа, пившего из ручья, стало теперь определеннее. Я почувствовал, как опасно для меня оставаться здесь, среди этих непонятных людей. Весь лес сразу словно преобразился. Каждый темный уголок казался засадой, каждый шорох – опасностью. Мне казалось, что какие-то незримые существа подстерегают меня всюду.

Я решил, что пора возвращаться. Быстро повернувшись, я стремительно, почти исступленно кинулся сквозь кустарник, мечтая как можно скорей выбраться на открытое место.

Я остановился перед большой поляной. Собственно говоря, это была своего рода просека. Молодые деревья уже начинали завоевывать свободное пространство, а за ними снова сплошной стеной стояли стволы, переплетенные лианами, покрытые грибами и разноцветными лишайниками. Передо мной, на полусгнившем стволе упавшего дерева, еще не замечая моего приближения, сидели, поджав ноги, три странных человеческих существа. Очевидно, одна женщина и двое мужчин. Они были совершенно нагие, если не считать куска красной материи на бедрах. Кожа у них была розоватая, какой я еще не видел ни у одного дикаря. Их толстые лица были лишены подбородка, лоб выдавался вперед, а головы покрывали редкие щетинистые волосы. Никогда еще я не встречал таких звероподобных существ.

Они разговаривали между собой, или, вернее, один из них говорил, обращаясь к двум другим, но все трое были так увлечены, что никто не услышал моих шагов. Они трясли головами и раскачивались из стороны в сторону. Слова звучали так быстро и невнятно, что хотя я хорошо слышал их, но ничего не мог понять. Казалось, говоривший нес какую-то невероятную околесицу. Скоро звук его голоса стал протяжней, и, размахивая руками, он вскочил на ноги.

Остальные двое тоже встали и, размахивая руками, принялись вторить ему, раскачиваясь в такт пению. Я заметил, что у них ненормально короткие ноги и тонкие неуклюжие ступни. Все трое теперь медленно кружились, притопывая и размахивая руками; в их ритмической скороговорке можно было разобрать мотив с повторявшимся припевом вроде «алула» или «балула». Глаза их заблестели, уродливые лица озарились странной радостью. Слюна текла из беззубых ртов.

И тут, наблюдая их смешные и непостижимые движения, я ясно понял, что, собственно, так неприятно поражало меня и рождало во мне противоречивое впечатление чего-то необычного и вместе с тем странно знакомого. Эти три существа, поглощенные своим таинственным обрядом, имели человеческий образ, но он странным образом сочетался со знакомым звериным обликом. Несмотря на свою человеческую внешность, на набедренные повязки и на все их грубое человекоподобие, каждый из них был отмечен печатью чего-то животного, в их движениях, во взглядах, во всем облике сквозило сходство со свиньями.

Я стоял, пораженный, и самые ужасные вопросы вихрем завертелись у меня в голове. Странные создания одно за другим начали подпрыгивать высоко в воздухе, визжа и хрюкая. Одно из них поскользнулось и встало на четвереньки лишь на миг, прежде чем снова подняться на ноги. Но и в столь коротком проблеске животного инстинкта я увидел всю его сущность.

Я бесшумно повернулся и, весь цепenea от ужаса при мысли, что треск сучка или шелест листьев может выдать меня, бросился обратно в кустарник. Прошло много времени, прежде чем я осмелел и пошел с меньшими предосторожностями.

В эту минуту единственной моей мыслью было уйти подальше от безобразных существ, и я не заметил, как вышел на еле заметную тропинку, которая вилась среди деревьев. И вдруг, пересекая небольшую поляну, я вздрогнул, увидев между стволами чьи-то ноги, которые бесшумно двигались параллельно мне на расстоянии около тридцати ярдов. Голова и туловище

были скрыты густой листвой. Я сразу остановился, надеясь, что неизвестное существо не заметит меня. Но в то же мгновение остановились и ноги. Я был так встревожен, что с величайшим трудом поборол в себе неодолимое желание бежать очертя голову.

Вглядевшись в зеленую путаницу ветвей, я различил голову и туловище того самого существа, которое пило из ручья. Оно взглянуло на меня, и глаза его сверкнули из полумрака зеленоватым огоньком, который погас, как только оно отвернулось. С минуту оно стояло неподвижно, а потом снова бесшумно пустилось бежать сквозь заросли кустов и деревьев. Вскоре оно исчезло среди каких-то растений. Я больше не видел его, но чувствовал, что оно остановилось и следит за мной.

Что же это было такое – человек или животное? Чего хотело оно от меня? Я был совершенно безоружен, даже палки у меня не было. Бежать не имело смысла. Во всяком случае, это существо не осмеливалось напасть на меня. Стынув зубы, я пошел прямо на него. Я старался не выказывать страха, от которого у меня по спине бегали мурашки. Пробравшись сквозь цветущие белые кусты, я увидел его шагах в двадцати от себя, – он нерешительно оглядывался через плечо. Я подошел еще на несколько шагов, упорно глядя ему в глаза.

– Кто ты? – спросил я.

Он тоже старался посмотреть мне в глаза.

– Нет, – вдруг сказал он и прыжками скрылся в кустарнике. Потом, остановившись, снова стал смотреть на меня. Его глаза сверкали среди густых ветвей.

Душа моя ушла в пятки, но я чувствовал, что единственное мое спасение в смелости, и продолжал идти прямо на него. Он обернулся еще раз и исчез в чаще. Мне почудилось, что его глаза снова сверкнули, и это было все.

Только теперь я сообразил, что уже поздно и мне опасно оставаться в лесу. Солнце только что зашло, быстрые тропические сумерки уже серели на востоке, и первая ночная бабочка бесшумно порхала над моей головой. Чтобы не остаться на ночь в лесу, среди неведомых опасностей, я должен был спешить назад.

Мысль о возвращении в эту обитель страдания была очень неприятна, но еще неприятней было бы остаться в темноте, полной всяких неожиданностей. Я снова взглянул в синеватые сумерки, поглотившие это странное существо, и повернул назад, вниз по склону, к ручью, двигаясь, как я полагал, в ту же сторону, откуда пришел.

Я быстро шагал вперед, ошеломленный всем происшедшим, и вскоре очутился на открытом месте, лишь кое-где поросшем деревьями. Прозрачная ясность неба, наступающая после заката солнца, уже сменялась темнотой. Небо темнело с каждой минутой, и звезды загорались одна за другой. Просветы меж деревьями, прогалины в лесной чаще, казавшиеся в ярком свете дня голубоватыми, становились теперь черными и таинственными.

Я шел вперед. Все кругом померкло. Черные верхушки деревьев вырисовывались на светлом фоне неба, а внизу все сливалось в бесформенную массу. Вскоре деревья поредели, а кустарник стал еще гуще. Потом он сменился унылым пространством, покрытым белым песком, а дальше стеной встала новая чаща.

Меня все время тревожил слабый шорох, раздававшийся справа. Сначала я решил, что это мне только чудится, так как стоило мне остановиться – и тотчас же наступала полнейшая тишина, нарушаемая лишь шелестом вечернего ветерка. Но как только я продолжал путь, моим шагам вторили еще чьи-то шаги.

Я удалился от чащи, держась поближе к открытым местам и делая время от времени неожиданные повороты, чтобы захватить врасплох своего преследователя, если только он существовал. Я не видел ничего подозрительного, и все же ощущение чьего-то присутствия становилось все сильнее. Я ускорил шаги, добрался до невысокого холма, перевалил через него и круто повернул в обратную сторону, не спуская, однако, с него глаз. Холм ясно вырисовывался на темневшем фоне неба.

Вскоре на этом фоне мелькнула какая-то бесформенная тень и сразу исчезла. Теперь я был уверен, что темнокожее существо снова крадется за мной. И к тому же я сделал еще одно печальное открытие: не было сомнения, что я заблудился.

Некоторое время я продолжал идти вперед, совершенно упавший духом, преследуемый своим тайным врагом. Кто бы он ни был, но у него не хватало смелости напасть на меня, а может быть, он просто выжидал благоприятного случая. Я упорно избегал леса. По временам я останавливался, прислушивался и вскоре почти убедил себя, что мой преследователь отстал или же вообще существовал только в моем расстроенном воображении. Тут я услышал шум моря. Я пошел быстро, почти побежал, и сразу же услышал, как позади меня кто-то споткнулся.

Мгновенно повернувшись, я пристально оглядел темневшие позади деревья. Одна черная тень, казалось, слилась с другой. Я прислушался, весь цепенея от страха, но услышал только, как кровь стучит у меня в висках. Решив, что нервы мои расстроены и слух обманывает меня, я снова решительно направился к морю.

Через несколько минут деревья поредели, и я вышел на голый низкий мыс, омываемый темной водой. Ночь была тихая и ясная, свет звезд отражался в гладкой поверхности моря. В некотором отдалении, на неровно выступающей гряде камней, вода слабо светилась. На западе зодиакальный свет сливался с желтоватым светом вечерней звезды. Берег тянулся далеко на восток, а с запада его скрывал мыс. Я сообразил, что дом Моро где-то западнее.

Позади меня треснул сучок и послышался шорох. Я обернулся и стал глядеть на темную стену деревьев. Видеть я ничего не мог или, вернее, видел слишком много. Каждая тень имела какую-то своеобразную форму, казалась настороженным живым существом; я постоял так с минуту, а потом, все время оглядываясь на деревья, пошел к западу, чтобы пересечь мыс. Как только я двинулся с места, одна из теней зашевелилась и последовала за мной.

Сердце мое быстро забилося. Вскоре на западе показалась большая бухта, и я снова остановился. Бесшумная тень тоже остановилась в десятке шагов от меня. Маленькая светящаяся точка виднелась в дальнем конце бухты, весь серый песчаный берег был слабо освещен звездным светом. Огонек горел примерно в двух милях от меня. Чтобы снова выйти на берег, я должен был пересечь лес, полный жутких теней, и спуститься по поросшему кустарником склону.

Теперь я мог яснее разглядеть своего преследователя. Это не был зверь, так как он стоял на двух ногах. Я раскрыл рот, чтобы заговорить, но судорога свела мне горло. Сделав над собой усилие, я крикнул:

– Кто там?

Ответа не было. Я сделал шаг вперед. Он не двигался и только как будто насторожился. Я споткнулся о камень.

Это навело меня на удачную мысль. Не спуская глаз с темной фигуры, я нагнулся и поднял большой валун. Увидя мое движение, темная фигура быстро шархнула в сторону, как это делают собаки, и скрылась в темноте. Я вспомнил, как в школе мы отбивались от больших собак, обернул камень носовым платком, а платок обвязал вокруг кисти. В темноте послышался шорох, как будто мой преследователь отступал. Моя решимость сразу пропала. При виде убегавшего противника я вздрогнул и покрылся испариной.

Прошло некоторое время, прежде чем я собрался с духом и, пройдя через деревья и кусты, спустился вниз, к берегу, по другую сторону мыса. Я бежал бегом и, выйдя из чащи на берег, тотчас же услышал, что кто-то с треском следует за мной.

Совсем потеряв голову от страха, я пустился бежать по берегу. Позади раздался быстрый глухой топот. Я испустил дикий крик и побежал быстрее. Какие-то темные существа раза в три-четыре крупней кролика, вспугнутые мной, скачками промчались мимо меня в кусты. Никогда в жизни не забуду я этой ужасной погони. Я бежал у самой воды и по временам слышал топот, настигавший меня. Далеко, безнадежно далеко горел желтый огонек. Вокруг было темно и тихо. Лишь топот слышался все ближе и ближе. За последнее время я сильно ослабел и

теперь дышал со свистом, а в боку у меня так колело, как будто туда вонзили нож. Я видел, что преследователь настигнет меня гораздо раньше, чем я успею добежать до ограды. В отчаянии, задыхаясь, я резко обернулся и, как только он приблизился ко мне, изо всех сил ударил его. При этом камень вылетел из платка, как из пращи.

Когда я повернулся, мой преследователь, бежавший на четвереньках, вскочил, и камень угодил ему прямо в левый висок. Послышался громкий удар, человек-зверь пошатнулся, оттолкнул меня и упал на песок, лицом прямо в воду. Там он остался лежать неподвижно.

Я не мог заставить себя приблизиться к этой черной массе. Там я и оставил его, около плещущей воды, под тихим светом мерцающих звезд, и, далеко обойдя это место, продолжал путь к желтому огоньку. С чувством глубокого облегчения я вскоре услышал жалобный вой пумы, тот самый вой, который заставил меня уйти бродить по таинственному острову. И несмотря на всю свою слабость, я собрал последние силы и пустился бежать на свет. Мне показалось, что чей-то голос зовет меня во мраке.

X Человеческий крик

Приблизившись к дому, я увидел, что свет идет из открытой двери моей комнаты, и тотчас же где-то рядом, в темноте, послышался оклик Монтгомери:

– Прендик!

Я продолжал бежать. Оклик послышался снова. Я отозвался слабым голосом:

– Эй! – и в следующее мгновение, шатаясь, очутился возле него.

– Где вы были? – спросил он, отстраняя меня рукой, так что свет, падавший из двери, бил мне прямо в лицо. – Мы оба были так заняты, что вспомнили о вас только полчаса назад.

Он ввел меня в комнату и усадил в шезлонг. Слепленный светом, я ничего не видел.

– Мы никак не думали, что вы пойдете бродить по острову, не предупредив нас, – сказал он. – Я беспокоился. Но... что такое?.. – Последние силы оставили меня, голова моя упала на грудь. Он заставил меня выпить коньяку, вероятно не без торжества.

– Ради бога, запирайте дверь! – сказал я.

– Вероятно, вы встретились с какой-нибудь из наших достопримечательностей? – спросил он.

Заперев дверь, он снова повернулся ко мне. Он не задавал мне больше вопросов, но влил мне в рот еще коньяку с водой и заставил меня поест. Я был в изнеможении. Он пробормотал, что забыл предупредить меня, и только тогда расспросил, когда я ушел из дому и что видел. Я коротко, отрывочными фразами отвечал ему.

– Скажите мне, что все это значит? – спросил я, едва владея собой.

– Ничего особенного, – ответил он. – Но, я думаю, с вас достаточно на сегодня.

Вдруг раздался раздирающий душу крик пумы. Монтгомери тихо выругался.

– Провалиться мне, если это место не такое же скверное, как Гауэр-стрит со своими котами.

– Монтгомери, что это за существо преследовало меня? – спросил я. – Был ли это зверь или человек?

– Если вы сейчас же не ляжете спать, – сказал он вместо ответа, – то к утру совсем сойдете с ума.

Я встал и подошел к нему вплотную.

– Что это было за существо? – повторил я.

Он посмотрел мне прямо в глаза и скривил рот. Взгляд его, минуту назад такой оживленный, вдруг потускнел.

– Судя по вашему рассказу, – сказал он, – это, вероятно, был призрак.

Меня охватило внезапное раздражение, которое, однако, исчезло так же быстро, как и возникло.

Я снова опустился в шезлонг и сжал голову руками. Пума опять принялась выть.

Монтгомери подошел ко мне сзади и положил мне руку на плечо.

– Послушайте, Прендик, – сказал он. – У меня не было ни малейшего желания брать вас на этот остров. Но все это не так страшно, как вам кажется, дружище. Просто нервы у вас совсем сдали. Послушайте меня и примите снотворное. Это... будет продолжаться еще несколько часов. Вы непременно должны заснуть, иначе я ни за что не ручаюсь.

Я не отвечал. Понурившись, я закрыл лицо руками. Он ушел и вскоре вернулся с маленькой склянкой, наполненной какой-то темной жидкостью. Он дал мне ее выпить. Я беспрекословно проглотил жидкость, и он помог мне лечь в гамак.

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Некоторое время я лежал, уставившись в потолок. Я обнаружил, что балки сделаны из корабельных шпангоутов. Повернув голову, я

увидел, что на столе стоит завтрак. Я почувствовал голод и хотел было вылезти из гамака, но гамак предупредил мое намерение, перевернулся и вывалил меня на пол. Я упал на четвереньки и с трудом встал на ноги.

Потом я уселся за стол. Голова была тяжелая, в памяти мелькали смутные воспоминания о вчерашнем. Утренний ветерок задувал в незастекленное окно, и, завтракая, я испытывал приятное физическое удовлетворение. Вдруг внутренняя дверь, которая вела во двор, открылась. Я обернулся и увидел Монтгомери.

– Все в порядке? – спросил он. – Я страшно занят.

Он тотчас же захлопнул дверь, но немного погодя я заметил, что он забыл ее запереть.

Мне невольно припомнилось вчерашнее выражение его лица, а вместе с ним и все происшедшее. Вспоминая пережитые ужасы, я услышал крик. Теперь это уже не был крик пумы.

Не донесся кусок до рта, я прислушался. Вокруг царил тишина, прерываемая лишь шелестом ветра. Я подумал, что это мне только послышалось.

Просидев так довольно долго, я снова принялся за еду, все еще прислушиваясь. Через некоторое время донесся новый крик, тихий и слабый. Я так и замер на месте. Этот крик потряс меня сильнее, чем все вопли, слышанные мною здесь. На этот раз я не мог ошибиться, я не сомневался, что это были за слабые, дрожащие звуки: это были стоны, прерываемые рыданиями и мучительными вздохами. Это стонало уже не животное. Это были стоны терзаемого человеческого существа.

Поняв это, я вскочил на ноги и в три прыжка очутился у противоположной стены, схватился за ручку внутренней двери и широко распахнул ее.

– Прендик, стойте! – крикнул внезапно появившийся передо мной Монтгомери.

Залаяла и зарычала испуганная собака. В тазике, стоявшем у порога, была кровь, темная, с ярко-красными пятнами, и я почувствовал своеобразный запах карболки. Сквозь открытую дверь в неясной полутьме я увидел нечто привязанное к какому-то станку, все изрезанное, окровавленное и забинтованное. А потом все это заслонила седая и страшная голова старого Моро.

В одно мгновение он схватил меня за плечо своей окровавленной рукой и легко, как ребенка, швырнул обратно в комнату. Я растянулся на полу, дверь захлопнулась и скрыла от меня его гневное лицо. Я услышал, как ключ повернулся в замке, а затем раздался укоризненный возглас Монтгомери.

– Мог испортить дело всей моей жизни, – услышал я голос Моро.

– Он не понимает, в чем дело, – сказал Монтгомери и добавил еще что-то, чего я не расслышал.

– Но у меня пока нет времени, – произнес Моро.

Остальное я опять не разобрал. Я встал на ноги и стоял, весь дрожа, полный самых страшных подозрений. «Возможен ли такой ужас, как вивисекция человека?» – подумал я. Эта мысль сверкнула как молния. И в моем затуманенном страхом мозгу возникло сознание страшной опасности.

XI Охота за человеком

У меня мелькнула безрассудная надежда на спасение, когда я подумал, что наружная дверь моей комнаты еще открыта. Я теперь не сомневался, я был совершенно уверен, что Моро подвергал вивисекции людей. С той самой минуты, как я услышал его фамилию, я старался связать странную звероподобность островитян с его омерзительными делами. Теперь, как мне казалось, я все понял. Мне припомнился его труд по переливанию крови. Существа, виденные мною, были жертвами каких-то чудовищных опытов!

Эти негодяи хотели успокоить меня, одурачить своим доверием, чтобы потом схватить и подвергнуть участи ужаснее самой смерти – пыткам, а затем самой гнусной и унижительной участи, какую только возможно себе представить, – присоединить меня к своему нелепому Комусову стаду. Я оглянулся в поисках какого-нибудь оружия. Но ничего подходящего не было. Тогда, как бы по наитию свыше, я перевернул шезлонг и, наступив на него ногой, оторвал ножку. Вместе с деревом оторвался и гвоздь, который сделал несколько грознее эту жалкую палицу. Я услышал приближавшиеся шаги, резко распахнул дверь и увидел совсем рядом Монтгомери. Он собирался запереть наружную дверь.

Я занес свое оружие, намереваясь ударить его прямо в лицо, но он отскочил. Поколебавшись, я повернулся и бросился за угол дома.

– Прендик, стойте! – услышал я его удивленное восклицание. – Не будьте ослом!

«Еще минута, – подумал я, – и он бы запер меня, как кролика, чтобы подвергнуть вивисекции». Он показался из-за угла, и я снова услышал его оклик:

– Прендик!

Он бросился бежать за мной, не переставая кричать что-то мне вслед.

На этот раз я наудачу пустился к северо-востоку, перпендикулярно вчерашнему направлению. Стремглав мчась по берегу, я оглянулся и увидел, что с Монтгомери был и его слуга. Я взбежал на склон и повернул к востоку вдоль долины, с обеих сторон поросшей тростником. Я пробежал так около мили, выбиваясь из сил и слыша, как в груди у меня колотится сердце. Но, убедившись, что ни Монтгомери, ни его слуга более не преследуют меня, и изнемогая от усталости, круто повернул назад, туда, где, по моему предположению, был берег, а потом кинулся на землю в тени тростников.

Я долго лежал там, не смея шевельнуться и боясь даже подумать о дальнейших действиях. Дикий остров неподвижно расстилался под знойными лучами солнца, и я слышал лишь тонкое пение слетавшихся ко мне комаров. Рядом раздавался однообразный, усыпляющий плеск воды – это шумел прибой.

Около часу спустя я услышал голос Монтгомери, звавшего меня где-то далеко на севере. Это побудило меня подумать о том, как быть дальше. На острове, размышляя я, живут только эти два вивисектора и их принявшие звериный облик жертвы. Некоторых они могут, без сомнения, натравить на меня, если им это понадобится. Моро и Монтгомери оба вооружены револьверами, я же, не считая этого жалкого куска дерева с небольшим гвоздем на конце, совершенно безоружен.

Я лежал до тех пор, пока меня не начали мучить голод и жажда. Тогда я по-настоящему осознал всю безвыходность своего положения. Я понятия не имел, как раздобыть пищу: я был слишком несведущ в ботанике, чтобы отыскать какие-нибудь съедобные корни или плоды. Мне не из чего было сделать западню, чтобы поймать какого-нибудь из немногочисленных кроликов, бегавших по острову. Чем больше я обдумывал свое положение, тем яснее становилось мне, что выхода нет. Наконец, охваченный отчаянием, я подумал о тех звероподобных людях,

которых видел в лесу. Вспоминая их, я старался найти хоть проблеск надежды. Я поочередно перебирал каждого в памяти, соображая, не может ли кто-нибудь из них оказать мне помощь.

Вдруг послышался собачий лай, предупреждавший о новой опасности. Недолго думая, иначе меня нашли бы сразу, я схватил палку с гвоздем и стремглав кинулся на шум прибора. Помню колючие кусты, шипы которых вонзались в меня, как иглы; я вырвался весь окровавленный, в лохмотьях и выбежал прямо к маленькой бухте на севере острова. Не колеблясь я вошел в воду и, перейдя вброд бухту, очутился по колена в неглубокой речке. Выбравшись наконец на западный берег и чувствуя, как колотится у меня в груди сердце, я заполз в густые папоротники, ожидая конца. Я услышал, как собака – она была только одна – залаяла около колючих кустов. Больше я ничего не слышал и решил, что ушел от погони.

Проходили минуты, но ничто не нарушало больше тишину. После часа спокойствия мужество стало возвращаться ко мне.

Теперь я уже не испытывал ни страха, ни отчаяния. Я как бы переступил пределы того и другого. Я понимал, что погиб безвозвратно, и эта уверенность делала меня способным на все. Мне даже хотелось встретиться с Моро лицом к лицу. Речка, которую я перешел вброд, напомнила мне, что если дело дойдет до крайности, то у меня всегда останется спасение от пыток: они не смогут помешать мне утопиться. Я уже готов был решиться на это, но какое-то непонятное желание увидеть все до конца, какой-то странный интерес наблюдателя удержал меня. Я расправил усталые и израненные колючками члены и огляделся. Вдруг неожиданно из зеленых зарослей высунулось черное лицо и уставилось на меня.

Я узнал обезьяноподобное существо, которое встречало на берегу баркас. Оно висело теперь на склоненном стволе пальмы. Я схватил палку и встал, пристально глядя на него. Он принялся что-то бормотать.

– Ты, ты, ты, – вот и все, что я мог сначала разобрать.

Внезапно он соскочил с дерева и, раздвинув папоротники, стал с любопытством смотреть на меня.

Я не чувствовал к этому существу того отвращения, которое испытывал при встречах с остальными людьми-животными.

– Ты, – сказал он, – из лодки.

Все-таки это был человек: как и слуга Монтгомери, он умел говорить.

– Да, – сказал я. – Я приплыл в лодке с корабля.

– О! – сказал он, и его блестящие бегающие глаза стали ощупывать меня, мои руки, палку, которую я держал, ноги, лохмотья одежды, порезы и царапины, нанесенные колючками. Он был, казалось, чем-то удивлен. Глаза его снова устремились на мои руки. Он вытянул свою руку и стал медленно считать пальцы.

– Один, два, три, четыре, пять – да?

Я не понял, что он хотел этим сказать. Впоследствии я узнал, что у большинства этих звероподобных людей были уродливые руки, которым недоставало иногда целых трех пальцев. Думая, что это своего рода приветствие, я проделал то же самое. Он радостно оскалил зубы. Затем его беспокойные глаза снова забегали. Он сделал быстрое движение и исчез. Папоротники, где он стоял, с шелестом сомкнулись.

Я вышел вслед за ним из зарослей и, к своему удивлению, увидел, что он раскачивается на одной тонкой руке, уцепившись за петлистую лиану, которая спускалась с дерева. Он висел ко мне спиной.

– Эй! – сказал я.

Он быстро спрыгнул и повернулся ко мне.

– Послушай, – сказал я, – где бы мне достать поесть?

– Поесть? – повторил он. – Мы должны есть как люди. – Он снова посмотрел на свои зеленые качели. – В хижинах.

– Но где же хижины?

– О!

– Я здесь в первый раз.

Он повернулся и быстро пошел прочь. Все движения его были удивительно проворны.

– Иди за мной, – сказал он.

Я пошел, чтобы узнать все до конца.

Я догадывался, что хижины – это какие-нибудь первобытные жилища, где он обитает вместе с другими. Быть может, они окажутся миролюбивыми, быть может, я сумею с ними договориться. Я еще и не подозревал, насколько они были лишены тех человеческих качеств, которыми я их наделил.

Мой обезьяноподобный спутник семенил рядом со мной; руки его висели, челюсть сильно выдавалась вперед. Мне было любопытно узнать, насколько в нем сохранились воспоминания о прошлом.

– Давно ты на этом острове? – спросил я его.

– Давно? – переспросил он.

И при этом поднял три пальца. По-видимому, он был почти идиот. Я попытался выяснить, что он хотел сказать, но, очевидно, ему это надоело. После нескольких вопросов он вдруг бросил меня и полез за каким-то плодом на дерево. Потом сорвал целую пригоршню колючих орехов и принялся их грызть. Я обрадовался: это была хоть какая-то еда. Я попробовал задать ему еще несколько вопросов, но он тараторил в ответ что-то невпопад. Лишь немногие его слова имели смысл, остальное же было словно заучено попугаем. Я был так поглощен всем этим, что почти не замечал дороги. Скоро мы очутились среди каких-то деревьев, черных и обугленных, а потом вышли на голое место, покрытое желтовато-белой корой. По земле стлался дым, щипавший мне нос и глаза своими едкими клубами. Справа за голой, каменистой возвышенностью виднелась гладкая поверхность моря. Извивавшаяся тропинка вдруг свернула вниз, в узкую лощину между двумя бесформенными горами шлака. Мы спустились туда.

Лощина казалась особенно темной после ослепительного солнечного света, игравшего на усыпанной кусками серы желтой поверхности. Склоны становились все круче и сближались между собой. Красные и зеленые пятна запрыгали у меня перед глазами. Вдруг мой проводник остановился.

– Дом, – сказал он, и я очутился перед пещерой, которая сначала показалась мне совершенно темной.

Я услышал странные звуки и, чтобы лучше видеть, стал левой рукой протирать глаза. До меня доносился какой-то неприятный запах, какой бывает в плохо вычищенных обезьяньих клетках. Дальше, за расступившимися скалами, виднелся пологий, одетый зеленью и залитый солнцем склон, и свет узкими пучками проникал с обеих сторон в темную глубину пещеры.

XII

Глашатаи закона

Что-то холодное коснулось моей руки. Я вздрогнул и увидел совсем рядом розоватое существо, очень похожее на ребенка с ободранной кожей. У него были вкрадчивые, но отталкивающие черты ленивца; низкий лоб, медленные движения. Когда глаза мои привыкли к темноте, я стал яснее видеть окружающее. Маленькое ленивцеподобное существо пристально разглядывало меня. Проводник мой куда-то скрылся.

Пещера оказалась узким ущельем между высокими стенами лавы, трещиной в ее застывшем извилистом потоке. Густые заросли папоротников и пальм образовали темные, хорошо укрытые логовища. Извилистое наклонное ущелье имело в ширину не более трех шагов и было загромождено кучами гниющих плодов и всяких других отбросов, распространявших удушливое зловоние.

Маленькое розовое существо, похожее на ленивца, все еще смотрело на меня, когда у отверстия ближайшего логовища появился мой обезьяноподобный проводник и поманил меня. В тот же миг какое-то неповоротливое чудовище выползло из другого логовища и застыло бесформенным силуэтом на фоне яркой зелени, глядя на меня во все глаза. Я колебался и готов был бежать назад той же дорогой, что привела меня сюда, но потом решил идти до конца и, взяв за середину свою палку с гвоздем, заполз вслед за своим проводником в вонючую, тесную берлогу.

Она была полукруглая, наподобие половинки дупла, и около каменной стены, замыкавшей ее изнутри, лежала груда кокосовых орехов и всевозможных плодов. Несколько грубых посудин из камня и дерева стояли на полу, а одна – на кое-как сколоченной скамье. Огня не было. В самом темном углу пещеры сидело бесформенное существо, проворчавшее что-то, когда я вошел. Обезьяно-человек стоял на едва освещенном пороге этого жилища и протягивал мне расколотый кокосовый орех, а я тем временем заполз в угол и сел на землю. Я взял орех и принялся есть, насколько мог спокойно, несмотря на сильное волнение и почти невыносимую духоту пещеры. Розовое существо стояло теперь у входа в берлогу, и еще кто-то с темным лицом и блестящими глазами пристально смотрел на меня через его плечо.

– Эй, – произнесла таинственная тварь, сидевшая напротив меня.

– Это человек! Это человек! – затараторил мой проводник. – Человек. Человек, живой человек, как и я.

– Заткнись, – ворчливо произнес голос из темноты.

Я ел кокосовый орех в напряженном молчании. Изо всех сил всматривался я в темноту, но не мог больше ничего различить.

– Это человек, – повторил голос. – Он пришел жить с нами?

Голос был хриплый, с каким-то особенным, поразившим меня присвистом. Но произношение его было удивительно правильным.

Обезьяно-человек выжидательно поглядел на меня.

Я понял его немой вопрос.

– Он пришел с вами жить, – утвердительно сказал я.

– Это человек. Он должен узнать Закон.

Теперь я стал различать какую-то темную грудку в углу, какие-то смутные очертания сгорбленной фигуры. В берлоге стало совсем темно, потому что у входа появились еще две головы. Рука моя крепче сжала палку. Сидевший в темном углу сказал громче:

– Говори слова.

Я не понял.

– Не ходить на четвереньках – это Закон, – проговорил он нараспев.

Я растерялся.

– Говори слова, – сказал, повторив эту фразу, обезьяно-человек, и стоявшие у входа в пещеру эхом вторили ему каким-то угрожающим тоном.

Я понял, что должен повторить эту дикую фразу. И тут началось настоящее безумие. Голос в темноте затянул какую-то дикую литанию, а я и все остальные хором вторили ему. В то же время все, раскачиваясь из стороны в сторону, хлопали себя по коленям, и я следовал их примеру. Мне казалось, что я уже умер и нахожусь на том свете. В темной пещере ужасные темные фигуры, на которые то тут, то там падали слабые блики света, одновременно раскачивались и распевали:

– Не ходить на четвереньках – это Закон. Разве мы не люди?

– Не лакать воду языком – это Закон. Разве мы не люди?

– Не есть ни мяса, ни рыбы – это Закон. Разве мы не люди?

– Не обдирать когтями кору с деревьев – это Закон. Разве мы не люди?

– Не охотиться за другими людьми – это Закон. Разве мы не люди?

И так далее, от таких диких запретов до запретов на поступки, как мне тогда показалось, безумные, невысказанные и потрясающе непристойные. Нами овладел какой-то музыкальный экстаз, мы распевали и раскачивались все быстрее, твердя этот невероятный Закон. Внешне я как будто заразился настроением этих звероподобных людей, но в глубине моей души боролось отвращение и насмешка. Мы перебрали длинный перечень запретов и начали распевать новую формулу:

– *Ему* принадлежит Дом страдания.

– *Его* рука творит.

– *Его* рука поражает.

– *Его* рука исцеляет.

И так далее, снова целый перечень, который почти весь показался мне тарабарщиной о *Нем*, кто бы он ни был. Я мог бы подумать, что все это сон, но никогда не слышал, чтобы пели во сне.

– *Ему* принадлежит молния, – пели мы.

– *Ему* принадлежит глубокое соленое море.

У меня родилось ужасное подозрение, что Моро, превратив этих людей в животных, вложил в их бедные мозги дикую веру, заставил их боготворить себя. Но я слишком хорошо видел сверкавшие зубы и острые когти сидевших вокруг, чтобы перестать петь.

– *Ему* принадлежат звезды на небесах.

Наконец пение окончилось. Я увидел, что все лицо обезьяно-человека покрыто потом, и глаза мои, привыкшие теперь к темноте, отчетливее рассмотрели тварь в углу, откуда слышался хриплый голос. Она была ростом с человека, но как будто покрыта темно-серой шерстью, почти как у шотландских терьеров.

Кто была она?

Кто были все они?

Представьте себя в окружении самых ужасных калек и помешанных, каких только может создать воображение, и вы хоть отчасти поймете, что я испытал при виде этих странных карикатур на людей.

– У него пять пальцев, пять пальцев, пять пальцев, как у меня, – бормотал обезьяно-человек.

Я вытянул руки. Серая тварь в углу наклонилась вперед.

– Не ходить на четвереньках – это Закон. Разве мы не люди? – снова сказала она.

Она протянула свою уродливую лапу и схватила мои пальцы. Ее лапа была вроде оленьего копыта, из которого вырезаны когти. Я чуть не вскрикнул от неожиданности и боли. Эта тварь наклонилась еще ниже и рассматривала мои ногти, она сидела так, что свет упал на нее, и я с

дрождю отвращения увидел, что это не лицо человека и не морда животного, а просто какая-то копна серых волос с тремя еле заметными дугообразными отверстиями для глаз и рта.

– У него маленькие когти, – сказала волосатое чудовище. – Это хорошо.

Оно отпустило мою руку, и я инстинктивно схватился за палку.

– Надо есть коренья и травы – такова *Ego* воля, – произнес обезьяно-человек.

– Я глашатай Закона, – сказала серое чудовище. – Сюда приходят все новички изучать Закон. Я сижу в темноте и возвещаю Закон.

– Да, это так, – подтвердило одно из существ, стоявших у входа.

– Ужасная кара ждет того, кто нарушит Закон. Ему нет спасения.

– Нет спасения, – повторили звероподобные люди, украдкой косясь друг на друга.

– Нет спасения, – повторил обезьяно-человек. – Нет спасения. Смотри! Однажды я совершил провинность, плохо поступил. Я все бормотал, бормотал, перестал говорить. Никто не мог меня понять. Меня наказали, вот на руке клеймо. *Он* добр, *он* велик.

– Нет спасения, – сказала серая тварь в углу.

– Нет спасения, – повторили звероподобные люди, подозрительно косясь друг на друга.

– У каждого есть недостаток, – сказал глашатай Закона. – Какой у тебя недостаток, мы не знаем, но узнаем потом. Некоторые любят преследовать бегущего, подстергать и красться, поджидать и набрасываться, убивать и кусать, сильно кусать, высасывая кровь... Это плохо.

– Не охотиться за другими людьми – это Закон. Разве мы не люди? Не есть ни мяса, ни рыбы – это Закон. Разве мы не люди?

– Нет спасения, – сказала пятнистое существо, стоявшее у входа.

– У каждого есть недостаток, – повторил глашатай Закона. – Некоторые любят выкапывать руками и зубами корни растений, обнюхивать землю... Это плохо.

– Нет спасения, – повторили стоявшие у входа.

– Некоторые скребут когтями деревья, другие откапывают трупы или сталкиваются лбами, дерутся ногами или когтями, некоторые кусаются безо всякой причины, некоторые любят валяться в грязи.

– Нет спасения, – повторил обезьяно-человек, почесывая ногу.

– Нет спасения, – повторило маленькое розовое существо, похожее на ленивца.

– Наказание ужасно и неминуемо. Потому учи Закон. Говори слова. – И он снова принялся твердить слова Закона, и снова я вместе со всеми начал петь и раскачиваться из стороны в сторону.

Голова моя кружилась от этого бормотания и зловония, но я не останавливался в надежде, что какой-нибудь случай меня выручит.

– Не ходить на четвереньках – это Закон. Разве мы не люди?

Мы подняли такой шум, что я не заметил переполоха снаружи, пока кто-то, кажется один из двух свиноподобных людей, которых я уже видел в лесу, не просунул головы над плечом маленького розового существа и возбужденно не закричал чего-то, чего я не расслышал. Тотчас же исчезли все стоявшие у входа, вслед за ними бросился обезьяно-человек, следом – существо, сидевшее в углу. Я увидел, что оно было огромно, неуклюже и покрыто серебристой шерстью. Я остался один.

Едва я успел дойти до выхода, как услышал лай собаки.

Мгновенно я выбежал из пещеры со своей палкой в руке, весь дрожа. Там, повернувшись ко мне своими неуклюжими спинами, стояли около двадцати звероподобных людей, их уродливые головы глубоко ушли в плечи. Они возбужденно жестикулировали. Другие полузверинные лица вопросительно выглядывали из берлог. Взглянув в ту сторону, куда они смотрели, я увидел под деревьями у входа в ущелье бледное, искаженное яростью лицо Моро. Он удерживал собаку, рвавшуюся с поводка. Следом за ним с револьвером в руке шел Монтгомери.

Секунду я стоял, пораженный ужасом.

Потом обернулся и увидел, что сзади ущелье загородило, надвигаясь на меня, звероподобное чудовище с огромным серым лицом и маленькими сверкающими глазками. Я осмотрелся и увидел справа от себя, в десятке шагов, узкую расщелину в каменной стене, через которую в пещеру косо падала полоса света.

– Ни с места! – крикнул Моро, как только заметил мое движение в сторону. – Держите его! – крикнул он.

Все повернулись и уставились на меня. По счастью, их звериные мозги соображали медленно.

Я кинулся на неуклюжее чудовище, которое повернулось, чтобы посмотреть, чего хочет Моро, и сбил его с ног. Желая схватить меня, оно вскинуло руки, но промахнулось. Маленькое ленивцеподобное существо бросилось на меня, но я перескочил через него, ударив по его безобразному лицу палкой с гвоздем. В следующее мгновение я уже карабкался по отвесной расщелине, которая служила здесь своего рода дымоходом. Позади меня раздавались вой и крики:

– Лови его! Держи!

Серое существо бросилось за мной и втиснуло свое огромное туловище в расщелину.

– Лови его, лови! – вопили все.

Я выкарабкался из расщелины на желтую равнину к западу от обиталища звероподобных людей.

Эта расщелина спасла меня: узкая и крутая, она задержала преследователей. Я побежал вниз по белому крутому склону с несколькими редкими деревьями и добрался до лощины, заросшей высоким тростником. Отсюда я попал в темную чашу кустарника, где было так сыро, что вода хлюпала под ногами. Только когда я нырнул в тростник, мои ближайшие преследователи показались на вершине. За несколько минут я пробрался сквозь кустарник. Воздух звенел от угрожающих криков. Я слышал позади себя шум погони, стук камней и треск веток. Некоторые из моих преследователей рычали, совершенно как дикие звери. Слева залаяла собака. Я услышал голоса Моро и Монтгомери и круто повернул вправо. Мне показалось даже, будто Монтгомери крикнул мне, чтобы я не останавливался, если дорожу жизнью.

Скоро почва у меня под ногами стала болотистой и вязкой. Я был в таком отчаянии, что очертя голову пустился по ней, увязая по колена, и с трудом добрался до тропинки, петлявшей в тростнике. Крики моих преследователей теперь слышались левее. Я спугнул трех странных розовых животных величиной с кошку, и они скачками бросились прочь. Тропинка шла в гору; она вывела меня на новую желтую равнину, а оттуда опять вниз, к тростникам.

Вдруг она повернула вдоль отвесного склона оврага, который преградил мне путь так же неожиданно, как ров-сюрприз в английском парке. Я бежал во весь дух и не заметил оврага, пока с разгона не полетел в него вниз головой, вытянув руки.

Я упал прямо в колючие кусты и встал весь ободранный, в крови, с порванным ухом. Овраг был каменистый, поросший кустами, по дну его протекал ручей, а над ручьем стлался туман. Меня поразило, откуда взялся туман в такой жаркий день, но удивляться было некогда. Я повернул вправо, вниз по ручью, надеясь выйти к морю и там утопиться. Тут я заметил, что при падении потерял свою палку с гвоздем.

Скоро овраг стал уже, и я неосмотрительно вошел в ручей. Но я тут же выскочил из него, потому что вода была горячая, почти как кипяток. Я заметил, что по ее поверхности плыла тонкая сернистая накипь. Почти тотчас же за поворотом оврага показался голубеющий горизонт. Близкое море отражало солнце мириадами своих зеркальных граней. Впереди была смерть. Но я был возбужден и тяжело дышал. Кровь текла у меня по лицу и горячо струилась по жилам. Я ликовал, потому что удалось уйти от преследователей. Мне не хотелось топиться. Я обернулся и стал вглядываться в даль.

Я прислушался. Кроме жужжания комаров и стрекотания каких-то маленьких насекомых, прыгавших в колючих кустах, вокруг стояла мертвая тишина. Но вот послышался соба-

чий лай, слабый шум, щелканье бича и голоса. Они то становились громче, то снова слабели. Шум понемногу удалялся вверх по ручью и наконец совершенно затих. На некоторое время я избавился от погони.

Но теперь я знал, как мало помощи можно ждать от звероподобных людей.

XIII Переговоры

Я снова повернулся и пошел к морю. Горячий ручей растекался по тинистой песчаной отмели, где ползало множество крабов и каких-то длиннотелых многоногих животных; услышав мои шаги, они сразу обратились в бегство. Я дошел до самого моря, и мне показалось, что я спасен. Обернувшись назад, я стал смотреть на густую зелень позади меня, словно шрамом прорезанную едва видимым оврагом. Я был слишком взволнован и, по правде говоря (хотя люди, которые никогда не испытывали опасности, не поверят мне), слишком отчаялся, чтобы умирать.

Мне пришла в голову мысль, что у меня есть еще выход. Пока Моро и Монтгомери вместе со звероподобными людьми обшаривают остров в глубине, не могу ли я обойти его по берегу и добраться до ограды? Что, если обойти их с фланга, выломать из ограды камень, сбить замок с маленькой двери и найти какой-нибудь нож, пистолет или другое оружие, а когда они вернутся, вступить в бой? Во всяком случае, я мог бы дорого продать свою жизнь.

Я повернул к западу и пошел по берегу моря. Заходящее солнце слепило меня. Слабый тихоокеанский прилив поднимался с тихим журчанием.

Берег свернул к югу, и солнце очутилось справа от меня. И вдруг далеко впереди из кустов появились сначала одна, а потом несколько фигур. Это были Моро с собакой, Монтгомери и еще двое. Увидя их, я остановился.

Они тоже увидели меня и стали приближаться, размахивая руками. Я стоял, ожидая их. Оба звероподобных человека побежали вперед, чтобы отрезать мне путь к кустам. Монтгомери спешил прямо ко мне. Моро с собакой следовал за ним.

Я наконец опомнился, побежал к морю и бросился в воду. Но у берега было очень мелко. Я прошел не менее тридцати ярдов, прежде чем погрузился по пояс. Видно было, как рыбы удирают от меня в разные стороны.

– Что вы делаете! – крикнул Монтгомери.

Я повернулся к ним, стоя по пояс в воде. Монтгомери остановился, задыхаясь, на самом краю берега. Его лицо было багровым от бега, длинные льняные волосы растрепались, а отвисшая нижняя губа открывала редкие зубы. Тем временем подошел Моро. Лицо его было бледно и решительно; собака залаяла на меня. У обоих в руках были хлысты. Из-за их спин на меня во все глаза глядели звероподобные люди.

– Что делаю? Хочу утопиться, – ответил я.

Монтгомери и Моро переглянулись.

– Почему? – спросил Моро.

– Потому что это лучше, чем подвергнуться вашим пыткам.

– Говорил я вам, – сказал Монтгомери, и Моро что-то тихо ответил.

– Почему вы думаете, что я подвергну вас пыткам? – спросил Моро.

– Потому что я все видел, – ответил я. – И вот эти... вот они!

– Тс! – сказал Моро и предостерегающе поднял руку.

– Я не дамся, – сказал я. – Это были люди. А что они теперь? Но со мной у вас ничего не выйдет.

Я взглянул через их головы. На берегу стояли Млинг, слуга Монтгомери, и одно из закутанных в белое существ с баркаса. Дальше, в тени деревьев, я увидел маленького обезьяно-человека и еще несколько смутных фигур.

– Кто они теперь? – спросил я, указывая на них и все больше повышая голос, чтобы они слышали меня. – Они были людьми, такими же людьми, как вы сами, а вы их сделали животными, вы их поработили и все же боитесь их. Эй, слушайте! – крикнул я, обращаясь к

звероподобным людям и указывая на Моро. – Слушайте! Разве вы не видите, что они оба еще боятся вас, трепещут перед вами? Почему же вы тогда боитесь их? Вас много...

– Прендик! – крикнул Монтгомери. – Ради бога, замолчите!

– Прендик! – подхватил и Моро.

Они кричали оба, стараясь заглушить мой голос. А за их спинами виднелись угрожающие лица звероподобных людей, уродливо висевшие руки и сгорбленные спины. Мне тогда казалось, они старались понять меня, припомнить что-то из своего человеческого прошлого.

Я продолжал кричать, но что – помню плохо. Кажется, что надо убить Моро и Монтгомери, что их нечего бояться. Эти мысли я вложил в головы звероподобных людей на собственную погибель. Я увидел, как зеленоглазый человек в темных лохмотьях, которого я повстречал в первый вечер своего приезда, вышел из-за деревьев, и остальные последовали за ним, чтобы лучше слышать меня.

Наконец я замолчал, переводя дух.

– Выслушайте меня, – сказал решительным голосом Моро, – а потом говорите все, что угодно.

– Ну? – сказал я.

Он откашлялся, подумал и затем воскликнул:

– Латынь, Прендик, я буду говорить на скверной школьной латыни! Но постарайтесь все же понять! *Ni non sunt homines, sunt animalia qui nos habemus...*² в общем... подвергли виссекции. Человекообразовательный процесс. Я вам все объясню. Выходите на берег.

Я засмеялся.

– Ловко придумано! – сказал я. – Они разговаривают, строят жилища, готовят еду. Они были людьми. Так я и выйду на берег!

– Здесь очень глубоко и полно акул.

– Именно это мне и нужно, – сказал я. – Быстро и надежно. Прощайте!

– Подождите! – Он вынул из кармана что-то блестящее, сверкнувшее на солнце, и бросил на землю. – Это заряженный револьвер, – сказал он. – Монтгомери сделает то же самое. Потом мы отойдем по берегу на расстояние, которое вы сами укажете. Тогда вы выйдете и возьмете револьверы.

– Не выйдет. У вас, конечно, есть еще третий.

– Подумайте хорошенько, Прендик. Во-первых, я не звал вас на этот остров. Во-вторых, мы усыпили вас вчера и могли делать с вами что хотели, и, наконец, подумайте, ведь теперь ваш первый страх уже прошел и вы способны соображать, – разве характер Монтгомери подходит к той роли, которую вы ему приписываете? Мы гнались за вами для вашего же блага. Этот остров населен множеством злобных существ. Зачем нам стрелять в вас, когда вы сами только что хотели утопиться?

– А зачем вы напустили на меня своих людей там, в пещере?

– Мы хотели схватить вас и избавить от опасности. А потом мы намеренно потеряли ваш след... для вашего же спасения.

Я задумался. Все это казалось правдоподобным. Но тут я вспомнил кое-что другое.

– Там, за оградой, я видел...

– Это была пума...

– Послушайте, Прендик, – сказал Монтгомери, – вы упрямый осел. Выходите из воды, берите револьверы, и поговорим. Ничего другого не остается.

Должен признаться, что в то время и, по правде сказать, всегда я не доверял Моро и боялся его. Но Монтгомери я понимал.

– Отойдите в сторону, – сказал я и, немного подумав, прибавил: – И поднимите руки.

² Они не люди, а животные, которых мы... (лат.)

– Этого сделать мы не можем, – сказал Монтгомери, выразительно кивая назад. – Слишком унижительно.

– Ну ладно, отойдите тогда к деревьям, – сказал я.

– Вот идиотство! – буркнул Монтгомери.

Оба повернулись туда, где стояли на солнце, отбрасывая длинные тени, шесть или семь уродов – рослые, живые, осязаемые и все же какие-то нереальные. Монтгомери щелкнул хлыстом, и они тотчас врассыпную бросились за деревья. Когда Монтгомери и Моро отошли на расстояние, которое показалось мне достаточным, я выбрался на берег, поднял и осмотрел револьверы. Чтобы удостовериться в отсутствии обмана, я выстрелил в круглый кусок лавы и с удовлетворением увидел, как он рассыпался в темный порошок. Однако я все еще колебался.

– Ладно, рискну, – сказал я наконец и, держа по револьверу в каждой руке, направился к Моро и Монтгомери.

– Вот так-то лучше, – спокойно сказал Моро. – Ведь я потерял все утро из-за ваших проклятых выдумок.

И с оттенком презрения, пристыдив меня, они с Монтгомери повернулись и молча пошли вперед.

Кучка звероподобных людей все еще стояла среди деревьев. Я прошел мимо них, стараясь сохранять спокойствие. Один хотел было последовать за мной, но, как только Монтгомери щелкнул хлыстом, сразу обратился в бегство. Остальные молча следили за нами. Быть может, когда-то они были животными. Но я никогда еще не видел животных, пытавшихся размышлять.

XIV

Объяснения доктора Моро

– А теперь, Прендик, я вам все объясню, – сказал доктор Моро, когда мы утолили голод и жажду. – Должен сознаться, что вы самый деспотический гость, с каким я когда-либо имел дело. Предупреждаю – это последняя уступка, которую я вам делаю. В следующий раз, если вы опять будете угрожать самоубийством, я и пальцем не пошевелю, несмотря на все неприятные последствия.

Он сидел в шезлонге, держа своими белыми тонкими пальцами наполовину выкуренную сигару. Висячая лампа освещала его седые волосы; он задумчиво смотрел через маленькое окошко на мерцающие звезды. Я сел как можно дальше от него, по другую сторону стола, с револьверами в руке. Монтгомери не было. Мне не особенно хотелось очутиться с ними обоими в этой тесной комнате.

– Значит, вы признаёте, что подвергнутое вивисекции человеческое существо, как вы его называли, в конце концов, всего только пума? – спросил Моро.

Он заставил меня посмотреть на этот ужас за оградой и убедиться, что это не человек.

– Да, это пума, – сказал я. – Она еще жива, но до того изрезана и искалечена, что я молю Бога никогда больше не сподобить меня увидеть такое. Из всех гнусных...

– Оставим это, – сказал Моро. – Избавьте меня по крайней мере от ваших юношеских бредней. Монтгомери был таким же. Вы признаёте, что это пума. Теперь сидите смиренно, а я буду излагать вам свои физиологические теории.

Начав свою лекцию тоном человека, крайне раздосадованного, он понемногу увлекся и объяснил мне всю сущность своей работы. Говорил он очень просто и убедительно. По временам в голосе его звучала горькая насмешка. Скоро я почувствовал, что краснею от стыда за себя.

Оказалось, что существа, которых я видел, никогда не были людьми. Это были животные, которые обрели человеческий облик в результате поразительных успехов вивисекции.

– Вы упускаете из виду, что может сделать искусный вивисектор с живым существом, – сказал Моро. – Я же удивляюсь только, почему то, что я здесь сделал, не было сделано уже давно. Слабые попытки вроде ампутации, вырезания языка, удаления различных органов, конечно, делались не раз. Вы, без сомнения, знаете, что косоглазие может быть вызвано и, наоборот, излечено хирургическим путем. После удаления различных органов в человеческом организме происходят некоторые вторичные изменения: меняются пигменты, темперамент, характер образования жировых тканей. Вы, без сомнения, слышали обо всем этом?

– Конечно, – отвечал я, – но эти ваши уроды...

– Всею свое время, – сказал он, останавливая меня движением руки. – Я только начал. Это лишь самые обычные изменения. Хирургия может достичь гораздо большего, она способна не только разрушать, но и созидать. Вы, может быть, слышали о простой операции, которую делают при повреждении носа? Кусочек кожи вырезают со лба, заворачивают книзу на нос и приживляют в новом положении. Это как бы прививка части организма на нем самом. Перенесение материала с одного живого существа на другое также возможно, вспомните, например, о зубах. Обычно пересадка кожи и костей делается для скорейшего заживления. Хирург вставляет в рану нужные кости и прикрывает ее кожей, беря все это у живого или только что убитого животного. Вы слышали, может быть, о петушиной шпоре, которую Хантер привил на шею быку? Вспомните еще о крысах-носорогах, которых делают алжирские зуавы. Эти уродцы фабрикуются тем же способом: отрезанные с хвостов полоски кожи перемещают на морду обыкновенной крысы и приживляют там в новом положении.

– Фабрикуются! – воскликнул я. – Вы хотите этим сказать...

– Да. Существа, которых вы видели, не что иное, как животные, которым нож придал новые формы. Изучению пластичности живых форм я посвятил всю свою жизнь. Я изучал это долгими годами, накапливая постепенно все больше и больше знаний. Я вижу, вы в ужасе, а между тем я не говорю ничего нового. Все это уже много лет лежало на поверхности практической анатомии, но ни у кого не хватало решимости заняться опытами. Я не ограничиваюсь только тем, что могу изменить внешний вид животного. Физиология, химическое строение организма также могут быть подвергнуты значительным изменениям, примером чему служит вакцинация и другие всевозможные прививки, которые, без сомнения, вам хорошо известны. Подобной же операцией является и переливание крови, с изучения которой я, собственно, и начал. Все это родственные случаи. Менее близкими этому и, вероятно, гораздо более сложными были операции средневековых хирургов, которые делали карликов, нищих-калек и всевозможных уродов. Следы этого искусства сохранились и до наших дней в подготовке балаганых фокусников и акробатов. Виктор Гюго рассказал нам об этом в своем «Человеке, который смеется»... Надеюсь, теперь моя мысль вам ясна? Вы начинаете понимать возможность пересадки ткани с одной части тела животного на другую или с одного животного на другое, возможность изменения химических реакций, происходящих в живом существе, характера его развития, действия его членов и даже изменения самой сущности его внутреннего строения?

И все же никто еще не исследовал систематически и до конца эту необыкновенную область знания, пока я не занялся ею. Некоторые случайно наталкивались на нечто подобное при применении новейших достижений хирургии. Большинство таких случаев, которые вы можете вспомнить, были открыты совершенно случайно тиранами, преступниками, дрессировщиками лошадей и собак, всякими необразованными, бездарными людьми, преследовавшими лишь корыстную цель. Я первый занялся этим вопросом, вооруженный антисептической хирургией и подлинно научным знанием законов развития живого организма.

Но есть основания подозревать, что все это уже практиковалось втайне. Возьмем хотя бы сиамских близнецов... А в подземельях инквизиции... Конечно, главной целью инквизиторов была утонченная пытка, но, во всяком случае, некоторые из них должны были обладать известной научной любознательностью...

– Но, – прервал я его, – эти существа, эти животные говорят!

Он подтвердил это и продолжал доказывать, что пределы вивисекции не ограничиваются простыми физическими изменениями. Можно научить чему угодно даже свинью. Духовная область изучена наукой еще меньше физической. С помощью развивающегося в наши дни искусства гипнотизма мы заменяем старые наследственные инстинкты новыми внушениями, как бы делая прививки на почве наследственности. Многое из того, что мы называем нравственным воспитанием, есть только искусственное изменение и извращение природного инстинкта; воинственность превращается в мужественное самопожертвование, а подавленное половое влечение в религиозный экстаз. По словам Моро, главное различие между человеком и обезьяной заключается в строении гортани, в неспособности тонкого разграничения звуков – символов понятий, при помощи которых выражается мысль. В этом я с ним не согласился, но он довольно грубо пропустил мое возражение мимо ушей. Он повторил, что это именно так, и продолжал рассказывать о своей работе.

Я спросил его, почему он взял за образец человеческий облик. Мне казалось тогда и до сих пор кажется, что в этом его выборе крылась какая-то странная озлобленность против человечества.

Он сказал, что выбор был совершенно случайный.

– Конечно, я мог бы точно с таким же успехом переделывать овец в лам и лам в овец, но, мне кажется, есть что-то в человеческом облике, что более приятно эстетическому чувству, чем формы всех остальных животных. Впрочем, я не ограничивался созданием людей. Несколько

раз... – Он помолчал с минуту. – Но как быстро промелькнули все эти годы! Я уже потерял день, спасая вашу жизнь, и теперь теряю целый час на объяснения.

– Но я все еще не понимаю вас, – возразил я. – Чем оправдываете вы себя, причиняя живым существам такие страдания? Единственное, что явилось бы для меня оправданием вивисекции, было бы применение ее для...

– Да, конечно, – перебил он меня. – Но я, как видите, иначе устроен. Мы с вами стоим на различных позициях. Вы материалист.

– Я вовсе *не* материалист, – горячо возразил я.

– С моей точки зрения, конечно, только с моей точки зрения. Потому что мы с вами расходимся именно в этом вопросе о страдании. До тех пор, покуда вы можете видеть мучения, слышать стоны и это причиняет вам боль, покуда ваши собственные страдания владеют вами, покуда на страдании основаны ваши понятия о грехе, до тех пор, говорю вам, вы животное, вы мыслите немногим яснее животного. Это страдание...

Я нетерпеливо пожал плечами в ответ на его словесные ухищрения.

– Ах! Оно ведь так ничтожно! Разум, подлинно открытый науке, должен понимать всю его ничтожность! Быть может, нигде, за исключением нашей маленькой планеты, этого клубка космической пыли, который исчезнет из виду гораздо раньше, чем можно достигнуть ближайшей звезды, быть может, говорю вам, нигде во всей остальной Вселенной не существует того, что мы называем страданием. Там нет ничего, кроме тех законов, которые мы ошупью открываем... И даже здесь, на Земле, даже среди живых существ, что это, собственно, такое – страдание?

С этими словами он вынул из кармана перочинный нож, открыл маленькое лезвие и подвинул свой стул так, чтобы я мог видеть его бедро. Затем, спокойно и тщательно выбрав место, он вонзил себе в бедро нож и вынул его.

– Без сомнения, вы видели это раньше. Нет ни малейшей боли. Что же это доказывает? Способность чувствовать боль не нужна этому мускулу и потому не вложена в него. Чувствовать боль необходимо лишь коже, и потому-то на бедре есть места, способные ее ощущать. Боль – это просто наш советчик, она, подобно врачу, предостерегает и побуждает нас к осторожности. Всякая живая ткань нечувствительна к боли, так же как всякий нерв. В восприятиях зрительного нерва нет и следа боли, действительной боли. Если вы пораните зрительный нерв, у вас просто возникнут огненные круги перед глазами, точно так же как и расстройство слухового нерва выражается просто шумом в ушах. Растения не чувствуют боли, низшие животные, подобные морским звездам и ракам, по-видимому, тоже. Что же касается людей, то чем выше они будут по своему интеллектуальному развитию, тем тщательнее станут заботиться о себе и тем менее будут нуждаться в боли – этом стимуле, ограждающем их от опасности. Я до сих пор не знаю ни одной бесполезной вещи, которую эволюция не устранила бы рано или поздно. А боль становится бесполезной.

Кроме того, Прендик, я верующий, каким должен быть каждый здравомыслящий человек. Быть может, я больше вашего знаю о путях Творца, потому что пытался *по-своему* открыть Его законы всю свою жизнь, тогда как вы, насколько я понял, занимались коллекционированием бабочек. И я повторяю вам: радость и страдание не имеют ничего общего ни с раем, ни с адом. Радость и страдание... Эх! Разве религиозный экстаз ваших теологов – это не райские гурии Магомета? Множество мужчин и женщин, живущих только радостями и страданиями, – разве не носят они на себе, Прендик, печать зверя, от которого произошли! Страдание и радость – они существуют для нас только до тех пор, пока мы ползаем во прахе...

Как видите, я продолжал свои исследования, идя по пути, по которому они сами меня вели. Это единственный путь для всякого исследователя. Я ставил вопрос, находил на него ответ и в результате получал новый вопрос. Возможно ли то или это? Вы не можете себе представить, что значат такие вопросы для исследователя, какая умственная жажда охватывает его!

Вы не можете себе представить странную, непонятную прелесть стремлений мысли! Перед вами уже больше не животное, не создание единого Творца, а только загадка. Жалость... я вспоминаю о ней как о чем-то давно забытом. Я желал – это было единственное, чего я желал, – изучить предельные границы пластичности живого организма.

– Но ведь это ужасно! – сказал я.

– До сих пор меня никогда не беспокоила нравственная сторона дела. Изучение природы делает человека в конце концов таким же безжалостным, как и сама природа. Я работал, думал лишь о своей цели, а то, что получалось... текло туда, в хижины... Прошло одиннадцать лет с тех пор, как мы прибыли сюда: я, Монтгомери и шестеро полинезийцев. Помню зеленое безмолвие острова и безбрежный простор океана, расстилавшегося вокруг нас, так явственно, как будто все было только вчера. Остров, казалось, был специально создан для меня.

Мы разгрузили судно и построили дом. Полинезийцы поставили себе у оврага несколько хижин. Я принялся за работу над тем, что привез с собой. Сначала у меня было несколько досадных неудач. Я начал с овцы и убил ее на второй день неосторожным движением скальпеля. Я принялся за вторую овцу, подверг ее ужасным страданиям, а потом заживил раны. Когда я закончил работу, она показалась мне совсем человеческим существом, но, взглянув на нее некоторое время спустя, я остался неудовлетворен. Разума у этого существа было не больше, чем у обыкновенной овцы. Постепенно меня охватил ужас. Чем больше я смотрел на нее, тем безобразнее она мне казалась, и наконец я убил это страшилище. Эти животные, лишенные всякого мужества, полны страха и страдания, у них нет даже искорки отважной решимости встретить боль лицом к лицу – нет, они совсем не годились для того, чтобы создать человека.

Я взял самца гориллы и, работая с бесконечным старанием, преодолевая одно препятствие за другим, сделал из него своего первого человека. Я работал много недель, днем и ночью. Особенно нуждался в переделке мозга; многое пришлось изменить, многое добавить. Когда я закончил и он лежал передо мной забинтованный, связанный и неподвижный, мне показалось, что это прекрасный образец негроидной расы. Только когда я перестал опасаться за его жизнь, я оставил его и вошел в эту комнату, где застал Монтгомери в таком же состоянии, в каком были и вы. Он слышал крики существа, становившегося человеком, вроде тех, которые вас так взволновали. Сначала я не вполне открылся ему. Полинезийцы тоже видели и поняли кое-что. При виде меня они дрожали от страха. Я отчасти привлек на свою сторону Монтгомери, но труднее всего нам было удержать на острове полинезийцев. В конце концов трое из них все же бежали, и мы лишились яхты. Я долго обучал созданное мной существо – это продолжалось три или четыре месяца. Я научил его немного английскому языку, начаткам счета и даже азбуке. Но все это ему трудно давалось, хотя я встречал и менее понятливых идиотов. Мозг его был совсем чистой страницей: в нем не сохранилось никаких воспоминаний о том, чем он был раньше. Когда его раны совсем зажили, остались только болезненная чувствительность и неловкость движений и он научился немного говорить, я привел его к полинезийцам, чтобы поселить среди них.

Сначала они страшно испугались, что немного обидело меня, потому что я был о нем высокого мнения; но он оказался таким ласковым и забавным, что со временем они привыкли к нему и занялись его воспитанием. Он быстро все схватывал, воспринимал и подражал всему, чему его обучали; он даже построил себе шалаш, который показался мне лучше их собственных хижин. Среди полинезийцев был один, в душе немного проповедник, и он научил его читать или по крайней мере узнавать буквы; он внушил ему также несколько элементарных понятий о нравственности, и, по-видимому, инстинкты гориллы в нем совершенно не проявлялись.

Я несколько дней отдыхал от работы и намеревался послать обо всем отчет в Англию, чтобы заинтересовать английских физиологов. Но однажды, гуляя, я набрел на созданное мной существо; оно сидело на дереве и бормотало что-то непонятное двум дразнившим его поли-

незийцам. Я пригрозил ему, объяснил недостойность такого поведения, вызвал в нем чувство стыда и вернулся домой, решив, что надо достигнуть лучших результатов, прежде чем везти свое творение в Англию. И я достиг лучших результатов, но так или иначе работа моя пропала: в них снова просыпались упорные звериные инстинкты... Я все еще надеюсь на успех. Надеюсь преодолеть все препятствия... Эта пума...

Вот вам и вся история. Полинезийцы все умерли. Один утонул в море, упав за борт баркаса, другой погиб, поранив пятку, в которую каким-то путем попал сок ядовитого растения. Трое уплыли на яхте, и я надеюсь, что они утонули. Последний... был убит. Я стал обходиться без них. Монтгомери сначала вел себя вроде вас, и тогда...

– Что случилось с последним полинезийцем? – резко спросил я. – С тем, который был убит?..

– Дело в том, что, сделав много человекоподобных существ, я в конце концов сделал одного... – Моро замялся.

– Ну?

– Его убили.

– Не понимаю, – сказал я. – Вы хотите сказать...

– Да, оно убило полинезийца. Убило и еще нескольких других существ, которых поймало. Мы охотились за ним два дня. Оно сорвалось с цепи случайно. Я никак не предполагал, что оно убежит. Оно не было закончено. Это был опыт. Получилось существо, не имевшее конечностей, с ужасной мордой, оно пресмыкалось наподобие змеи. Оно было разъярено болью и стало перекатываться по земле, как плавают морская свинья. Несколько дней оно скрывалось в лесу, уничтожая все, что попадалось ему на пути, пока мы не загнали его в северную часть острова. Мы разделились, чтобы окружить его. Монтгомери непременно хотел идти со мной. У того полинезийца было ружье, и когда мы нашли его тело, то увидели, что один из стволов изогнут в виде буквы «S» и прокушен почти насквозь. Монтгомери пристрелил чудовище... С тех пор я делал только людей или же мелких существ.

Он замолчал. Я наблюдал за выражением его лица.

– Так работаю я вот уже двадцать лет, считая девять лет в Англии, и в каждом вновь созданном мной существе есть изъяны, которые вызывают неудовлетворенность, побуждают к дальнейшим попыткам. Иногда я поднимаюсь над обычным уровнем, иногда опускаюсь ниже его, но никогда не достигаю идеала. Человеческий облик я придаю теперь животному почти без труда, я умею наделить его гибкостью и грациозностью или огромными размерами и силой, но все же и теперь у меня часто бывают затруднения с руками и когтями: они такие тонкие и чувствительные, что я не решаюсь свободно изменять их форму. Но главная трудность заключается в изменении формы мозга. Умственное развитие этих созданий бывает иногда непостижимо низким, со странными провалами. И совсем не дается мне нечто, чего я не могу найти, нечто лежащее в самой основе эмоций. Все стремления, инстинкты, желания, вредные для человечества, вдруг прорываются и захлестывают мое создание злобой, ненавистью или страхом. Вам эти твари кажутся странными и отталкивающими с первого взгляда, мне же, после того как я их окончу, они представляются бесспорно человеческими существами. И только после того, как я понаблюдаю за ними, уверенность эта исчезает. Обнаруживается сначала одна звериная черта, потом другая... Но я еще надеюсь победить. Всякий раз, как я погружаю живое существо в купель жгучего страдания, я говорю себе: на этот раз я выжгу из него все звериное, на этот раз я сделаю разумное существо. И, собственно говоря, что такое десять лет? Человек формировался тысячелетиями... – Он грустно задумался. – Но я приближаюсь к цели... Эта пума...

Помолчав, он продолжал:

– А все же они возвращаются к своему первоначальному состоянию. Как только я оставляю их, зверь начинает выползать, проявляться...

Он снова замолчал.

– Вы держите свои создания в этих пещерах? – спросил я.

– Да. Я бросаю их, когда начинаю чувствовать в них зверя, и они сами быстро попадают туда. Все они боятся этого дома и меня. У них там некая пародия на человеческое общество. Монтгомери знает их жизнь, так как играет роль посредника. Он приучил нескольких из них служить нам. Мне кажется, хоть он и стыдится в этом сознаться, он жалеет эти создания. Но это – его личное дело. Во мне они вызывают только чувство неудовлетворенности. Я ими больше не интересуюсь. Кажется, они следуют наставлениям обучавшего их проповедника-полинезийца и устроили жалкое подобие разумной жизни. Бедные твари! У них есть то, что они называют Законом. Они поют гимны, в которых говорится, будто все принадлежит мне, их творцу. Они сами делают себе берлоги, собирают плоды, травы и даже заключают браки. Но я вижу их насквозь, вижу самую глубину их душ и нахожу там только зверя. Их звериные инстинкты и страсти продолжают жить и искать выхода... Все же они странные существа. Сложные, как и все живое. В них есть своего рода высшие стремления – частью тщеславие, частью бесплодное половое влечение, частью любопытство... Все это только смешит меня... Но я возлагаю большие надежды на эту пуму; я усиленно работаю над ее мозгом...

Он долго сидел молча. Мы оба были погружены в свои мысли.

– Ну, – сказал он наконец, – что вы обо всем этом думаете? Все ли еще боитесь меня?

Я взглянул на него и увидел лишь бледного, седого старика со спокойным взглядом. Это спокойствие делало его лицо почти красивым, и лишь великолепное сложение могло бы выделить его среди сотни добродушных стариков. Я вздрогнул. Вместо ответа я протянул ему оба револьвера.

– Оставьте их при себе, – сказал он, удерживая зевок.

Он встал, пристально посмотрел на меня и улыбнулся.

– Вы провели два бурных дня, – сказал он. – Я посоветовал бы вам уснуть. Я рад, что все выяснилось. Спокойной ночи!

Он задумчиво постоял на пороге и вышел через внутреннюю дверь. Я тотчас же запер на ключ наружную.

Потом я снова сел и сидел в каком-то оцепенении, чувствуя себя до того усталым, умственно и физически, что решительно не в силах был ни о чем думать. Темное окно, словно глаз, смотрело на меня. Наконец я заставил себя потушить лампу и лечь в гамак. Вскоре я заснул.

XV

Звероподобные люди

Я проснулся рано. И сразу мне ясно вспомнился весь вчерашний разговор с Моро. Выбравшись из гамака, я подошел к двери и убедился, что она заперта. Потом я потрогал решетку окна и нашел ее достаточно прочной. Поскольку эти человекоподобные существа были только уродливыми чудовищами, дикой пародией на людей, я не мог себе представить, чего от них можно ожидать, и это было гораздо хуже всякого определенного страха. Кто-то постучался в дверь, и я услышал невнятное бормотание Млинга. Я сунул в карман один из револьверов и, сжимая его рукоятку, открыл дверь.

– С добрым утром, сэр, – сказал он, внося, кроме обычного завтрака из овощей, плохо приготовленного кролика. Вслед за ним вошел Монтгомери. Его бегающие глаза скользнули по моей руке, засунутой в карман, и он криво усмехнулся.

Пуму в тот день оставили в покое, чтобы зажили раны, но Моро все же предпочитал уединение и не присоединился к нам. Я принялся расспрашивать Монтгомери, чтобы выяснить образ жизни звероподобных людей. Особенно мне хотелось знать, что удерживало этих страшилищ от нападения на Моро и Монтгомери и от уничтожения друг друга.

Он объяснил, что Моро, как и он сам, живет в относительной безопасности благодаря ограниченному умственному кругозору этих созданий. Хотя, с одной стороны, они умственно выше обыкновенных животных, а с другой – их звериные инстинкты готовы пробудиться, они, по словам Монтгомери, всегда жили под влиянием неких незыблемых понятий, внушенных им Моро, которые, безусловно, сковывали их волю. Они были загипнотизированы, им внушили немыслимость одних вещей и непозволительность других, и все эти запреты так прочно укоренились в их несовершенном мозгу, что исключали всякую возможность неповиновения. Однако кое в чем старый звериный инстинкт противоречил внушениям Моро. Множество запретов, называемых ими Законом (я их уже слышал), вступали в противодействие с глубоко укоренившимися, вечно мятежными устремлениями животной природы. Они всегда твердили этот Закон и, как я увидел впоследствии, всегда нарушали его. Моро и Монтгомери особенно заботились о том, чтобы они не узнали вкуса крови. Это неизбежно вызвало бы самые опасные последствия.

Монтгомери сказал, что страх перед Законом, особенно среди существ из семейства кошачьих, необычайно ослабевал с наступлением ночи; в это время зверь просыпался в них с особенной силой. С приближением сумерек у них появлялось желание охотиться, и они отваживались на такие вещи, о которых днем и не помышляли. Именно поэтому леопардо-человек пустился за мной в погоню в первый вечер моего приезда. Но в начале моего пребывания на острове они нарушали Закон украдкой, и то лишь с наступлением ночи; при свете дня все они свято почитали веления Закона.

А теперь приведу кое-какие общие сведения об острове и его звероподобных обитателях. Остров – низкий, с извилистыми берегами – имел площадь в семь или восемь квадратных миль³. Он был вулканического происхождения, и с трех сторон его окаймляли коралловые рифы. Несколько дымившихся трещин на севере да горячий источник были теперь единственными признаками создавших его некогда сил. По временам ощущались слабые подземные толчки и из трещин вырывались клубы пара. Но этим все и ограничивалось. На острове, как сообщил мне Монтгомери, жило более шестидесяти странных существ, созданных Моро, не считая мелких уродцев, которые обитали в кустарнике и не имели человеческого облика. В

³ Это описание в точности соответствует острову Ноубл. – Ч. Э. Л.

общей сложности Моро изготовил их около ста двадцати, но одни умерли сами, а другие, вроде безногого пресмыкающегося, о котором он мне рассказал, были убиты. Монтгомери рассказал мне также, что они были способны размножаться, но их потомство не наследовало от родителей человеческих черт и вскоре умирало. Некоторым Моро успел придать человеческий облик. Существ женского пола было меньше, за ними тайно ухаживали многие, несмотря на однобрачие, предписываемое Законом.

Я не могу подробно описать этих звероподобных людей; глаз мой не привык замечать подробности, и рисовать я, к сожалению, не умею. Больше всего поражали меня их короткие по сравнению с телом ноги; и все же – так относительно наши представления о красоте – глаз мой постепенно настолько привык к их виду, что мои собственные длинные ноги стали в конце концов казаться мне неуклюжими. Кроме того, лица у этих созданий были вытянуты вперед, спины сгорблены совсем не так, как у людей. Даже у обезьяно-человека не было красивой, чуть вогнутой линии спины, придающей такую грацию человеческой фигуре. У большинства из них плечи неуклюже сутулились, короткие руки вяло висели по сторонам. Лишь немногие густо обросли шерстью, во всяком случае, так было до самого конца моего пребывания на острове.

Кроме того, бросалась в глаза уродливость их лиц. Почти у всех были выдававшиеся вперед челюсти, безобразные уши, широкие носы, косматые или жесткие волосы и глаза странного цвета или странным образом посаженные. Никто из них не умел смеяться, и только обезьяно-человек как-то странно хихикал. Помимо этих общих черт, в их внешности было мало сходства, каждый сохранил признаки своей породы; человеческий облик не мог полностью скрыть леопарда, быка, свинью или какое-нибудь другое животное, а иногда и нескольких животных, из которых было сделано каждое существо. Голоса их сильно отличались друг от друга. Руки всегда были уродливы; и хотя некоторые поражали меня своим сходством с человеческой рукой, но почти все обладали разным числом пальцев, имели грубые ногти и были лишены тонкости осязания.

Страшнее всех были леопардо-человек и существо, созданное из гиены и свиньи. Трое человеко-быков, которые втаскивали на берег баркас, превосходили их величиной. За ними следовали косматый глашатай Закона, Млинг и сатиropодобное существо – помесь обезьяны и козла. Еще было три человеко-борова, одна женщина-свинья, помесь кобылы с носорогом и несколько других существ женского пола, происхождение которых я не мог определить. Было несколько человеко-волков, медведе-вол и человеко-сенбернар. Про обезьяно-человека я уже рассказывал; кроме него, была еще омерзительная, вонючая старуха, сделанная из лисицы и медведицы. Я возненавидел ее с первого взгляда. Говорили, что она страстная почитательница Закона. Меньше по величине были несколько пятнистых молодых тварей и ленивцеподобное существо. Но довольно этого перечня.

Сначала я испытывал отвращение при виде этих уродов и слишком остро чувствовал, что они все же оставались зверьми, но постепенно стал привыкать к ним и относился к ним почти как Монтгомери. Он жил с ними уже так долго, что начал смотреть на них как на обыкновенных людей, прошедшая жизнь в Лондоне казалась ему навеки исчезнувшим сном. Только раз в год он отправлялся в Арику к торговцу животными. Там, в селении испанских метисов-мореходов, он едва ли видел прекрасные экземпляры человеческого рода. Люди на судне, по его словам, сначала казались ему точь-в-точь такими же странными, какими показались мне существа на острове, – с неестественно длинными ногами, плоскими лицами, выпуклыми лбами, подозрительные, опасные и бессердечные. Он не любил людей. Ко мне он, по его мнению, почувствовал симпатию только потому, что спас мне жизнь.

Мне даже казалось, что он чувствовал тайное влечение к некоторым из этих преобразенных созданий, какую-то порочную симпатию, которую вначале старался скрыть от меня.

Млинг, темнолицый слуга Монтгомери, первый из зверолов, которого я встретил, жил не в пещерах с остальными своими собратьями, а в маленькой конуре за оградой. Он едва

ли был такой же развитой, как обезьяно-человек, но гораздо более кроткий и больше всего похож на человека. Монтгомери выучил его стряпать и исполнять домашние обязанности. Он представлял собой сложный трофей ужасного искусства Моро, помесь медведя, собаки и быка, одно из тщательнейше сделанных созданий. К Монтгомери он относился с удивительной нежностью и преданностью; тот иногда замечал это, ласкал его, называл полушутливыми именами, заставлявшими Млинга скакать от восторга; иногда же он дурно обращался с ним, особенно после нескольких рюмок коньяку, награждал его пинками, забрасывал камнями или зажженными спичками. Но как бы ни обращался с ним Монтгомери, Млинг больше всего на свете любил быть возле него.

Постепенно я настолько привык к зверолюдям, что тысячи вещей, раньше казавшихся мне дикими и отталкивающими, скоро сделались обыкновенными и естественными. Вероятно, окружающая обстановка на все накладывает свой отпечаток. Монтгомери и Моро были слишком необычайные и своеобразные люди, чтобы я мог сохранить в их обществе представление о человеке. Когда я видел, как один из неуклюжих человеко-быков, разгружавших баркас, тяжело ступая, шагал среди кустов, то невольно старался вспомнить: чем же отличается он от настоящего крестьянина, плетущегося домой после оупляющего труда? Когда я встречал полулисицу-полумедведицу с подвижным лукавым лицом, удивительно похожим на человеческое благодаря своей хитрости, мне казалось, что я уже раньше встречал ее в каком-то городе.

Конечно, по временам зверь проявлялся без всякого сомнения. Я видел, например, уродливое существо, похожее на сторбленного дикаря, сидевшее на корточках у входа в одну из берлог; иногда оно вытягивало руки и принималось зевать, неожиданно открывая при этом острые как бритвы резцы и сильные, блестящие, как ножи, клыки. Или же, взглянув неожиданно смело в глаза какому-нибудь гибкому, закутанному в белое женственному созданию, встреченному на узкой тропинке, я видел вдруг (содрогаясь от отвращения), что глаза ее похожи на шелки, или же, скользнув по ней взглядом, замечал изогнутый ноготь, которым она придерживала свое безобразное одеяние. Крайне любопытно, хотя я никак не могу себе это объяснить, что эти странные твари – я говорю о существах женского пола – в первое время инстинктивно чувствовали свое отталкивающее безобразие и даже больше, чем обыкновенные люди, следили за своей одеждой.

XVI

Зверолюди узнают вкус крови

Как всякий неопытный писатель, я то и дело уклоняюсь от темы. Позавтракав с Монтомгери, мы пошли пройтись по острову, посмотреть на дымившуюся трещину и на горячий источник, в воды которого я попал накануне. У нас обоих были хлысты и заряженные револьверы. Когда мы шли через густые заросли, до нас донесся писк кролика. Мы остановились и прислушались, но, не услышав больше ничего, продолжали путь, вскоре совершенно забыв об этом. Монтгомери указал мне на нескольких маленьких розовых существ с длинными задними ногами, которые прыгали среди кустов. Он сказал, что эти существа Моро сделал из потомства зверолов. Вначале он думал, что эти существа могут служить для пищи, но они пожирали своих детенышей, так что из этого ничего не вышло. Я уже видел нескольких таких существ: одного – во время ночного бегства от леопардо-человека, а другого – накануне, когда за мной гнался Моро. Случайно один из них, удирая от нас, попал в яму от вырванного с корнем дерева. Прежде чем он успел выбраться, нам удалось поймать его. Он визжал, шипел, как кошка, царапался, отчаянно брыкался задними ногами, пытался даже укусить нас, но зубы его были слишком слабы и способны лишь слабо ущипнуть кожу. Это существо показалось мне довольно привлекательным, и, так как Монтгомери подтвердил, что оно никогда не портит землю рытьем нор и очень чисто и плотно в своих привычках, я решил, что оно с успехом могло бы заменить обыкновенных кроликов в загородных парках.

Дальше мы увидели дерево, кора с которого была содрана длинными полосами.

Монтгомери указал мне на него.

– «Не обдирать когтями кору с деревьев – это Закон», – сказал он. – Только вот многие ли из них исполняют это!

Вскоре, насколько помню, мы встретили сатири- и обезьяно-человека. Сатира Моро сделал, вспомнив все, что знал о древности, – у него было козлиное лицо грубо еврейского типа, неприятный блеющий голос и ноги, какие принято изображать у черта. Когда мы проходили мимо, он глодал какие-то стручки. Оба они приветствовали Монтгомери.

– Здравствуй, второй с хлыстом! – сказали они.

– Теперь есть еще третий с хлыстом, – сказал Монтгомери, – запомните это хорошенько!

– Разве его не сделали? – спросил обезьяно-человек. – Он сказал, что его сделали.

Сатири-человек с любопытством посмотрел на меня.

– Третий с хлыстом, он плакал и шел в море, у него худое, бледное лицо.

– У него тонкий, длинный хлыст, – прибавил Монтгомери.

– Вчера он был в крови и плакал, – сказал сатир. – У вас никогда не идет кровь, и вы не плачете. У господина никогда не идет кровь, и он никогда не плачет.

– Ах ты, бродяга! – сказал Монтгомери. – Берегись, не то сам будешь в крови и будешь плакать.

– У него пять пальцев; он человек с пятью пальцами, как и я, – сказал обезьяно-человек.

– Пойдемте, Прендик, – сказал Монтгомери, взяв меня за руку, и мы пошли дальше.

Сатир и обезьяно-человек стояли, следя за нами и переговариваясь.

– Он молчит, – сказал сатир. – А у людей есть голоса.

– Вчера он просил меня дать ему поесть, – сказал обезьяно-человек. – Он не знал, где достать.

Больше я ничего не расслышал, до меня донесся только смех сатира.

На обратном пути мы набрали на мертвого кролика. Красное тельце несчастного создания было растерзано на куски, ребра ободраны до костей, мясо с хребта кто-то явно обгрыз.

Увидев это, Монтгомери остановился.

– Боже мой! – сказал он, нагнувшись и подняв несколько раздробленных позвонков, чтобы получше рассмотреть их. – Боже мой, – повторил он, – что это?

– Кто-нибудь из ваших хищников вспомнил свои старые привычки, – сказал я, помолчав. – Эти позвонки прокушены насквозь.

Монтгомери стоял, не сводя глаз с позвонков, бледный, с перекошенным ртом.

– Плохо дело, – сказал он.

– Я уже видел нечто в этом роде, – заметил я, – в первый же день.

– Черт побери! Что же именно?

– Кролика с оторванной головой.

– В первый день?

– Да, в первый день. В кустарнике, за оградой, когда я ушел вечером из дому. Голова у него была оторвана.

Он протяжно свистнул.

– Более того, я догадываюсь, кто это сделал. Это, конечно, только догадка. Прежде чем набрести на того кролика, я видел, как один урод пил из ручья.

– Лакал воду?

– Да.

– «Не лакать воду языком – это Закон». Хорошо же они его исполняют, когда Моро нет поблизости!

– Он же потом гнался за мной.

– Ясное дело, – сказал Монтгомери, – все хищники таковы. Убив жертву, они пьют. Вкус крови, вот в чем все дело. А каков он был с виду? Узнали бы вы его?

Стоя над мертвым кроликом, он озирался вокруг, всматриваясь в глубину зарослей, где таилась опасность.

– Он отведал, – сказал Монтгомери.

Вынув револьвер и убедившись, что он заряжен, Монтгомери снова спрятал его в карман. Затем он принялся теревить свою отвисшую губу.

– Мне кажется, я узнал бы этого уroda. Я оглушил его камнем. У него должна была остаться ирзрядная шишка на голове.

– Но ведь нужно *доказать*, что это он загрыз кролика, – сказал Монтгомери. – Жалею, что привез их сюда.

Я хотел было идти дальше, но он все стоял в нерешительности над кроликом. Заметив это, я отошел подальше в сторону.

– Идемте, – позвал я его.

Он мгновенно вышел из задумчивости и направился ко мне.

– Видите ли, – сказал он, понизив голос, – им внушили, что нельзя есть ничего бегающего по земле. Если кто-нибудь из них случайно вкусил крови...

Некоторое время мы шли молча.

– Удивляюсь, как это могло случиться, – сказал он, обращаясь сам к себе. – Вчера я совершил глупость, – добавил он, помолчав. – Мой слуга... Я показал ему, как свежевать и жарить кролика. И странное дело... Я видел, как он облизывал пальцы... Раньше я ничего такого за ним не замечал. Мы должны положить этому конец. Надо обо всем рассказать Моро.

На обратном пути к дому он только об этом и думал.

Моро отнесся к происшедшему еще серьезнее Монтгомери, и страх их невольно передался мне.

– Нужно принять меры, – сказал Моро. – Лично у меня нет ни малейшего сомнения, что виновник – леопардо-человек. Но как это доказать? Очень жаль, Монтгомери, что вы не оставили свои гастрономические наклонности при себе; можно было отлично обойтись без таких провоцирующих новшеств. А теперь мы рискуем попасть в переплет.

– Я был ослом, – сознался Монтгомери. – Но дело сделано. Помните, вы сами велели мне купить кроликов?

– Надо сразу этим заняться, – сказал Моро. – Если что-нибудь случится, Млинг сумеет защитить себя?

– Я вовсе не так уверен в Млинге, а ведь я как будто достаточно хорошо его знаю.

В тот же день Моро, Монтгомери, я и Млинг отправились на другой конец острова, к хижинам. Все были вооружены. Млинг нес небольшой топор, которым он обыкновенно рубил дрова, и несколько мотков проволоки. У Моро через плечо висел большой пастушеский рог.

– Вы увидите собрание звероловцев, – сказал мне Монтгомери. – Это любопытное зрелище.

Моро за всю дорогу не произнес ни слова, и его решительное седебородое лицо было угрюмо.

Мы перебрались через овраг, по которому протекал горячий ручей, и, пройдя извилистой тропинкой сквозь тростники, добрались до большой равнины, покрытой густым желтоватым слоем. Это, по-видимому, была сера. Вдали, за отмелью, блестел океан. Мы остановились у большого естественного амфитеатра. Моро протрубил в рог, и звуки его нарушили тишину тропического полдня. Легкие у Моро, по-видимому, были здоровые. Звуки становились все оглушительней, и со всех сторон их подхватывало эхо.

– Уф! – сказал Моро, опуская рог.

В тростниках послышался шорох, и из густых зеленых зарослей на болоте, по которому я бежал накануне, раздались голоса. Затем с трех или четырех сторон желтой равнины показались нелепые фигуры спешивших к нам звероловцев.

Меня снова охватил ужас, когда я увидел, как один за другим неуклюже появлялись эти чудовища из-за деревьев и тростников, ковыляя по горячей пыли.

Но Моро и Монтгомери смотрели на это довольно хладнокровно, и я невольно держался рядом с ними. Первым прибежал сатир, какой-то совсем нереальный, несмотря на отбрасываемую им тень и летевшую из-под копыт пыль. Потом появилось из чащи новое страшилище – смесь лошади и носорога, – оно и сейчас на ходу жевало солому; вслед за ним появилась женщина-свинья и обе женщины-волчихи, потом ведьма, полулиса-полумедведица, со своим заостренным красным лицом и красными глазами, а за ней остальные. Все страшно торопились. Подходя, они низко кланялись Моро и, не обращая внимания друг на друга, пели слова второй части Закона: «*Ego* рука поражает. *Ego* рука исцеляет...» И так далее...

Подойдя шагов на тридцать, они остановились, опустили на землю и принялись посыпать головы пылью. Представьте себе только эту картину! Мы трое, одетые в синие одежды, и безобразный темнолицый слуга стояли под высоким, залитым солнцем небом, окруженные этими павшими ниц, размахивавшими руками страшилищами, одни из которых были совершенно похожи на людей, кроме еле уловимого отличия в выражении лиц и жестах, другие – какие-то калеки и, наконец, третьи – до того обезображенные, что они походили на болезненные видения из ужасных кошмаров, а позади с одной стороны – колеблющийся тростник, с другой – густые пальмы, отделявшие нас от оврага с его пещерами, а к северу – туманная даль Тихого океана.

– Шестьдесят два, шестьдесят три, – считал Моро. – Недостает четвертых!

– Не вижу леопардо-человека, – сказал я.

Моро снова протрубил в рог, и при звуке его все звероловцы стали корчиться и ползать по земле.

И вот из камышей, украдкой, пригибаясь и стараясь за спиной Моро присоединиться к остальным, появился леопардо-человек. Я увидел шишку у него на лбу. Последним появился маленький обезьяно-человек. Остальные, уставшие ползать в пыли, бросали на него злобные взгляды.

– Довольно, – решительно произнес Моро, и вся звериная братия, усевшись на землю, прекратила славословия.

– Где глашатай Закона? – спросил Моро, и косматое страшилище склонилось до самой земли.

– Говори, – сказал Моро, и тотчас все собрание, преклонив колени, раскачиваясь из стороны в сторону и подбрасывая в воздух куски серы сначала правой рукой, а потом левой, снова принялось распевать свою удивительную литанию.

Когда они дошли до слов: «Не есть ни мяса, ни рыбы – это Закон», Моро поднял тонкую белую руку.

– Довольно! – крикнул он, и сразу воцарилась мертвая тишина.

Мне кажется, все они знали и боялись предстоящего. Взгляд мой пробежал по их странным лицам. Видя, как они дрожат, какой ужас застыл в их глазах, я удивился самому себе, принявшему их некогда за людей.

– Этот запрет был нарушен, – сказал Моро.

– Нет спасения, – произнесло безликое косматое чудище.

– Нет спасения, – повторило за ним все собрание звероловцев.

– Кто нарушил Закон? – крикнул Моро, обводя глазами их лица и щелкая хлыстом.

Я заметил, что у гиено-свиньи, так же как и у леопардо-человека, был смущенный вид. Моро замолчал, глядя в упор на существа, которые пресмыкались пред ним, помня испытанные ими нестерпимые страдания.

– Кто нарушил Закон? – повторил Моро громовым голосом.

– Горе тому, кто нарушает Закон! – пропел глашатай Закона.

Моро посмотрел прямо в глаза леопардо-человека таким взглядом, как будто хотел заглянуть в самую глубину его души.

– Тот, кто нарушает Закон... – начал Моро с оттенком торжества, отведя глаза от своей жертвы и повернувшись к остальным.

– ...возвращается в Дом страдания! – подхватили все хором. – Возвращается в Дом страдания, о господин!

– В Дом страдания, в Дом страдания! – заболтал обезьяно-человек, как будто эта мысль была ему очень приятна.

– Ты слышишь? – сказал Моро, поворачиваясь к преступнику. – Друзья... Эй!

Он не договорил, так как леопардо-человек, избавившись от гипноза его взгляда, вскочил с горящими глазами и, обнажив хищные, сверкающие клыки, бросился на своего мучителя. Я убежден, что только безумный и невыносимый ужас мог быть причиной такого нападения. Все шестьдесят с лишним чудовищ вскочили. Я выхватил револьвер. Человек и его творение столкнулись. Я увидел, как от удара леопардо-человека Моро пошатнулся. Вокруг раздавались дикие крики и завывания.

Все завертелось вихрем. С минуту я думал, что поднялся общий бунт.

Разъяренное лицо леопардо-человека мелькнуло предо мной – его преследовал Млинг. Я увидел, как сверкали желтые глаза гиено-свиньи, – казалось, она готова была кинуться на меня. А из-за ее сутулых плеч горели глаза сатира. Я услышал выстрел Моро и увидел вспышку, озарившую возбужденную толпу. Вся она колыхнулась, увлекая меня за собой. И через мгновение я уже мчался среди дико вопившей толпы вслед за леопардо-человеком.

Вот все, что я помню. Я видел, как леопардо-человек ударил Моро, а потом все завертелось вокруг меня, и я бежал со всех ног.

Млинг был впереди, преследуя беглеца по пятам. За ним, высунув языки, большими прыжками бежали женщины-волчихи. Визжа от возбуждения, люди-свиньи и оба человеко-быка в своих белых одеждах скакали за ними. Следом бежал Моро, окруженный толпой звероловцев. Его широкополую соломенную шляпу сорвал ветер, в руке он сжимал револьвер,

и его длинные седые волосы развевались. Гиено-свинья держалась рядом со мной, украдкой поглядывая на меня своими хищными глазами. Остальные с криком и шумом следовали за нами.

Леопардо-человек продирался сквозь высокие тростники, которые, качаясь, хлестали по лицу Млинга. Все остальные, добежав до тростника, бросились по их следам. Так мы бежали через тростник, вероятно, с четверть мили, а потом очутились в густом лесу, где двигаться было очень трудно, хотя бежали мы большой толпой: ветки стегали нас по лицу, цепкие лианы хватили за шею или обвивались вокруг ног, колючки рвали одежду и царапали тело.

– Он пробежал здесь на четвереньках, – задыхаясь, проговорил Моро, оказавшийся теперь впереди меня.

– Нет спасения, – сказал волко-медведь, возбужденный погоней, смеясь мне прямо в лицо.

Мы снова очутились среди скал и увидели беглеца: он удирал на четвереньках и рычал на нас, оборачиваясь через плечо. В ответ на это рычание раздался восторженный вой волчьей братии. На беглеце все еще была одежда, и издали лицо его казалось человеческим, но поступь была кошачья, а быстрые движения лопаток выдавали преследуемого зверя. Он перепрыгнул через какие-то колючие кусты с желтоватыми цветами и скрылся из виду. Млинг был почти у кустов.

Большинство из нас уже не могло бежать так быстро и замедлило шаг. Когда мы проходили по открытому месту, я увидел, как сильно растянулись преследователи. Гиено-свинья все еще бежала рядом со мной, не сводя с меня глаз, и по временам насмешливо хрюкала.

Леопардо-человек, добравшись до скал и заметив, что так он попадет на мыс, где крался за мной в первый вечер моего прибытия, повернул обратно в кустарник. Но Монтгомери, заметив этот маневр, заставил его отступить.

Так, задыхаясь, спотыкаясь о камни, исцарапанный колючками, продираясь сквозь тростники и папоротники, я помогал преследовать леопардо-человека, который нарушил Закон, а гиено-свинья, дико смеясь, бежала рядом со мной. Я шатался, голова моя кружилась, сердце бешено стучало, я изнемогал, но не терял остальных из виду, так как иначе я остался бы один на один с этим ужасным чудовищем. И я продолжал бежать, несмотря на свою бесконечную усталость и полуденную жару.

Наконец пыл погони начал угасать. Мы загнали несчастного на край острова. Моро с хлыстом в руке выстроил нас в неровную шеренгу, и мы медленно двигались, перекликаясь друг с другом и стягивая кольцо вокруг своей жертвы.

Она притаилась, бесшумная и невидимая, в том самом кустарнике, где я спасался от нее во время полуденной погони.

– Осторожно, – кричал Моро, – осторожно!

А мы тем временем охватывали кустарник и окружали беглеца.

– Остерегайтесь нападения! – слышался из-за чащи голос Монтгомери.

Я был на склоне холма, над кустарником. Монтгомери и Моро внизу обшаривали берег. Мы медленно продвигались среди переплетенных ветвей и листьев. Беглец не шевелился.

– Возвращается в Дом страдания, в Дом страдания, в Дом страдания! – раздавался где-то шагах в двадцати голос обезьяно-человека.

Услышав это, я простил несчастному тот страх, который он заставил меня пережить. Я услышал, как справа от меня затрепали ветки и сучья под тяжелыми шагами лошади-носорога. И вдруг сквозь густо переплетенную зелень в полутьме пышной растительности я увидел преследуемого. Я остановился. Он весь съезжился, обернувшись через плечо, его блестящие зеленые глаза смотрели на меня.

Вам это может показаться странным и противоречивым – я не могу этого объяснить, – но теперь, видя существо в истинно звериной позе, со сверкающими глазами, с его не вполне

человеческим лицом, перекошенным от ужаса, я снова почувствовал в нем что-то человеческое. Еще одно мгновение – и остальные преследователи увидят и схватят его, чтобы еще раз подвергнуть ужаснейшим пыткам в Доме страдания.

Я решительно выхватил револьвер, прицелился ему прямо между глаз, в которых застыл ужас, и выстрелил.

В это время гиено-свинья тоже увидела его и, пронзительно завизжав, вонзила зубы в его шею. Зеленая чаща вокруг меня заколыхалась и затрещала, так как зверолоды всей толпой кинулись туда один за другим.

– Не убивайте его, Прендик! – кричал Моро. – Не убивайте!

Я увидел, как он нагнулся, пробираясь среди папоротников.

Через мгновение он уже отогнал гиено-свинью ударом хлыста и вместе с Монтгомери осаживал от все еще трепетавшего тела возбужденную, кровожадную толпу, среди которой особенно напирал Млинг.

Косматое страшилище подошло к трупу, проскользнув у меня под рукой, и стало нюхать воздух. Остальные в пылу звериного восторга толкали меня, чтобы пробраться поближе.

– Черт вас побери, Прендик! – сказал Моро. – Он был мне нужен.

– Очень жаль, – отозвался я, хотя в действительности нисколько не сожалел о сделанном. – Это был мгновенный порыв.

Я чувствовал себя совсем больным от возбуждения и усталости. Повернув назад, я растолкал толпу и один пошел вверх по склону к самой возвышенной части мыса. Я услышал, как Моро громко отдал распоряжения, и трое закутанных в белое человеко-быков поволокли жертву к воде.

Мне было нетрудно остаться одному. Зверолоды проявили чисто человеческое любопытство по отношению к мертвому и валили за ними густой толпой, сопя и ворча. Человеко-быки тащили его вниз, к берегу. Я направился к мысу и смотрел, как они, вырисовываясь темными силуэтами на фоне вечернего неба, волокли к морю тяжелое тело, и, как нахлынувшая волна, в моем уме промелькнула мысль о страшной бесцельности событий, происходивших на острове. На берегу среди скал стояли обезьяно-человек, гиено-свинья и несколько других зверолодей, окружив Монтгомери и Моро. Все они были еще сильно возбуждены и шумно выражали свою преданность Закону. Но я был глубоко убежден, что гиено-свинья была тоже причастна к убийству кроликов. Меня охватила странная уверенность, что, несмотря на всю нелепость и необычайность форм, я видел перед собою в миниатюре человеческую жизнь с ее переплетением инстинктов, разума и случайности. Погиб не просто человек, а леопардо-человек. Вот и вся разница.

Бедные твари! Передо мною раскрывался весь ужас жестокости Моро. До сих пор я не думал о тех страданиях и страхе, которые испытывали эти несчастные животные после того, как выходили из рук Моро. Я содрогался, только воображая их мучения за оградой, но теперь это казалось мне не главным. Раньше они были животными, их инстинкты были приспособлены к окружающим условиям, и они были счастливы, насколько могут быть счастливы живые существа. Теперь же они были скованы узами человеческих условностей, жили в страхе, который никогда не умирал, ограниченные Законом, которого не могли понять; эта пародия на человеческую жизнь начиналась с мучений и была долгой внутренней борьбой, бесконечно долгим страхом перед Моро. И для чего? Эта бессмысленность возмущала меня.

Будь у Моро какая-нибудь понятная мне цель, я мог бы по крайней мере сочувствовать ему. Я вовсе не так уж разборчив в средствах. Я даже многое простил бы ему, будь мотивом его поступков ненависть. Но он был так спокоен, так беспечен! Его любопытство, его дикие, бесцельные исследования увлекали его, и вот новое существо выбрасывалось в жизнь на несколько лет, чтобы бороться, ошибаться, страдать и в конце концов умереть мучительной смертью. Они были несчастны: врожденная животная ненависть побуждала их преследовать друг друга;

Закон удерживал их от короткой борьбы и решительного конца, к которому приводит прирожденная вражда между собой.

В те дни мой страх перед зверолюдьми уступил место страху перед Моро. Я впал в болезненное состояние, долгое и мучительное, в какой-то безумный страх, который оставил прочные следы в моем мозгу. Признаться, я потерял веру в разумность мироздания, когда увидел, что возможны бессмысленные страдания, царившие на этом острове. Слепая, безжалостная машина, казалось, выкраивала, придавала форму живым существам, и я, Моро (своей страстью к исследованию), Монтгомери (своей страстью к пьянству), зверолюди со своими инстинктами и ограниченным умом – все мы вертелись и дробились между ее безжалостных, непрерывно движущихся колес. Но это душевное состояние пришло не сразу... Мне даже кажется, что, рассказывая об этом, я забегаю вперед.

XVII Катастрофа

Прошло полтора месяца, и я перестал испытывать что-либо, кроме неприязни и отвращения, к ужасным опытам Моро. Моим единственным желанием было уйти от творца этих ужасных карикатур на мой образ и подобие, вернуться к приятному и нормальному общению с людьми. Люди, с которыми я был теперь разлучен, стали представляться мне идиллически добродетельными и прекрасными. Моя дружба с Монтгомери не удалась. Его долгая обособленность от людей, тайная склонность к пьянству, явная симпатия к зверолодям – все это отталкивало меня от него. Несколько раз я отказывался сопровождать его к ним. Я избегал общения с ними, как только мог. Большую часть времени я проводил на берегу, тщетно ожидая появления какого-нибудь спасительного корабля, пока наконец над нами не разразилось ужасное бедствие, совершенно изменившее положение вещей на острове.

Это случилось месяца через два после моего прибытия, а может быть, и больше, не знаю, потому что не вел счет времени. Катастрофа произошла неожиданно. Случилась она рано утром, помнится, около шести часов. Я рано встал и позавтракал, так как меня разбудил шум – зверолоды таскали дрова за ограду.

Позавтракав, я вышел к открытым воротам и стоял там, куря сигарету и наслаждаясь свежестью раннего утра. Вскоре из-за ограды вышел Моро и поздоровался со мной. Он прошел мимо меня, и я услышал, как у меня за спиной щелкнул замок, когда он отпирал свою лабораторию. Я уже до такой степени привык к ужасу, царившему на острове, что без малейшего волнения слушал, как жертва Моро – пума – начала стонать под пыткой. Она встретила своего мучителя пронзительным криком, точь-в-точь походившим на крик разъяренной женщины.

А потом что-то случилось. До сих пор не знаю хорошенько, в чем было дело. Я услышал позади себя резкий крик, звук падения и, обернувшись, увидел надвигавшееся на меня ужаснейшее лицо, не человеческое и не звериное, а какое-то адское: темное, все изборозженное красными рубцами, сплошь усеянное каплями крови, и на нем сверкали глаза, лишенные век. Я поднял руку, прикрываясь от удара, и упал головой вперед, чувствуя, что сломал руку, а огромное страшилище, обмотанное корпией, с развевавшимися кровавыми бинтами, перескочило через меня и исчезло. Я покатился вниз, к берегу, попытался сесть и упал прямо на сломанную руку. А потом появился Моро. Его большое бледное лицо казалось еще ужаснее от крови, струившейся по лбу. В руке он держал револьвер. Он едва взглянул на меня и тотчас же бросился в погоню за пумой.

Я ощупал руку и сел на землю. Вдали большими скачками мчалась по берегу забинтованная фигура, а следом за ней Моро. Она обернулась, увидела его и неожиданно повернула в кустарник. С каждым скачком она уходила от него все дальше. Я увидел, как она нырнула в кусты, а Моро, бежавший ей наперерез, выстрелил. Он промахнулся, и она исчезла. А вслед за ней и он исчез в зеленой чаще.

Я смотрел им вслед, но тут боль в руке так усилилась, что я, шатаясь, со стоном вскочил на ноги.

На пороге показался Монтгомери, одетый, с револьвером в руке.

– Боже мой, Прендик! – воскликнул он, не замечая, что я покалечен. – Эта тварь сбежала! Вырвала из стены крюки! Видели вы их? – Но тут, заметив, что я держусь за руку, быстро спросил: – Что с вами?

– Я стоял в дверях, – ответил я.

Он подошел и ощупал мою руку.

– У вас кровь на блузе, – сказал он, закатывая мне рукав.

Он сунул револьвер в карман, снова ощупал мою руку и повел меня в дом.

– У вас рука сломана, – сказал он и добавил: – Расскажите подробно, как это случилось. Я рассказал ему все, что видел, отрывистыми фразами, прерываемыми стонами, а он тем временем ловко и быстро перевязал мне руку. Подвесив ее на перевязь через плечо, он отошел и посмотрел на меня.

– Так будет хорошо, – сказал он. – Но что же дальше?

Он задумался. Потом вышел и запер ворота. Некоторое время его не было.

Меня больше всего заботила моя рука. Все происшедшее казалось мне лишь одним из многих ужасных событий, происходивших на острове. Я уселся в шезлонг и, должен сознаться, от всей души проклинал остров. Боль в руке, сначала тупая, стала острой и жгучей, а Монтгомери все еще где-то пропадал.

Вернулся он бледный, нижняя губа у него отвисла более обыкновенного.

– Моро как сквозь землю провалился, – сказал он. – Наверное, ему понадобится моя помощь. – Он уставился на меня своими пустыми глазами. – Сильный зверь, – сказал он, – крюки вырваны из стены.

Он подошел к окну, потом к двери и снова повернулся ко мне.

– Пойду искать его, – сказал он. – Вот, возьмите револьвер. По правде говоря, я очень встревожен.

Он вынул револьвер, положил его рядом со мной на стол и вышел, оставив меня в сильном беспокойстве. Я недолго просидел в комнате после его ухода. Держа в руке револьвер, я подошел к двери.

Вокруг царила мертвая тишина. Не чувствовалось ни дуновения ветерка, море блестело, как зеркало, небо было безоблачно, берег пустынен. Я дрожал от тревоги и лихорадки, эта тишина меня удручала.

Я стал что-то насвистывать, но у меня ничего не вышло. Я снова выругался, во второй раз за это утро, подошел к углу ограды и начал всматриваться в зеленый кустарник, который поглотил Моро и Монтгомери. Когда они вернуться? Что с ними будет?

Далеко на берегу показалось маленькое серое существо, добежало до воды и принялось плескаться. Я стал шагать от двери до угла ограды, взад и вперед, как часовой. Один раз я остановился, услышав вдали голос Монтгомери: «Ау! Моро!»

Рука моя теперь болела меньше, но вся горела. Меня лихорадило, хотелось пить. Тень моя становилась все короче. Я наблюдал за видневшимся вдалеке серым существом, пока оно не исчезло. Неужели Моро и Монтгомери никогда не вернуться? Три морские птицы затеяли драку из-за какого-то выброшенного морем на берег сокровища.

Потом где-то очень далеко за оградой раздался револьверный выстрел. Воцарилась долгая тишина, а затем раздался второй выстрел, я услышал дикий крик где-то вблизи, и снова наступила зловещая тишина. Мое воображение работало вовсю, рисуя ужасные картины. Еще один выстрел раздался совсем близко.

Я кинулся к углу ограды и увидел Монтгомери, он был весь красный, растрепанный, с разорванной штаниной. На его лице был написан ужас. За ним, волоча ноги, шел Млинг, вокруг челюстей которого виднелись какие-то зловещие темные пятна.

– Он вернулся? – спросил Монтгомери.

– Моро? – переспросил я. – Нет.

– Господи боже! – Монтгомери с трудом переводил дыхание. – Войдем в комнату, – сказал он, взяв меня за руку. – Они совсем остервенели. Бегают как угорелые. Что могло случиться? Ума не приложу. Сейчас, вот только отдышусь. Нет ли коньяку?

Он, прихрамывая, вошел в комнату и опустился в шезлонг.

Млинг улегся на землю за дверью, громко дыша, как это делают собаки. Я дал Монтгомери коньяку с водой. Он сидел, глядя куда-то в пустоту, но понемногу пришел в себя. Через несколько минут он рассказал мне, что произошло.

Сначала он шел по их следам. Это было нетрудно благодаря помятым и поломанным кустам, белым клочьям бинтов пумы и многочисленным пятнам крови на листьях. Однако он потерял след на каменистой почве за ручьем, где я раньше видел пьющего леопардо-человека, и пошел наугад на запад, зовя Моро. К нему присоединился Млинг, у которого был маленький топор. Млинг ничего не знал об истории с пумой, он рубил дрова и слышал крики хозяина. Они пошли вместе, продолжая звать Моро. По дороге им попались двое звероловцев, которые, притаившись, смотрели на них сквозь кустарник с таким странным видом, что Монтгомери обеспокоился. Он кликнул их, но они виновато убежали. Тогда он перестал звать Моро и, бесцельно побродив некоторое время, решился заглянуть в хижину.

Он нашел ущелье пустым.

С каждой минутой все больше беспокоясь, он тихо вернулся назад. Он встретил двух свино-людей, которых я в первый день видел танцевавшими, губы у них были в крови и дрожали от возбуждения. Они с треском ломались сквозь папоротники и, увидев его, остановились со злобным видом. Он не без тайного страха щелкнул хлыстом, и они тотчас же набросились на него. До сих пор ни один зверочеловек не осмеливался сделать это. Одному он прострелил голову, а Млинг набросился на другого, и они, схватившись, покатались по земле. Млинг подмял врага под себя и вцепился зубами ему в горло, а Монтгомери тем временем пристрелил его. Он с трудом заставил Млинга следовать за собой.

Они поспешили обратно ко мне. По дороге Млинг неожиданно кинулся в кустарник и выволок оттуда небольшого оцелото-человека, тоже запачканного кровью и хромавшего из-за раны на ноге. Он отбежал на несколько шагов, а потом, повернувшись, вдруг кинулся на них. Монтгомери, как мне показалось, без особенной нужды застрелил его.

– Что же это такое? – спросил я.

Он покачал головой и снова принялся за коньяк.

XVIII

Мы находим Моро

Увидев, что Монтгомери осушил третий стакан коньяку, я решил остановить его. Он был уже совсем пьян. Я сказал, что с Моро, должно быть, случилась серьезная беда, иначе он вернулся бы, и мы должны отправиться на поиски. Монтгомери принялся было слабо возражать мне, но в конце концов согласился. Мы подкрепились едой и все трое отправились в путь.

Вероятно, это объясняется напряжением, охватившим меня в то время, но до сих пор я с необычайной ясностью вспоминаю наши скитания среди знойной тишины тропического полдня. Млинг шел впереди, сгорбившись, его уродливая черная голова быстро поворачивалась, посматривая то в одну, то в другую сторону. Он был безоружен. Свой топор он потерял при встрече со свино-людьми. Зубы уже послужили ему оружием, когда дело дошло до схватки. Монтгомери следовал за ним, пошатываясь, засунув руки в карманы, понурился голову. Он был в состоянии пьяного раздражения, сердясь на меня за то, что я отнял у него коньяк. Моя левая рука была на перевязи – счастье, что это была левая рука, – а в правой я держал револьвер.

Мы пошли по узкой тропинке среди дикой роскошной растительности, продвигаясь на северо-запад. Вдруг Млинг остановился и замер, выжидая. Монтгомери чуть не налетел на него и тоже остановился. Напрягая слух, мы слышали звуки голосов, шум, приближавшиеся шаги.

– Он умер, – говорил какой-то низкий дрожащий голос.

– Не умер, не умер, – бормотал другой.

– Мы видели, мы видели, – заговорило хором несколько других голосов.

– Э-эй! – крикнул вдруг Монтгомери. – Эй, вы!

– Черт бы вас побрал, – добавил я, сжимая револьвер.

Наступило молчание, потом в густой зелени послышался треск, и со всех сторон показались лица, странные лица, с новым, необычным выражением. Млинг зарычал. Я увидел обезьяно-человека – еще раньше я узнал его по голосу – и двух закутанных в белое темнолицых существ, которых видел в баркасе. С ними были оба пятнистых существа и то самое ужасное, сгорбленное чудовище, которое вещало Закон, с лицом, заросшим серебристыми волосами, с нахмуренными седыми бровями и косматыми клочьями, торчавшими посреди его покатоного лба; огромное, безликое, оно с любопытством посматривало на нас из-за зелени своими странными красными глазами.

Некоторое время все молчали. Потом Монтгомери спросил:

– Кто... сказал, что он умер?

Обезьяно-человек с виноватым видом посмотрел на косматое чудовище.

– Он умер, – сказала страшилище. – Они видели.

Во всяком случае, этих нам нечего было бояться. Казалось, все они были полны страха и удивления.

– Где он? – спросил Монтгомери.

– Там, – указало седое чудовище.

– Есть ли теперь Закон? – подхватил обезьяно-человек.

– Должны ли мы исполнять его веления?

– Правда ли, что он умер?

– Есть ли теперь Закон? – повторил человек в белом.

– Есть ли теперь Закон, ты, второй с бичом? Он умер, – сказала косматое чудовище.

Все они глядели на нас.

– Прендик, – сказал Монтгомери, взглянув на меня своими тусклыми глазами. – Все ясно: он умер.

Я стоял позади него. Теперь мне становилось ясно, что с ним происходит. Вдруг я шагнул вперед и громко сказал:

– Дети Закона, он *не* умер.

Млинг посмотрел на меня своими острыми глазами.

– Он переменял свой образ, переменял свое тело, – продолжал я, – и некоторое время вы не увидите его. Он там, – я указал на небо, – и оттуда он смотрит на вас. Вы не можете его видеть. Но он может видеть вас. Бойтесь Закона!

Я посмотрел на них в упор. Они колебались.

– Он велик, он добр, – сказал обезьяно-человек, пугливо глядя наверх сквозь густую листву.

– А то существо? – спросил я.

– Существо, которое было в крови и бежало с криком и стонами, оно тоже умерло, – сказала седое чудовище, не сводя с меня глаз.

– Вот это хорошо, – проворчал Монтгомери.

– Второй с хлыстом... – начало седое чудовище.

– Ну? – спросил я.

– Сказал, что он умер.

Но Монтгомери не был все же настолько пьян, чтобы не понять, отчего я отрицал смерть Моро.

– Нет, не умер, – медленно сказал он. – Все не умер. Не более, чем я.

– Некоторые, – сказал я, – нарушили Закон. Они должны умереть. Некоторые уже умерли.

Покажи нам теперь, где лежит его бывшее тело, которое он оставил, так как оно больше не нужно ему.

– Оно вон там, о человек, ходивший в море, – сказала косматое чудовище.

Они показали нам путь, мы отправились сквозь густые папоротники, лианы и деревья на северо-запад. Послышались крик, треск сучьев, и маленькое розовое создание промчалось мимо нас.

За ним по пятам гналось покрытое кровью мохнатое существо, которое с разбегу бежало прямо на нас. Волосатое чудовище отпрыгнуло в сторону; Млинг с рычанием набросился на врага, но был отброшен; Монтгомери выстрелил, промахнулся, пригнул голову, прикрываясь руками, и приготовился бежать. Я тоже выстрелил, но кровожадное существо все бежало на нас. Я выстрелил еще раз в упор в его безобразное лицо. Огненная вспышка хлестнула по нему. Все его лицо превратилось в кровавую рану; но все же существо, проскочив мимо меня, налетело на Монтгомери и, повалив его, поволокло за собой по земле в предсмертной агонии.

Я очутился перед Млингом, мертвым зверем и распростертым на земле человеком. Монтгомери медленно приподнялся и с недоумением уставился на окровавленное тело, лежавшее рядом с ним. Это зрелище почти совсем отрезвило его. Он с трудом встал на ноги. В это время седое чудовище осторожно пробиралось обратно к нам среди деревьев.

– Смотри, – сказал я, указывая на убитого. – Разве не существует Закон? Вот что происходит, когда Закон нарушают.

Чудовище посмотрело на убитого.

– Он посылает огонь, который убивает, – сказала оно своим хриплым голосом, повторяя слова Закона.

Остальные столпились вокруг и тоже смотрели.

В конце концов мы почти добрались до западной оконечности острова. Там мы нашли обглоданное и искалеченное тело пумы с раздробленной пулей лопаткой и, шагах в двадцати от него, то, что искали. Моро лежал лицом вниз на полянке, вытопанной среди тростников: одна его рука была почти оторвана, на седых волосах запеклась кровь. Голова его была раз-

бита цепями пумы. Поломанные тростники были окроплены кровью. Револьвера мы не нашли. Монтгомери перевернул тело на спину.

Отдыхая время от времени, мы понесли его с помощью семи зверолодей – так как он был очень тяжел – обратно к дому. Темнело. Два раза мы слышали совсем близко, как невидимые существа кричали и выли, а один раз показалось розовое ленивцеподобное существо, уставилось на нас и снова исчезло. Но нападения больше не было. У ворот зверолоды остановились, с нами вошел только Млинг. Мы внесли искалеченное тело Моро во двор, положили его на груды хвороста и заперли за собой ворота.

Потом мы пошли в лабораторию и уничтожили всех бывших там живых существ.

XIX

Праздник Монтгомери

Покончив с этим делом, умывшись и поев, мы с Монтгомери пошли в мою маленькую комнату и начали в первый раз серьезно обсуждать свое положение. Близилась полночь. Монтгомери был почти трезв, но соображал с трудом. Он всегда находился под влиянием Моро. Не думаю, чтобы ему когда-либо приходила в голову мысль, что Моро может умереть. Эта смерть была для него неожиданным ударом, разрушившим тот образ жизни, к которому он привык более чем за десять лет, проведенных на острове. Он говорил как-то неопределенно, уклончиво отвечал на мои вопросы, пускался в общие рассуждения.

– Как глупо устроен мир, – разглагольствовал он. – Жизнь – такая бессмыслица! У меня вообще жизни не было. Интересно, когда же она наконец начнется! Шестнадцать лет я мучился под надзором няnek и учителей, исполняя их милую волю, пять лет в Лондоне без устали зубрил медицину, голодал, жил в жалкой квартире, носил жалкую одежду, предавался жалким порокам, совершил однажды глупость, потому что был набитым дураком, и очутился на этом собачьем острове. Десять лет проторчал здесь! И чего ради, Прендик? Разве мы мыльные пузыри, выдуваемые ребенком?

Нелегко было прекратить эти разглагольствования.

– Мы должны подумать, как унести отсюда ноги, – сказал я.

– А что толку? Ведь я изгнанник. Куда мне деваться? Вам-то хорошо, Прендик. Бедный старина Моро! Мы не можем бросить его здесь, чтобы они обглодали его косточки. А ведь к тому идет... И потом, что будет с бедными тварями, которые ни в чем не повинны?

– Ладно, – сказал я. – Обсудим это завтра. По-моему, нужно сложить костер и сжечь его тело вместе с остальными трупами... А что, собственно, может случиться с этими тварями?

– Не знаю. Скорей всего, те, которые были сделаны из хищников, рано или поздно озвереют. Но мы не можем их всех истребить, правда? А ведь *ваша* человечность, пожалуй, подсказала бы именно такой выход?.. Но они изменятся. Несомненно, изменятся.

Он продолжал молотить всякий вздор, пока я не потерял терпения.

– Черт вас побери! – воскликнул он в ответ на какое-то мое резкое замечание. – Разве вы не видите, что мое положение хуже вашего?

Он встал и пошел за коньяком.

– Пейте, – сказал он, вернувшись. – Пейте, вы, здравомыслящий, бледнолицый безбожник с лицом святого.

– Не буду! – злобно сказал я, уселся и глядел на его освещенное желтоватым светом лампы лицо, пока я не напился до состояния болтливости и опьянения.

Помню, что я испытывал бесконечную усталость. Снова расчувствовавшись, он выступил в защиту звероловцев и Млинга. Млинг, по его словам, был единственным существом, которое любило его. И вдруг ему пришла в голову неожиданная мысль.

– Будь я проклят! – сказал он, пошатываясь, вскочил на ноги и схватил бутылку с коньяком.

Каким-то чутьем я понял, что он собирался сделать.

– Я не позволю вам напоить это животное! – сказал я, преграждая ему путь.

– Животное! – воскликнул он. – Сами вы животное! Он будет пить не хуже всякого другого. Прочь с дороги, Прендик!

– Ради бога... – начал я.

– Прочь!.. – завопил он, неожиданно выхватив револьвер.

– Отлично, – сказал я, отойдя в сторону, и уже готов был напасть на него сзади, когда он взялся за задвижку, но удержался, вспомнив про свою сломанную руку. – Вы сами превратились в животное, вот и ступайте к ним.

Он распахнул дверь и оглянулся на меня, освещенный с одной стороны желтоватым светом лампы, а с другой – бледным светом луны. Его глазницы казались черными пятнами под густыми бровями.

– Вы, Прендик, напыщенный дурак, совершенный осел! Вечно вы чего-то боитесь и что-то воображаете. Дело идет к концу. Завтра мне придется перерезать себе горло. Но сегодня вечером я устрою себе премиленький праздник.

Он повернулся и вышел.

– Млинг! – крикнул он. – Млинг, старый дружище!

Три смутные фигуры, освещенные серебристым светом луны, двигались вдаль по темному берегу. Одна из них была в белой одежде, остальные две, шедшие позади, казались черными пятнами. Они остановились, глядя в сторону дома. Потом я увидел сторбленного Млинга, который выбежал из-за угла.

– Пейте! – кричал Монтгомери. – Пейте, звери! Пейте и становитесь людьми... Черт возьми, я умнее всех! Моро забыл это. Наступило последнее испытание. Пейте, говорю вам! – И, размахивая бутылкой, он быстрой рысцой побежал на запад вместе с Млингом, который последовал за ним впереди трех смутных фигур.

Я вышел на порог. Их было уже трудно разглядеть в неверном лунном свете, но вот Монтгомери остановился. Я видел, как он поил коньяком Млинга, а потом все пять фигур слились в один сплошной клубок.

– Пойте, – услышал я возглас Монтгомери. – Пойте все вместе: «Черт побери Прендика!» Вот хорошо! Ну, теперь еще раз: «Черт побери Прендика!»

Черный клубок разделился на пять отдельных фигур, и они медленно удалились по залитому лунным светом берегу. Каждый вопил на свой собственный лад, выкрикивая по моему адресу всякие ругательства и давая таким образом выход своему пьяному восторгу.

Вскоре я услышал вдалеке голос Монтгомери, командовавшего: «Направо марш!» С криками и завываниями они исчезли в темноте среди прибрежных деревьев. Мало-помалу голоса их затихли.

Снова воцарилось мирное великолепие ночи. Луна уже склонялась к западу. Было полнолуние, и она ярко сияла, плывя по безоблачному небу. У моих ног лежала тень ограды, она была шириной в ярд, черная как смола. Море на востоке казалось мутно-серым и таинственным, а между ним и тенью стены искрился и блестел серый песок (он состоял из частиц вулканического стекла и кристаллических пород). Казалось, весь берег был усыпан бриллиантами. Позади меня желтоватым огнем горела керосиновая лампа.

Я закрыл дверь, запер ее и пошел за ограду, где лежал Моро рядом со своими последними жертвами: гончими собаками, ламой и еще несколькими несчастными животными. Крупные черты его лица были спокойны, несмотря на то что он принял ужасную смерть, суровые глаза смотрели вверх, на бледный лик луны. Я присел на край сточной трубы и, не сводя глаз с этой мрачной груды тел, на которых серебристый свет луны чередовался со зловещими тенями, стал обдумывать свое положение.

Утром я положу в лодку еды и, предав огню эти тела, снова пушусь в открытый океан. Я чувствовал, что Монтгомери все равно погиб; он действительно стал близок по духу к этим зверюлюдям и не мог бы жить с обыкновенными людьми.

Не знаю, сколько времени просидел я в раздумье. Вероятно, прошло не меньше часа. Потом мои размышления были прерваны – где-то поблизости появился Монтгомери. Я услышал разноголосые крики, удалявшиеся в сторону берега, ликующие вопли, гиканье и завывание. Толпа, видимо, остановилась у самого берега. Гвалт усилился, потом затих. Я услышал

тяжелые удары и треск раскалываемого дерева, но тогда это не обеспокоило меня. Послышалось нестройное пение.

Я снова начал обдумывать пути спасения. Я встал, взял лампу и пошел в сарай осмотреть несколько бочонков, которые там видел. Потом меня заинтересовало содержимое жестянок, и я открыл одну. Тут мне показалось, что я вижу какую-то красную фигуру. Я быстро обернулся.

Позади меня был двор, где полосы лунного света чередовались с густой темнотой. Посреди двора возвышалась куча дров и хвороста, на которой рядом со своими искалеченными жертвами лежал Моро. Казалось, они обхватили друг друга в последней борьбе. Раны Моро зияли, черные как ночь, а запекшаяся кровь лежала на песке темными пятнами. Потом, еще не понимая, в чем дело, я увидел дрожащий красноватый свет, перебросившийся на противоположную стену. Я по ошибке принял его за отражение вспышки лампы у меня в комнате и снова занялся осмотром провианта в сарае. Я рылся там, действуя здоровой рукой, находя то одно, то другое и откладывая в сторону все нужное, чтобы на другой день погрузить в лодку. Двигался я с трудом, а время летело быстро. Скоро забрезжил рассвет.

Пение на берегу сменилось шумом, затем началось снова и неожиданно перешло в возню. Я услышал крики: «Еще, еще!» Потом снова шум, как будто там затеяли ссору, и вдруг – пронзительный крик. Шум сразу настолько изменился, что я не мог не обратить на это внимания. Я вышел на двор и прислушался. И вот, подобно стальному ножу, всю эту сумятицу прорезал револьверный выстрел.

Я кинулся через свою комнату к маленькой двери. Тут я услышал, как у меня за спиной несколько ящиков покатались на пол сарая и с треском разбились вдребезги. Но я не обратил на это внимания. Я распахнул дверь и выглянул наружу.

На берегу, у пристани, горел костер, взметая снопы искр в смутно белевшее рассветное небо. Вокруг него копошились темные фигуры. Я услышал голос Монтгомери, который звал меня, и тотчас пустился бежать к костру с револьвером в руке. Я увидел, как низко, почти по самой земле, полоснуло пламя револьверного выстрела. Значит, Монтгомери упал. Я крикнул изо всех сил и выстрелил в воздух.

Кто-то закричал: «Господин!» Черный барахтавшийся клубок распался, огонь в костре вспыхнул и погас. Толпа звероловцев в панике разбежалась по берегу. Сгоряча я выстрелил им вслед, когда они исчезали между кустов. Потом я повернулся к черным гудам, оставшимся на песке.

Монтгомери лежал на спине, а сверху на него навалилось косматое чудовище. Оно было мертво, но все еще сжимало горло Монтгомери своими кривыми когтями. Рядом с ним, ничком, совершенно спокойный, лежал Млинг. Шея его была прокушена, а в руке зажато горлышко разбитой бутылки из-под коньяка. Еще двое лежали около костра, один неподвижно, другой по временам медленно, со стоном приподнимал голову и снова ронял ее.

Я обхватил косматое чудовище и оттащил его от Монтгомери; его когти еще цеплялись за одежду. Монтгомери весь посинел и еле дышал. Я побрызгал ему в лицо морской водой, а под голову вместо подушки подложил свою свернутую куртку. Млинг был мертв. Раненый – это был человеко-волк с серым бородатым лицом – лежал грудью на еще тлевших углях костра; несчастный был так ужасно обожжен и изранен, что я из сострадания выстрелом разmozжил ему череп. Второй был один из закутанных в белое человеко-быков. Он тоже был мертв.

Остальные звероловы исчезли с берега. Я снова подошел к Монтгомери и опустился рядом с ним на колени, проклиная себя за незнание медицины.

Костер потух, и только угли, перемешанные с золой, еще тлели. Я с изумлением подумал, откуда Монтгомери достал дрова. Тем временем рассвело. Небо светлело, луна становилась бледной и призрачной на голубом небе. Восток окрасился алым заревом.

Вдруг позади себя я услышал грохот и шипение. Оглянувшись, я с криком ужаса вскочил на ноги. Огромные клубы черного дыма поднимались навстречу восходящему солнцу, и

сквозь их вихревой мрак прорывались кровавые языки пламени. А потом занялась соломенная крыша. Я увидел, как огненные языки начали лизать солому. Пламя вырвалось и из окна моей комнаты.

Я сразу понял, что случилось. Мне вспомнился недавний треск. Бросившись на помощь к Монтгомери, я опрокинул лампу.

Было ясно, что мне не удастся спасти ничего. Я вспомнил свой план и решил взглянуть на две лодки, вытасканные на берег. Но их не было! Два топора валялись на песке, вокруг были разбросаны щепки и куски дерева, и пепел костра темнел и дымился в лучах рассвета. Монтгомери сжег лодки, чтобы отомстить за себя и помешать мне вернуться в общество людей.

Внезапное бешенство охватило меня. Мне захотелось размозжить ему голову, беспомощно лежавшую у моих ног. Вдруг его рука шевельнулась так слабо и жалко, что злоба моя утихла. Он застонал и на миг открыл глаза.

Я опустился на колени и приподнял его голову. Он снова открыл глаза, безмолвно глядя на разгоравшийся день. Наши взгляды встретились. Он опустил веки.

– Жаль, – с усилием произнес он. Казалось, он пытался собраться с мыслями. – Конец, – прошептал он, – конец этой дурацкой вселенной... Что за бессмыслица...

Я молча слушал. Голова его беспомощно поникла. Я подумал, что глоток воды мог бы оживить его, но под рукой не было ни воды, ни посуды, чтобы ее принести. Тело его вдруг как будто стало тяжелее. Я весь похолодел.

Я нагнулся к его лицу, просунул руку в разрез его блузы. Он был мертв. И в эту самую минуту полоса яркого света блеснула на востоке за мысом, разливаясь по небу и заставляя море ослепительно сверкать. Солнечный свет как бы ореолом окружил его лицо с заострившимися после смерти чертами.

Я осторожно опустил его голову на грубую подушку, сделанную мною для него, и встал на ноги. Передо мной расстилался сверкающий простор океана, где я страдал от ужасного одиночества; позади в лучах рассвета лежал молчаливый остров, населенный зверолодьями, теперь безмолвными и невидимыми. Дом со всеми припасами горел, ярко вспыхивая, с треском и грохотом. Густые клубы дыма ползли мимо меня по берегу, проплывая над отдаленными вершинами деревьев, к хижинам в ущелье. Около меня лежали обуглившиеся остатки лодок и пять мертвых тел.

Но вот из-за кустарников показалось трое зверолодцев, сгорбленных, с неуклюже висевшими уродливыми руками, выдававшимися вперед лицами и настороженными враждебными глазами. Они нерешительно приближались ко мне.

XX

Один среди зверолов

Я стоял перед ними, читая свою судьбу в их глазах, совершенно один, со сломанной рукой. В кармане у меня был револьвер, в котором не доставало трех патронов. Среди разбросанных по берегу обломков лежали два топора, которыми изрубили лодки. Позади плескались волны.

У меня не оставалось иного оружия для защиты, кроме собственного мужества. Я смело взглянул на приближавшихся чудовищ. Они избегали моего взгляда, их трепетавшие ноздри приюхивались к телам, лежавшим на берегу. Я сделал несколько шагов, поднял запачканный кровью хлыст, лежавший около тела человеко-волка, и щелкнул им.

Они остановились, не сводя с меня глаз.

– Кланяйтесь, – сказал я. – На колени!

Они остановились в нерешительности. Один из них встал на колени. Я, хотя душа у меня, как говорится, ушла в пятки, повторил свой приказ и подошел к ним еще ближе.

Снова один опустился на колени, за ним двое остальных. Тогда я направился к мертвым телам, повернув лицо к трем коленапреклоненным звероловам, как делает актер, когда пересекает сцену, обратив лицо к публике.

– Они нарушили Закон, – сказал я, наступив ногой на тело глашатая Закона. – И были убиты. Даже сам глашатай Закона; даже второй с хлыстом. Закон велик! Приблизьтесь и смотрите.

– Нет спасения, – сказал один из них, приближаясь и поглядывая на меня.

– Нет спасения, – сказал я. – Поэтому слушайте и повинуйтесь.

Они встали, вопросительно переглядываясь.

– Ни с места, – сказал я.

Я поднял оба топора, повесил их на свою перевязь, перевернул Монтгомери, взял его револьвер, заряженный еще двумя пулями, и, нагнувшись, нашарил в его карманах с полдюжины патронов.

– Возьмите его, – сказал я, разгибаясь и указывая хлыстом на тело Монтгомери. – Унесите и бросьте в море.

Они подошли к телу Монтгомери, видимо все еще страшась его, но еще более напуганные щелканьем моего окровавленного хлыста, и робко, после того как я прикрикнул на них и несколько раз щелкнул хлыстом, осторожно подняли его, понесли вниз к морю и с плеском вошли в ослепительно сверкавшие волны.

– Дальше, – сказал я, – дальше! Отнесите его от берега.

Они вошли в воду по грудь и остановились, глядя на меня.

– Бросайте, – сказал я. И тело Монтгомери с всплеском исчезло. Что-то сжало мне сердце. – Хорошо, – сказал я дрожащим голосом.

Они со страхом поспешили обратно к берегу, оставляя за собой в серебристых волнах длинные черные полосы. У самого берега они остановились, глядя назад в море и как будто ожидая, что вот-вот оттуда появится Монтгомери и потребует отмщения.

– Теперь вот этих, – сказал я, указывая на остальные тела.

Они, тщательно избегая приближаться к тому месту, где бросили тело Монтгомери, отнесли трупы зверолов вдоль по берегу на сотню шагов, только тогда вошли в воду и бросили там трупы своих четырех собратьев.

Глядя, как они бросают в воду изувеченные останки Млинга, я услышал за собой негромкие шаги и, быстро обернувшись, увидел совсем близко гиено-свинью. Пригнув голову, она

устремилась на меня сверкающие глаза, ее уродливые руки были стиснуты в кулаки и прижаты к бокам. Когда я оглянулся, она остановилась и слегка отвернула голову.

Мгновение мы стояли друг против друга. Я бросил хлыст и нашарил в кармане револьвер, решив при первом же удобном случае убить эту тварь, самую опасную из всех оставшихся теперь на острове. Это может показаться вероломством, но так я решил. Она была для меня вдвое страшнее любого из зверолов. Я знал, что, пока она жива, мне постоянно угрожает опасность.

Несколько секунд я собирался с духом, потом крикнул:

– Кланяйся, на колени!

Она зарычала, сверкая зубами.

– Кто *ты* такой, чтоб я...

Я судорожным рывком выхватил револьвер, прицелился и выстрелил.

Я услышал ее визг, увидел, как она отскочила в сторону, и, поняв, что промахнулся, большим пальцем снова взвел курок. Но она уже умчалась далеко, прыгая из стороны в сторону, и я не хотел тратить зря еще один патрон. Время от времени она оборачивалась, глядя на меня через плечо. Пробежав по берегу, она исчезла в клубах густого дыма, по-прежнему тянувшегося от горевшей ограды. Некоторое время я смотрел ей вслед. Потом снова повернулся к трем послушным существам и махнул рукой, чтобы они бросили в воду тело, которое все еще держали. Затем я вернулся к тому месту у костра, где лежали трупы, и засыпал песком все темные пятна крови.

Отпустив своих трех помощников, я отправился в рощу над берегом. В руке я держал револьвер, а хлыст с топором засунул за перевязь. Мне хотелось остаться одному, обдумать положение, в котором я очутился.

Самое ужасное – я начал сознавать это только теперь – заключалось в том, что на всем острове не осталось больше ни одного уголка, где я мог бы отдохнуть и поспать в безопасности. Я очень окреп за время своего пребывания здесь, но все еще нервничал и уставал от всякого напряжения. Я чувствовал, что придется переселиться на другой конец острова и жить вместе со звероловками, заручившись их доверием. Но сделать это у меня не хватало сил. Я вернулся к берегу и, пройдя на восток, мимо горящего дома, направился к узкой полосе кораллового рифа. Здесь я мог спокойно подумать, сидя спиной к морю и лицом к острову на случай неожиданного нападения. Так я сидел, упершись подбородком в колени, солнце палило меня, в душе рос страх, и я думал, как мне дотянуть до часа избавления (если это избавление вообще когда-нибудь придет). Я старался хладнокровно оценивать положение, но это мне удавалось с трудом.

Я попытался понять причину отчаяния Монтгомери. «Они изменятся, – сказал он, – несомненно изменятся». А Моро, что говорил Моро? «В них снова просыпаются упорные звериные инстинкты...» Потом я стал думать о гиено-свинье. Я был уверен, что если не убью ее, то она убьет меня. Глашатай Закона был мертв – это усугубляло несчастье. Они знали теперь, что мы, с хлыстами, так же смертны, как и они...

Быть может, они уже глядят на меня из зеленой чащи папоротников и пальм, поджидая, чтобы я приблизился к ним на расстояние прыжка? Быть может, они замышляют что-то против меня? Что рассказала им гиено-свинья? Мое воображение увлекало меня все глубже в трясину необоснованных опасений.

Мои мысли были прерваны криками морских птиц, слетавшихся к чему-то черному, выброшенному волнами на берег недалеко от бывшей ограды. Я знал, что это было, но у меня не хватило сил пойти и отогнать их. Я пошел по берегу в другую сторону, намереваясь обогнуть восточную оконечность острова и выйти к ущелью с хижинами, миновав предполагаемые засады в лесу.

Пройдя около полумили по берегу, я увидел одного из трех помогавших мне зверолов, который вышел мне навстречу из прибрежного кустарника. Я был так взвинчен собственным

воображением, что тотчас выхватил револьвер. Миротлюбивые жесты приближавшегося существа не успокоили меня. Оно подходило нерешительно.

– Прочь! – крикнул я.

В его раболепной позе было что-то собачье. Он отошел на несколько шагов, совершенно как собака, которую гонят домой, и остановился, умоляюще глядя на меня преданными глазами.

– Прочь! – повторил я. – Не подходи!

– Значит, мне нельзя подойти? – спросил он.

– Нет. Прочь! – сказал я и щелкнул хлыстом. Потом, взяв хлыст в зубы, нагнулся за камнем, и он в испуге убежал.

В одиночестве обогнув остров, я дошел до ущелья и, прячась в высокой траве, окаймлявшей здесь берег моря, стал наблюдать за зверолоудьми, стараясь определить по их виду, насколько повлияла на них смерть Моро и Монтгомери, а также уничтожение Дома страдания. Теперь я понимаю, каким глупым было мое малодушие. Прояви я такое же мужество, как на рассвете, не дай ему потонуть в унылых размышлениях, я мог бы захватить скипетр Моро и править звериным народом. Но я упустил случай и очутился всего лишь в положении старшего среди них.

Около полудня некоторые из них вышли и, сидя на корточках, грелись на горячем песке. Повелительный голос голода и жажды заглушил мой страх. Я вышел из травы и с револьвером в руке направился к сидящим фигурам. Одна из них, женщина-волчица, повернула голову и пристально поглядела на меня, а за ней и все остальные. Никто и не подумал встать и приветствовать меня. Я был слишком слаб и измучен, чтобы настаивать на этом при таком скоплении зверолоудей, и упустил благоприятную минуту.

– Я хочу есть, – сказал я почти виновато и подошел ближе.

– Еда в хижинах, – сонно сказал быко-боров, отворачиваясь от меня.

Я прошел мимо них и спустился в мрак и зловоние почти пустынного ущелья. В пустой хижине я нашел несколько плодов и с наслаждением их съел, а потом, забаррикадировав вход грязными, полусгнившими ветками и прутьями, улегся лицом к нему, сжимая в руке револьвер. Усталость последних тридцати часов вступила в свои права, и я погрузился в чуткий сон, рассчитывая, что сооруженная мною непрочная баррикада произведет все же достаточно шума, если ее станут ломать, и меня не захватят врасплох.

XXI

Зверолоуды возвращаются к прежнему состоянию

Так я стал одним из зверолоудей на острове доктора Моро. Когда я проснулся, было уже темно. Забинтованная рука сильно болела. Я сел, не понимая, где нахожусь. За стеной раздавались чьи-то грубые голоса. Я увидел, что баррикада моя снята и вход открыт. Револьвер по-прежнему был у меня в руке.

Я услышал чье-то дыхание и увидел съезжившуюся фигуру совсем рядом с собой. Я замер, стараясь рассмотреть, что это за существо. Оно зашевелилось как-то бесконечно медленно. И вдруг что-то мягкое, теплое и влажное скользнуло у меня по руке.

Я задрожал и отдернул руку. Крик ужаса замер у меня на губах. Но тут я сообразил, что случилось, и удержался от выстрела.

– Кто это? – спросил я сиплым шепотом, все еще держа револьвер наготове.

– Я, господин.

– Кто ты?

– Они говорят, что теперь больше нет господина. Но я знаю, знаю. Я относил тела в море, тела тех, которых ты убил. Я твой раб, господин.

– Ты тот, которого я встретил на берегу?

– Да, господин.

Существо это было, очевидно, вполне преданным, так как могло свободно напасть на меня, пока я спал.

– Хорошо, – сказал я, протягивая ему руку для поцелуя-лизка. Я начал понимать, почему он здесь, и мужество вернулось ко мне.

– Где остальные? – спросил я.

– Они сумасшедшие, они дураки, – ответил собако-человек. – Они там разговаривают между собой. Они говорят: «Господин умер. Второй, тоже с хлыстом, умер, а тот, ходивший в море, такой же, как и мы. Нет больше ни господина, ни хлыстов, ни Дома страдания. Всему этому пришел конец. Мы любим Закон и будем соблюдать его, но теперь навсегда исчезло страдание, господин и хлысты». Так говорят они. Но я знаю, господин, я знаю.

Я ошупью нашел в темноте собако-человека и погладил его по голове.

– Хорошо, – снова повторил я.

– Скоро ли ты убьешь их всех? – спросил он.

– Скоро, – ответил я, – убью всех, но нужно подождать несколько дней, пока кое-что произойдет. Все они, кроме тех, кого мы пощадим, будут убиты.

– Господин убивает, кого захочет, – произнес собако-человек с удовлетворением в голосе.

– И чтобы прегрешения их возросли, – продолжал я, – пускай живут в своем безумии до тех пор, пока не пробьет их час. Пусть они не знают, что я господин.

– Воля господина священна, – сказал собако-человек, по-собачьи сметливо поняв меня.

– Но один уже согрешил, – сказал я. – Его я убью, как только увижу. Когда я скажу тебе: «Это он», сразу бросайся на него. А теперь я пойду к остальным.

На мгновение вокруг стало совсем темно: это собако-человек, выходя, загородил отверстие. Я последовал за ним и остановился почти на том же месте, где когда-то услышал шаги гнавшегося за мной Моро и собачий лай. Но теперь была ночь, в вонючем ущелье царил мрак, а позади, там, где был тогда зеленый, залитый солнцем откос, пылал костер, вокруг которого двигались сгорбленные, уродливые фигуры. А еще дальше темнела лесная чаща, отороченная поверху черным кружевом листвы. Над ущельем всходила луна, и дым, вечно струившийся из вулканических трещин, резкой чертой пересекал ее лик.

– Иди рядом, – сказал я собако-человеку, желая подбодрить себя, и мы стали бок о бок спускаться по узкой тропинке, не обращая внимания на какие-то фигуры, выглядывавшие из берлог.

Никто из сидевших у костра не выказал ни малейшего намерения приветствовать меня. Большинство нарочно не замечало меня. Я оглянулся, отыскивая глазами гиено-свинью, но ее не было. Всего тут было около двадцати зверолодей, и они, сидя на корточках, смотрели в огонь или разговаривали друг с другом.

– Он умер, он умер, господин умер, – послышался справа от меня голос обезьяно-человека. – И Дом страдания – нет больше Дома страдания.

– Он не умер, – произнес я громким голосом, – он и сейчас следит за вами.

Это ошеломило их. Двадцать пар глаз устремились на меня.

– Дом страдания исчез, – продолжал я, – но он снова появится. Вы не можете больше видеть господина, но он сверху слышит вас.

– Правда, правда, – подтвердил собако-человек.

Мои слова привели их в замешательство. Животное может быть свирепым или хитрым, но один только человек умеет лгать.

– Человек с завязанной рукой говорит странные вещи, – сказал один из зверолодей.

– Говорю вам, это так, – сказал я. – Господин и Дом страдания вернутся снова. Горе тому, кто нарушит Закон.

Они с недоумением переглядывались. А я с напускным равнодушием принялся лениво постукивать по земле топором. Я заметил, что они смотрели на глубокие следы, которые топор оставлял в дерне.

Потом сатиристо-человек высказал сомнение в моих словах, и я ответил ему. Тогда возразило одно из пятнистых существ, и разгорелся оживленный спор. С каждой минутой я все больше убеждался в том, что пока мне ничто не грозит. Я теперь говорил без умолку, не останавливаясь, так же, как говорил вначале от сильного волнения. Через час мне удалось убедить нескольких зверолодей в правоте своих слов, а в сердцах остальных заронить сомнение. Все это время я зорко осматривался, искал, нет ли где моего врага – гиено-свиньи, но она не показывалась. Изредка я вздрагивал от какого-нибудь подозрительного движения, но чувствовал себя гораздо спокойнее. Луна уже закатывалась, и зверолоды один за другим принялись зевать, показывая при свете потухавшего костра неровные зубы, а затем стали расходиться по своим берлогам. Я, боясь тишины и мрака, пошел с ними, зная, что, когда их много, я в большей безопасности, чем наедине с одним из них, все равно с кем.

Таким образом, начался самый долгий период моей жизни на острове доктора Моро. Но с этого вечера и до самого последнего дня произошел только один случай, о котором необходимо рассказать, все остальное же состояло из бесчисленных мелочей и неприятностей. Так что я не стану подробно описывать все это, а расскажу лишь о главном событии за те десять месяцев, которые я провел бок о бок с этими полулюдьми-полузверями. Многого еще осталось в моей памяти, о чем я мог бы рассказать, многое такое, что я дал бы отрубить себе правую руку, лишь бы это забыть. Но эти подробности здесь излишни. Оглядываясь назад, я с удивлением вспоминаю, как быстро я усвоил нравы этих чудовищ и снова приобрел уверенность в себе. Конечно, бывали и ссоры – я и теперь еще мог бы показать следы укусов, – но в общем зверолоды быстро прониклись уважением к моему искусству бросать камни и ударам моего топора. А преданность человека-сенбернара была для меня драгоценна. Я увидел, что степень их уважения зависела главным образом от умения наносить раны. И, говоря искренне, без хвастовства, я пользовался среди них привилегированным положением. Некоторые, получившие от меня в подарок недурные шрамы, были ко мне настроены враждебно, но злобу свою проявляли главным образом гримасами, да и то за моей спиной, на почтительном расстоянии.

Гиено-свинья меня избегала, но я был всегда начеку. Мой неразлучный собако-человек страстно ненавидел и боялся ее. Этот страх еще больше привязывал его ко мне. Скоро для меня стало очевидным, что гиено-свинья узнала вкус крови и пошла по стопам леопардо-человека. Где-то в лесу она устроила себе берлогу и поселилась в одиночестве. Я попробовал устроить на нее облаву, но мне недоставало авторитета, чтобы объединить их всех. Я не раз пытался подойти к берлоге и напасть на гиено-свинью врасплах, но она была осторожна и, увидев или почуяв меня, тотчас скрывалась. Устраивая засады, она подстерегала меня и моих союзников на всех лесных тропинках. Собако-человек почти не отходил от меня.

В первый месяц звериный люд вел себя вполне по-человечески в сравнении с тем, что было дальше, и я даже достаивал своей дружбой, кроме собако-человека, нескольких из них. Маленькое ленивцеподобное существо проявляло ко мне странную привязанность и всюду следовало за мной. А вот обезьяно-человек надоел мне до смерти. Он утверждал, что, поскольку у него пять пальцев, он мне равен, и вечно болтал, тараторя самый невообразимый вздор. Только одно забавляло меня в нем: он обладал необычайной способностью выдумывать новые слова. Мне кажется, он думал, что истинное назначение человеческой речи состоит в бессмысленной болтовне. Эти бессмысленные слова он называл «большими мыслями» – в отличие от «маленьких мыслей», под которыми подразумевались нормальные, обыденные вещи. Когда я говорил что-нибудь непонятное для него, это ему ужасно нравилось, он просил меня повторить, заучивал сказанное наизусть и уходил, повторяя, путая и переставляя слова, а потом говорил это всем своим более или менее добродушным собратьям. Ко всему, что было просто и понятно, он относился с презрением. Я придумал специально для него несколько забавных «больших мыслей». Теперь он кажется мне самым глупым существом, какое я видел в жизни; он удивительнейшим образом развил в себе чисто человеческую глупость, не потеряв при этом ни одной сотой доли прирожденной обезьяньей глупости.

Так было в первые недели моей жизни в среде звероловцев. В это время они следовали обычаям, установленным Законом, и вели себя благопристойно. Правда, один раз я нашел еще одного кролика, растерзанного – я убежден в этом – гиено-свиньей; но это было все. Однако к маю я ясно заметил растущую разницу в их говоре и манере держать себя, все большую невнятность, нежелание разговаривать. Обезьяно-человек болтал даже больше обычного, но его болтовня становилась все менее понятной, все более обезьяньей. Остальные, казалось, потеряли дар слова, но еще понимали то, что я говорил им. Можете ли вы себе представить, как ясный и понятный язык постепенно стал туманиться, терять форму и смысл, снова превращаться в пустое нагромождение звуков? Держаться прямо им также становилось все трудней и трудней. Хотя они, видимо, стыдились этого, но по временам я видел, как то один, то другой бежал на четвереньках, уже совершенно неспособный ходить на двух ногах. Руки у них стали еще более неловкие; они лакали воду, по-звериному грызли еду, с каждым днем становились все грубее. Я видел собственными глазами проявление того, что Моро называл «упорными звериными инстинктами». Они быстро возвращались к своему прежнему состоянию.

Некоторые из них – я с изумлением заметил, что по большей части это были существа женского пола, – стали пренебрегать приличием, правда пока еще втайне. Другие открыто посягали на установленную Законом моногамию. Было ясно, что Закон терял свою силу. Мне неприятно рассказывать об этом. Мой собако-человек незаметно снова превратился в собаку; с каждым днем он немел, чаще ходил на четвереньках, обрастал шерстью. Мне трудно было уследить за постепенным перерождением моего постоянного спутника в крадущегося рядом со мной пса. Так как нечистоплотность и беспорядок среди звериного люда возрастали с каждым днем и берлога, которая всегда была неприятной, стала совсем омерзительной, я решил покинуть ее и построил себе шалаш внутри черных развалин ограды Моро. Смутные воспоминания о страданиях делали это место самым безопасным убежищем.

Нет никакой возможности подробно описать каждый шаг падения этих тварей, рассказать, как с каждым днем исчезало их сходство с людьми; как они перестали одеваться, их обнаженные тела стали покрываться шерстью, лбы зарастать, а лица вытягиваться вперед; как та почти человеческая дружба, которую я позволил себе с некоторыми из них в первый месяц, стала для меня одним из ужаснейших воспоминаний.

Перемена совершалась медленно и неуклонно. Она происходила без резкого перехода. Я продолжал свободно ходить среди них, так как не было толчка, от которого прорвались бы наружу звериные свойства их натуры, которые с каждым днем вытесняли все человеческое. Но я начинал опасаться, что толчок этот вот-вот произойдет. Мой сенбернар провожал меня до ограды и стерег мой сон, так что я мог спать относительно спокойно. Маленькое ленивцеподобное существо стало пугливым и покинуло меня, вернувшись к своему естественному образу жизни на ветвях деревьев. Мы находились как раз в состоянии того равновесия, которое устанавливают в клетках укротители зверей и демонстрируют его под названием «счастливого семейства», но сам укротитель ушел навсегда.

Конечно, эти существа не опустились до уровня тех животных, которых читатель видел в зоологическом саду, – они не превратились в обыкновенных медведей, волков, тигров, быков, свиней и обезьян. Во всех оставалось что-то странное; каждый из них был помесью; в одном, быть может, преобладали медвежьи черты, в другом – кошачьи, в третьем – бычьи, но каждый был помесью двух или больше животных, и сквозь особенности каждого проглядывали некие общезвериные черты. Теперь меня уже поражали проявившиеся у них порой проблески человеческих черт: внезапное возвращение дара речи, неожиданная ловкость передних конечностей, жалкая попытка держаться на двух ногах.

Я, по-видимому, тоже странным образом переменялся. Одежда висела на мне желтыми лохмотьями, и сквозь дыры просвечивала загорелая кожа. Волосы так отросли, что их приходилось заплетать в косички. Еще и теперь мне говорят, что глаза мои обладают каким-то странным блеском, они всегда насторожены.

Сначала я проводил весь день на южном берегу острова, ожидая, не появится ли корабль, надеясь и моля об этом Бога. Прошел почти год со времени моего прибытия на остров, и я рассчитывал на возвращение «Ипекакуаны», но она больше не появлялась. Я пять раз видел паруса и три раза дым, но никто не проходил вблизи острова. У меня всегда была наготове куча хвороста для костра, но, зная вулканическое происхождение острова, моряки, без сомнения, принимали дым за испарения из расселин.

Только в сентябре или даже в октябре я стал подумывать о сооружении плота. К этому времени рука моя зажила, и я мог работать обеими руками. Сначала беспомощность моя была ужасающей. Я никогда в жизни не плотничал и потому целыми днями возился в лесу, рубил и скреплял деревья. У меня не было веревок, и я не знал, из чего их сделать. Ни одна из многочисленных лиан не была достаточно гибкой и прочной для этой цели, а изобрести я, с моими обрывками научных знаний, ничего не мог. Более двух недель я рылся среди обугленных развалин дома и даже на берегу, где были сожжены лодки, в поисках гвоздей или еще каких-нибудь случайно уцелевших металлических предметов, которые могли бы мне пригодиться. По временам за мною наблюдал кто-нибудь из звероловцев, но, как только я окликал его, он исчезал. Наступила пора дождей, что очень замедлило мою работу, но в конце концов плот был готов.

Я был в восторге. Но по своей непрактичности, из-за которой я страдал всю жизнь, я построил плот на расстоянии мили от берега, и, когда я тащил его к морю, он развалился на куски. Быть может, это было и к лучшему, хуже было бы, если б я спустил его на воду. Но в то время я так остро почувствовал свою неудачу, что несколько дней в каком-то оцепенении бродил по берегу, глядя на воду и думая о смерти.

Но все же я не хотел умирать. А потом случилось событие, которое показало все безумие моей медлительности, так как каждый новый день приносил с собой все большую опасность

со стороны окружавших меня чудовищ. Однажды я лежал в тени у остатков ограды, смотря на море, как вдруг прикосновение чего-то холодного к пяткам заставило меня вздрогнуть. Привскочив, я увидел перед собой ленивцеподобное существо. Оно давно уже разучилось говорить и быстро двигаться, гладкая шерсть его с каждым днем становилась все гуще и гуще, а кривые лапки, вооруженные когтями, все толще. Оно издало жалобный звук и, увидев, что привлекло мое внимание, сделало несколько шагов к кустарникам и оглянулось на меня.

В первую минуту я не понял, чего оно от меня хотело, но потом сообразил, что оно звало меня за собой. День был жаркий, и я поплелся за ним до деревьев. Оно вскарабкалось наверх, так как свободнее двигалось по свисавшим с деревьев лианам, чем по земле.

И вот в лесу я увидел ужасное зрелище. На земле лежал мертвый сенбернар, а гиеносвинья припала к нему, охватив его тело своими безобразными лапами, и грызла его, урча от наслаждения. Когда я приблизился, она подняла на меня сверкающие глаза; дрожащие губы обнажили окровавленные клыки, и она угрожающе зарычала. Она не была ни испугана, ни смущена; в ней не осталось ничего человеческого. Я сделал еще шаг, остановился, вынул револьвер. Наконец-то я очутился лицом к лицу с врагом.

Она не сделала никакой попытки к бегству. Но уши ее встали, шерсть оцетинилась, все тело сжалось. Я прицелился ей меж глаз и выстрелил. Она бросилась на меня, сбила с ног, как кеглю, и ударила по лицу своей безобразной рукой. Но, не рассчитав, она перескочила через меня. Я очутился у нее под ногами, но, к счастью, выстрел мой попал в цель. Это был предсмертный прыжок. Выкарабкавшись из-под отвратительной тяжести, я встал, весь дрожа. Опасность, во всяком случае, миновала. Но я знал, что события только начинаются.

Я сжег оба трупа на костре. Теперь я ясно видел, что меня ждет неминуемая смерть, если я не покину остров. Все зверюды, за исключением нескольких, покинули ущелье и сообразно со своими наклонностями устроили себе в лесу берлоги. Лишь немногие из них выходили днем; большинство спало, и со стороны остров мог показаться совершенно безлюдным, но ночью воздух оглашался отвратительным воем и рычанием. Я даже думал убить их всех: расставить западни или просто перерезать ножом. Будь у меня достаточно патронов, я ни на минуту не заколебался бы перестрелять всех. Опасных хищников осталось не более двадцати; самые кроважные из них были уже мертвы. После смерти моего бедного сенбернара я начал дремать днем, чтобы ночью быть настороже. Я перестроил свое жилище, сделав такой узкий вход, что каждый, кто попытался бы войти, неизбежно должен был поднять шум. Кроме того, зверюды разучились добывать огонь и стали снова бояться его. Я опять начал усердно собирать стволы и ветки, чтобы сделать новый плот.

У меня на пути возникали тысячи затруднений. Я вообще очень неловкий и неумелый человек, и учился я, когда в школе еще не ввели обучение ручному труду, но в конце концов большую часть нужных для плота материалов я нашел или чем-либо заменил и на этот раз позаботился о прочности. Единственным непреодолимым препятствием было отсутствие посуды для воды, необходимой мне в скитаниях по этой глухой части океана. Я сделал бы себе глиняный горшок, но на острове не было глины. Долго бродил я по берегу, ломая себе голову, как преодолеть это последнее затруднение. Порой меня охватывало бешенство, и я, чтобы дать выход раздражению, рубил в щепки какое-нибудь несчастное дерево. Однако ничего придумать не мог.

Но вот настал день, чудесный день, полный восторга. Я увидел на юго-западе небольшое судно, похожее на шхуну, и немедленно зажег большой костер. Я стоял около огня, обдаваемый жаром, а сверху меня палило полуденное солнце. Целый день я не пил и не ел, только следил за этим судном, и у меня кружилась от голода голова. Зверюды подходили, смотрели на меня, удивлялись и снова уходили. Наступила ночь, а судно было все еще далеко; мрак поглотил его, и я трудился всю ночь, поддерживая костер, а вокруг удивленно светились в темноте глаза. На рассвете судно подошло ближе, и я определил, что это маленькая грязная парусная шлюпка.

Мои глаза устали. Я смотрел и не мог поверить. В шлюпке было двое людей: один – на носу, другой – на руле. Но сама шлюпка шла как-то странно. Она не плыла по ветру – ее просто несло течением.

Когда совсем рассвело, я принялся махать остатками своей блузы, но люди в шлюпке не замечали меня и продолжали сидеть. Я бросился на самый конец мыса, размахивал руками и кричал. Ответа не было, и лодка продолжала плыть без цели, медленно приближаясь к заливу. Вдруг из нее вылетела большая белая птица, но ни один из сидевших там людей не пошевелился и не обратил на это внимания. Птица описала круг в воздухе и улетела, взмахивая своими сильными крыльями.

Тогда я перестал кричать, сел на землю и, подперев рукой подбородок, стал смотреть вдаль. Шлюпка плыла медленно, направляясь к западу. Я мог бы доплыть до нее, но какой-то холодный смутный страх удерживал меня. Днем ее приливом прибило к берегу, и она очутилась в сотне шагов к западу от развалин ограды.

Люди, сидевшие в ней, были мертвы, они умерли так давно, что рассыпались в прах, когда я перевернул шлюпку на бок и вытащил их оттуда. У одного на голове была копна рыжих волос, как у капитана «Ипекакуаны», и на дне лодки валялась грязная белая фуражка. Пока я стоял около шлюпки, трое зверолодей вышли украдкой из-за кустов и приблизились ко мне, втягивая ноздрями воздух. Меня охватило отвращение. Я оттолкнул шлюпку от берега и вскарабкался в нее. На берег вышли два волка, у которых раздувались ноздри и сверкали глаза, а третьим был ужасный, неопиcуемый зверь – помесь медведя и быка.

Когда я увидел, как они, рыча друг на друга и сверкая зубами, подкрадываются к злополучным человеческим останкам, отвращение сменилось ужасом. Я повернулся к ним спиной, спустил парус и принялся грести, чтобы выйти в море. Я не мог заставить себя оглянуться назад.

Эту ночь я провел между рифом и островом, а на следующее утро добрался кружным путем до ручья и наполнил водой пустой бочонок, который нашел в шлюпке. Затем, собрав остатки терпения, я нарвал плодов, а потом подстерег и убил тремя последними патронами двух кроликов.

Шлюпку я оставил привязанной к рифу, боясь, как бы ее не уничтожили чудовища.

XXII

Наедине с собой

Вечером я сел в шлюпку и вышел в открытый океан, подгоняемый легким юго-западным ветром. Остров становился все меньше и меньше, тонкая струя дыма таяла на фоне заката. Вокруг меня расстилался океан, и вскоре темный клочок земли скрылся из глаз. Свет дня понемногу как бы стекал с неба, и передо мной раскрывалась голубая необъятная бездна, днем скрытая солнечным блеском вместе с плававшими в ней мириадами светил. Молчало море, молчало небо; я был один среди безмолвия и мрака.

Три дня носило меня по морю. Я старался есть и пить как можно меньше, размышлял о своих приключениях и не очень стремился снова увидеть людей. На мне висели какие-то лохмотья, грязные волосы были всклокочены. Без сомнения, когда меня подобрала, то сочли за сумасшедшего. Как ни странно, но я не чувствовал ни малейшего желания вернуться к людям. Я был рад только, что распростился навсегда с омерзительной жизнью среди чудовищ. На третий день меня подобрал бриг, шедший из Апии в Сан-Франциско. Ни капитан, ни его помощник не поверили моему рассказу, решив, что я сошел с ума от одиночества и страха перед смертью. Опасаясь, как бы остальные не подумали то же самое, я удержался от дальнейших рассказов, объявив, что не помню решительно ничего, что случилось со мной со дня гибели «Леди Вейн» и до того времени, как меня подобрал бриг, то есть за целый год.

Мне пришлось действовать с крайней осмотрительностью, чтобы рассеять подозрения в безумии. Меня преследовали воспоминания о Законе, о двух мертвых моряках, о засадах в темном лесу, о теле, найденном в тростнике. И как это ни странно, но с возвращением к людям вместо доверия и симпатии, которых следовало бы ожидать, во мне возросли неуверенность и страх, которые я испытывал на острове. Никто не поверил мне, но я относился к людям почти так же странно, как относился раньше к принявшим человеческий облик зверям. Возможно, я заразился их дикостью.

Говорят, что страх – это болезнь, и я могу это подтвердить, ибо несколько лет во мне жил страх, который, вероятно, испытывает еще не совсем укрощенный львенок. Моя болезнь приобрела самый странный характер. Я не мог убедить себя, что мужчины и женщины, которых я встречал, не были зверьми в человеческом облике, которые пока еще внешне похожи на людей, но скоро снова начнут изменяться и проявлять свои звериные инстинкты. Я доверился одному очень способному человеку, специалисту по нервным болезням, который лично знал Моро, и он как будто отчасти поверил моему рассказу. Он очень помог мне.

Я вовсе не рассчитываю на то, что ужасные картины, виденные на острове, когда-нибудь совершенно изгладятся из моей памяти, но все же они теперь ушли в глубину моего сознания, они далеки, как облачка, и кажутся нереальными; но иногда эти облачка разрастаются, закрывают все небо. И тогда я оглядываюсь на окружающих людей, дрожа от страха. Одни лица кажутся мне спокойными и ясными, другие – мрачными и угрожающими, третьи – переменчивыми, неискренними; ни в одном из людских лиц нет той разумной уверенности, которая отличает человеческое существо. Мне кажется, что под внешней оболочкой скрывается зверь и передо мной вскоре снова разыграется тот ужас, который я видел на острове, только еще в большем масштабе. Я знаю, что все это моя фантазия, что мужчины и женщины, которые окружают меня, действительно мужчины и женщины, они останутся такими всегда – разумными созданиями, полными добрых стремлений и человечности, освободившимися от инстинкта, они не рабы какого-то фантастического Закона и совершенно не похожи на зверолодей. Но все же я избегаю их, избегаю любопытных взглядов, расспросов и помощи, стремлюсь уйти, чтобы быть одному.

Вот почему я живу близ большой холмистой равнины и могу бежать туда, когда мрак окутывает мою душу. И как хорошо бывает там под безоблачным небом! Когда я жил в Лондоне, чувство ужаса было почти невыносимо. Я нигде не мог укрыться от людей: их голоса проникали сквозь окна; запертые двери были непрочной защитой. Я выходил на улицу, чтобы переломить себя, и мне казалось, что женщины, как кошки, мяукали мне вслед; кровожадные мужчины бросали на меня алчные взгляды; истомленные, бледные рабочие с усталыми глазами шли мимо меня быстрой поступью, похожие на раненых, истекавших кровью животных; странные, сгорбленные и мрачные, они бормотали что-то про себя, и, не замечая ничего этого, шли, болтая, как обезьянки, дети. Если я заходил в какую-нибудь церковь, мне казалось (так сильна была моя болезнь), что и тут священник бормотал «большие мысли», точь-в-точь как это делал обезьяно-человек; если же я попадал в библиотеку, склоненные над книгами люди, казалось мне, подкарауливали добычу. Особенно отвратительны для меня были бледные, бессмысленные лица людей в поездах и автобусах; эти люди казались мне мертвецами, и я не решался никуда ехать, пока не находил совершенно пустой вагон. Мне казалось, что даже я сам не разумное человеческое существо, а бедное больное животное, терзаемое какой-то странной болезнью, которая заставляет его бродить одного, подобно заблудшей овце.

Но, слава богу, это состояние овладевает мною теперь все реже. Я удалился от шума городов и людской толпы, провожу дни среди мудрых книг, этих широких окон, открывающихся в жизнь и освещенных светлой душой тех, которые их написали. Я редко вижу незнакомых людей и веду самый скромный образ жизни. Все свое время я посвящаю чтению и химическим опытам, а в ясные ночи изучаю астрономию. В сверкающих мириадах небесных светил – не знаю как и почему – я нахожу успокоение. И мне кажется, что все человеческое, что есть в нас, должно найти утешение и надежду в вечных всеобъемлющих законах мироздания, а никак не в обыденных житейских заботах, горестях и страстях. Я надеюсь, иначе я не мог бы жить. Итак, в надежде и одиночестве я заканчиваю свой рассказ.

Эдвард Прендик
1896

Человек-невидимка

Перевод Д. Вейса

Глава I

Появление незнакомца

Незнакомец появился в начале февраля; в тот морозный день бушевали ветер и вьюга – последняя вьюга в этом году; однако он пришел с железнодорожной станции Брэмблхерст пешком; в руке, обтянутой толстой перчаткой, он держал небольшой черный саквояж. Он был закутан с головы до пят, широкие поля фетровой шляпы скрывали все лицо, виднелся только блестящий кончик носа; плечи и грудь были в снегу, так же как и саквояж. Он вошел в трактир «Кучер и кони», еле передвигая ноги от холода и усталости, и бросил саквояж на пол.

– Огня! – крикнул он. – Во имя человеколюбия! Комнату и огня!

Страхнув с себя снег, он последовал за миссис Холл в приемную, чтобы договориться об условиях. Разговор был короткий. Бросив ей два соверена, незнакомец поселился в трактире.

Миссис Холл затопила камин и покинула гостя, чтобы собственноручно приготовить ему поест. Заполучить в Айпинге зимой постояльца, да еще такого, который не торгуется, – это была неслыханная удача, и миссис Холл решила показать себя достойной счастливого случая, выпавшего ей на долю.

Когда ветчина поджарилась, а Милли, вечно сонная служанка, выслушала несколько уничтожающих замечаний, что, видимо, должно было подстегнуть ее энергию, миссис Холл отнесла в комнату приезжего скатерть, посуду и стаканы, после чего стала с особым шиком сервировать стол. Огонь весело трещал в камине, но приезжий, к величайшему ее удивлению, до сих пор не снял шляпы и пальто; он стоял спиной к ней, глядя в окно на падающий снег. Руки его, все еще в перчатках, были заложены за спину, и он, казалось, о чем-то глубоко задумался. Хозяйка заметила, что снег у него на плечах растаял и вода капает на ковер.

– Позвольте, мистер, ваше пальто и шляпу, – обратилась она к нему, – я отнесу их на кухню и повешу сушить.

– Не надо, – ответил он, не оборачиваясь.

Она решила, что ослышалась, и уже готова была повторить свою просьбу.

Но тут незнакомец повернул голову и посмотрел на нее через плечо.

– Я предпочитаю не снимать их, – заявил он.

При этом хозяйка заметила, что на нем большие синие очки-консервы и что у него густые бакенбарды, скрывающие лицо.

– Хорошо, мистер, – сказала она, – как вам будет угодно. Комната сейчас нагреется.

Незнакомец ничего не ответил и снова повернулся к ней спиной. Видя, что разговор не клеится, миссис Холл торопливо накрыла на стол и вышла из комнаты. Когда она вернулась, он все так же стоял у окна, подобно каменному изваянию, сторбленный, с поднятым воротником и низко опущенными полями шляпы, скрывавшими лицо и уши. Поставив на стол яичницу с ветчиной, она почти крикнула:

– Завтрак подан, мистер!

– Благодарю вас, – ответил он тотчас же, но не двинулся с места, пока она не закрыла за собой дверь. Тогда он круто повернулся и подошел к столу.

– Ох уж эта девчонка! – сказала миссис Холл. – А я и забыла про нее! Вот канительщица! – Взявшись сама растирать горчицу, она отпустила несколько колкостей по адресу Милли за ее необычайную медлительность. Сама она успела поджарить яичницу с ветчиной, накрыть на стол, сделать все, что нужно, а Милли – хороша помощница! – оставила гостя без горчицы. А ведь он только приехал и хочет, видно, здесь пожить. Поворчав, миссис Холл наполнила горчичницу и, поставив ее не без торжественности на черный с золотом чайный поднос, понесла к постояльцу.

Она постучала и тут же вошла. Незнакомец сделал быстрое движение, и она едва успела увидеть что-то белое, мелькнувшее под столом. Он, очевидно, что-то подбирал с полу. Она поставила горчицу на стол и при этом заметила, что пальто и шляпа гостя лежат на стуле у камина, а на стальной решетке стоит пара мокрых башмаков. Решетка, конечно, заржавеет. Миссис Холл решительно приблизилась к камину и заявила тоном, не допускающим возражений:

– Теперь, я думаю, можно взять ваши вещи и просушить.

– Оставьте шляпу, – сказал приезжий сдавленным голосом. Обернувшись, она увидела, что он сидит выпрямившись и смотрит на нее.

С минуту она стояла, вытаращив глаза, потеряв от удивления дар речи.

Нижнюю часть лица он прикрывал чем-то белым, по-видимому салфеткой, которую привез с собой, так что ни его рта, ни подбородка не было видно. Потому-то голос и прозвучал так глухо. Но не это поразило миссис Холл. Лоб незнакомца от самого края синих очков был обмотан белым бинтом, а другой бинт закрывал уши, так что неприкрытым оставался только розовый острый нос. Нос был такой же розовый и блестящий, как в ту минуту, когда незнакомец появился впервые. Одет он был в коричневую бархатную куртку; высокий темный воротник, подшитый белым полотном, был поднят. Густые черные волосы, выбиваясь в беспорядке из-под перекрещенных бинтов, торчали пучками и придавали незнакомцу чрезвычайно странный вид. Его закутанная и забинтованная голова так поразила миссис Холл, что от неожиданности она остолбенела.

Он не отнял салфетки от лица и, по-прежнему придерживая ее рукой в коричневой перчатке, смотрел на хозяйку сквозь непроницаемые синие стекла.

– Оставьте шляпу, – снова невнятно сказал он сквозь салфетку. Миссис Холл, оправившись от испуга, положила шляпу обратно на стул.

– Я не знала, сударь... – начала она, – что вы... – И смущенно замолчала.

– Благодарю вас, – сухо сказал он, многозначительно поглядывая на дверь.

– Я сейчас все высушу, – сказала она и вышла, унося с собой платье. В дверях она снова посмотрела на его забинтованную голову и синие очки; он все еще прикрывал рот салфеткой. Закрывая за собой дверь, она вся дрожала, и на лице ее было написано смятение. – В жизни своей... – прошептала она. – Ну и ну! – Она тихо вернулась на кухню и даже не спросила Милли, чего она там возится.

Незнакомец между тем внимательно прислушивался к удаляющимся шагам хозяйки. Прежде чем отложить салфетку и снова приняться за еду, он испытующе посмотрел на окно. Проглотив кусок, он опять, уже с подозрением, посмотрел на окно, потом встал и, держа салфетку в руке, спустил штору до белой занавески, прикрывавшей нижнюю часть окна. Комната погрузилась в полумрак. Несколько успокоенный, он вернулся к столу и продолжал завтрак.

– Бедняга, он расшибся, или ему сделали операцию, или еще что-нибудь, – сказала миссис Холл. – Весь перевязанный, даже смотреть страшно.

Она подбросила угля в печку, придвинула подставку для сушки платья и разложила на ней пальто приезжего.

– А очки! Да что говорить, водолаз какой-то, а не человек. – Она повесила на подставку шарф. – А лицо прикрывает тряпкой! И говорит сквозь нее!.. Может быть, у него рот тоже болит? – Тут она обернулась, видимо внезапно вспомнив о чем-то. – Боже милостивый! – воскликнула она. – Милли! Неужели блинчики еще не готовы?

Когда миссис Холл вошла в гостиную, чтобы убрать со стола, она нашла новое подтверждение своей догадке, что рот незнакомца изуродован или искалечен несчастным случаем: незнакомец курил трубку и все время, пока она была в комнате, ни разу не приподнял шелковый платок, которым была обвязана нижняя часть его лица, и не взял мундштук в рот. А ведь он вовсе не забыл про свою трубку: миссис Холл заметила, что он поглядывает на тлеющий

понапрасну табак. Он сидел в углу, спиной к опущенной шторе; подкрепившись и согрившись, он, очевидно, почувствовал себя лучше и говорил уже не так отрывисто и раздраженно. В красноватом отблеске огня его огромные очки как будто ожили.

– На станции Брэмблхерст, – сказал он, – у меня остался кое-какой багаж. Нельзя ли послать за ним? – Выслушав ответ, он вежливо наклонил забинтованную голову. – Значит, только завтра? – сказал он. – Неужели нельзя раньше? – И очень огорчился, когда она ответила, что нельзя. – Никак нельзя? – переспросил он. – Быть может, все-таки найдется кто-нибудь, кто съездил бы с повозкой на станцию?

Миссис Холл охотно отвечала на все вопросы, надеясь таким образом вовлечь его в беседу.

– Дорога к станции очень крутая, – сказала она и, пользуясь случаем, добавила: – В прошлом году на этой дороге опрокинулся экипаж. Седок и кучер оба убились насмерть. Долго ли до беды? Одна минута – и готово, не правда ли, мистер?

Но гостя не так-то легко было втянуть в разговор.

– Правда, – сказал он, спокойно глядя на нее сквозь непроницаемые очки.

– А потом когда еще поправишься, правда? Вот, к примеру сказать, мой племянник Том порезал себе руку косой – косил, знаете, споткнулся и порезал, – так, поверите ли, три месяца ходил с перевязанной рукой. С тех пор я ужас как боюсь этих кос.

– Это неудивительно, – сказал приезжий.

– Одно время мы даже думали, ему придется сделать операцию, так ему было худо.

Приезжий отрывисто засмеялся, словно залаял.

– Так ему было худо? – повторил он.

– Да, мистер. И это было вовсе не смешно для тех, кому приходилось с ним возиться. Вот хоть бы и мне, мистер, потому что сестра все нянчилась со своими малышами. Только и знай завязывай да развязывай ему руку, так что, ежели позволите...

– Дайте мне, пожалуйста, спички, – вдруг прервал он ее. – Моя трубка погасла.

Миссис Холл замолчала. Несомненно, с его стороны несколько грубо прерывать ее таким образом. С минуту она сердито смотрела на него, но, вспомнив про два соверена, пошла за спичками.

– Благодарю, – коротко сказал он, когда она положила спички на стол, и, повернувшись к ней спиной, стал снова глядеть в окно. Очевидно, разговор о бинтах и операциях был ему неприятен. Она решила не возвращаться к этой теме. Нелюбезность незнакомца рассердила ее, и Милли пришлось это почувствовать на себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.